



This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the [Institute for the Study of the Ancient World Library](#) at New York University.

- Creator: Dedabrišvili, S. / დედაბრიშვილი, შ. / Дедабришвили, Ш. III.
- Title: კახეთის არქეოლოგიური ექსპლოციის მრომები ტომი II (ალაზნის ველის გორასამარხები) / Труды кахетской археологической экспедиции том II (Кырганы Алазанской Долины)
- Publication Date: 1979
- Publisher: Georgian National Academy of Sciences, GNM Archaeological Center
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_5e566a32d4

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy:
<http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice>.

KШ. Ш. ДЕДАБРИШВИЛИ

**КУРГАНЫ
АЛАЗАНСКОЙ
ДОЛИНЫ**

«МЕЦНИЕРЕБА» 1979

საქართველოს სსრ მინისტრებათა პაკადეგი
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

არქეოლოგიური კომისია
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

გვ. ჯავახიშვილის სახ. ისტორიის, არქეოლოგიისა და ეთნოგრაფიის
ინსტიტუტის არქეოლოგიური კვლევის ვებგვერდი
ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ



შ. ღეღაგრიშვილი

ალექსი ველის
გორასამარხები

(კახეთის არქეოლოგიური ექსპიციის გროვები)

II

გამოცემლობა „მეცნიერება“
თბილისი — 1979

WE
3921

Ш. Ш. ДЕДАБРИШВИЛИ

КУРГАНЫ АЛАЗАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Труды кахетской
археологической экспедиции)

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ — 1979



902.6(с41)
902.6(47.922)
Д 262

В предлагаемой работе впервые публикуются материалы курганных погребений Алазанской долины, относящихся к ранним ступеням бронзового века. В ней дается описание отдельных курганных групп, полные сведения о раскопках, а также анализ добывшего материала. На основе последнего получены некоторые выводы относительно взаимоотношения культур эпох ранней и средней бронзы, времени появления курганных погребений на рассматриваемой территории, прослежен обряд погребения и затронуты вопросы социально-экономического характера общества исследуемого времени.

Книга рассчитана на специалистов кавказоведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся археологией Кавказа.

Д 10602
М 607 (06) — 78 240—78 © Издательство «Мецнериба», 1979

28/39



ОТ РЕДАКТОРА

Кахетская археологическая экспедиция (КАЭ) Центра археологических исследований, Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР проводит обширные исследования на территории новостроек — Верхнеалазанской и Нижнесамгорской оросительных систем, Цнорского животноводческого комплекса, строительных участков Министерства шоссейных дорог ГССР, водохранилища и оросительной системы Тарибана, Земо Мачхаани и др.¹.

За последние десять лет² (1967—1977 гг.) КАЭ приступила к систематическим археологическим раскопкам, проводя попутно и поисковые работы.

КАЭ состоит из пяти отрядов: I отряд — руководитель Т. В. Бугианишвили, изучает эпоху камня; II отряд — руководитель Ш. Ш. Дедабришвили — исследует памятники эпохи ранней и средней бронзы; III отряд — руководитель К. Н. Пицхелаури (начальник экспедиции) — исследует эпоху поздней бронзы и железа; IV отряд — руководитель Н. Ф. Маманишвили — изучает античную эпоху края, а V отряд — руководитель Ц. Н. Чикондзе — изучает памятники средневековья³.

Настоящий том трудов КАЭ полностью посвящен изучению памятников эпохи ранней бронзы. Поэтому мы коснемся только работ II отряда за прошедшее десятилетие.

Выявление и исследование материальной культуры эпохи ранней и средней бронзы на территории Иоро-Алазанского бассейна всецело связано с именем одного из самых ярких фигур среди ученых археологов Грузии Шио Шотаевича Дедабришвили.

Сейчас мы с невыразимой болью вынуждены говорить о том, что среди нас нет нашего ближайшего друга и, можно сказать, соратника по экспедиционным работам на протяжении четырнадцати лет.

В возрасте 45 лет, 15 ноября 1977 года Кахетская археологическая экспедиция, вся археологическая наука Грузии и Закавказья по-

¹ Мы приносим свою благодарность проектировщикам и строителям, работникам партийных и советских органов, которые оказывали действенную помощь в работе КАЭ.

² Первый том трудов КАЭ вышел в 1969 г. За истекшее десятилетие экспедиция была занята исключительно полевыми работами и камеральной обработкой материала на протяжении 9—11 месяцев в году, что и задержало их публикацию, но уже со второго тома мы начинаем серийное издание добывших материалов. В некоторых томах, как и в настоящем, будут публиковаться труды монографического характера, а другие будут представлять собой сборники трудов разных автором.

³ В настоящее время V отрядом временно руководит Н. Ф. Маманишвили, так как с 1977 года Ц. Н. Чикондзе назначена начальником Руставской археологической экспедиции.

несла невосполнимую утрату — в расцвете творческих сил скончался старший научный сотрудник Центра археологических исследований при Институте истории, археологии и этнографии, кандидат исторических наук, с 1964 года заместитель начальника Кахетской археологической экспедиции, а с 1977 года начальник КАЭ № 2 Шио Шотаевич Дедабришвили. За эти годы все успехи Кахетской археологической экспедиции были связаны и с его именем.

Широки были масштабы интересов Ш. Ш. Дедабришвили. Глубокая эрудиция археолога и большой талант давали ему возможность одновременно охватить такие проблемы как выявление и изучение памятников ранней бронзы на территории Кахети, их связь с памятниками Северного Кавказа, Европы и Передней Азии. Ш. Ш. Дедабришвили особенно глубоко изучил вопрос связи материалов эпохи ранней бронзы восточного Закавказья с культурами восточной Европы. Посвященная этому вопросу его работа была опубликована в Польше и вызвала большой интерес специалистов. Ш. Ш. Дедабришвили много времени уделил выявлению локальных вариантов т. н. «куро-аракской» культуры и особенно глубоко исследовал вопрос связи этой культуры с последующими материалами эпохи средней бронзы. Ряд работ он посвятил вопросам хронологии памятников ранней и средней бронзы. К сожалению, Ш. Ш. Дедабришвили не успел полностью закончить исследование этих вопросов. Несмотря на это, работа колоссальных масштабов, проделанная им, оставила неизгладимый след в изучении древней истории Иоро-Алазанского бассейна.

До того, пока Ш. Ш. Дедабришвили начал изучать памятники эпохи ранней и средней бронзы этого края, в специальной литературе встречались лишь разрозненные сведения о единичных, случайных находках и эпизодических раскопках памятников данного времени⁴. Однако, практически Кахети являлась белым пятном на археологической карте памятников ранней и средней бронзы.

За последние же годы здесь выявлено около сорока разнохарактерных памятников эпохи ранней бронзы. Это поселения, временные стоянки, отдельные курганы и погребения, а также их группы. Среди них выделяются поселения: Илто (раскопки 1965—1969 гг.), Телеби (раскопано частично), Сиони⁵ и около двух десятков жилых холмов на Алазанской долине, где имеются следы поздней ступени этой эпохи.

По мнению Ш. Ш. Дедабришвили, наиболее ранней группой куро-аракской культуры являются Греми, Сиони, Арашенда и др., с помощью которых в определенной степени удается проследить процесс становления характерных черт керамики данного времени и, наряду с этим, наличие архаических признаков, связывающих указанную группу с т. н. раннеземледельческими памятниками. Однако это ни в коем случае не означает, что кахетские памятники культурно, да и хронологически, непосредственно примыкают к последним. Как думает Ш. Ш. Дедабришвили, между ними еще будут выявлены промежуточные памятники, которые отразят завершающую стадию «шулаверской» культуры. А отражением завершающей стадии этой эпохи он

⁴ К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна (на грузинском языке с русским резюме), Тб., 1965, с. 31—37.

⁵ Р. М. Рамишвили. Работы Сионской экспедиции 1962 г. XIV научная сессия ИПАИ (на грузинском языке), Тб., 1963, с. 17.

считает памятники типа Сиони и несколько более поздние, уже со сформировавшимися чертами куро-аракской культуры⁶.

Наиболее полную формулировку степени изучения памятников эпохи ранней и средней бронзы Иоро-Алазанского бассейна дает нам Ш. Ш. Дедабришвили в одной из своих последних работ, выдержку из которой мы сочли нужным привести почти полностью⁷.

На территории Кахети выявлены памятники Земо Бодбе и Греми, отражающие определенную организацию скотоводства и межплеменных связей. Здесь мы имеем дело с пунктами, где при перегоне овец с сезонных пастбищ, чобаны останавливались на ночевку. Причем, прослеженный нами маршрут скотопрогонных дорог свидетельствует о его стабильности вплоть до наших дней⁸. Наряду с этим, временную стоянку Греми, вероятно, использовали при переходе через перевал Кадори, ведущего в горные районы Дагестана и Чечни.

Следующую хронологическую группу памятников рассматриваемой культуры представляют собой погребения у с. Хирса и Машнаари, а также серия случайных находок из разных пунктов Кахети (Гулгула, Чикаани, Алазанская долина и др.). Все они содержат керамику, которая по общепринятым мнению составляет одну из ранних групп куро-аракской культуры, и примыкают к т. н. дидубе-кикетской группе памятников.

В свете вышесказанного, а также исходя из данных поселения Тетрицкаро⁹ и Квемо Картли и других памятников этого края, где в настоящее время сосредоточена большая часть исследованных памятников раннеземледельческой культуры типа Шулаверисгора, мы считаем, что памятники типа Сиони, Тетрицкаро отражают начальный этап развития куро-аракской культуры и последующие за ними памятники (дидубе-кикетская группа) завершают стадию формирования этой культуры, знаменуя наряду с этим, завершение эпохи энеолита и начало эпохи ранней бронзы. То есть этим мы хотим еще раз подчеркнуть, что куро-аракская культура зародилась и начала свое формирование в энеолите, а ее развитая стадия приходится на эпоху ранней бронзы. Следовательно, куро-аракская культура не является культурой одной эпохи, а представлена в двух последовательных археологических периодах — и в этом заключается один из выводов, полученных в результате работ второго отряда КАЭ.

Понятно, что зарождение и развитие куро-аракской культуры не однозначная проблема и она еще далека от своего полного решения, поэтому одной из основных задач работ этого отряда является поиск ранних памятников этой культуры.

Примечательно, что более развитые ступени куро-аракской культуры (эпоха ранней бронзы) представлены на памятниках, где отсутствует энеолитический слой. Понятно, что данный вопрос еще ждет своего решения и мы не станем останавливаться на нем подробно, от-

* Ш. Ш. Дедабришвили. К вопросу об энеолите Восточной Грузии (на грузинском языке), III сессия Гурджаанского краеведческого музея, Тб., 1971, с. 16, 17.

⁷ К. Н. Пицхелаури, Ш. Ш. Дедабришвили. Археологические исследования на новостройках Кахети. «Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР», Тб., 1976, с. 14—17.

⁸ Ш. Ш. Дедабришвили. Памятники эпохи ранней и средней бронзы. Труды Кахетской археологической экспедиции, т. I, с. 72—75.

⁹ Г. Ф. Гобеджишвили. Поселение Тетрицкаро (рукопись, на груз. яз.).

метим лишь, что, вероятно, это явилось следствием таких сдвигов экономического порядка, вытеснение которых связано с накоплением новых данных. Что же касается собственно развитых памятников куро-аракской культуры, то они представлены, как говорилось, на поселении Илто (ярче всего) и поселении Телеби (Алаверди II), а также завершающая стадия эпохи ранней бронзы наличествует на вышеупомянутых жилых холмах Алазанской долины (Ткисбологора, Муракебы, Рухигора и др.).

Что же дают нам эти памятники и как они вписываются в ареал куро-аракской культуры? Необходимо отметить, что они практически повторяют общие для этой культуры закономерности развития материальной культуры, но вместе с тем на них наблюдаются определенные своеобразные явления, связанные с определенным географическим положением края — у южных склонов Большого Кавказа. Понятно, что каждая область этой культуры служит связующим звеном или точнее посредником общения смежных областей, однако некоторые из них несут эту нагрузку в большей степени. Так, Триалети является срединным звеном, связующим между собой южные и северные области этой культуры, а Кахети осуществляет связь (более интенсивно, чем Шида Картли) с северными областями и через ее территорию проходит обоюдона направленный поток межплеменных связей. Поэтому мы здесь встречаем большее число элементов северо-восточно-кавказского варианта куро-аракской культуры (обмазанная кухонная керамика), чем в более южных районах. Одновременно в Кахети встречаются т. н. «южные» элементы, неизвестные на севере.

Заключительную стадию эпохи ранней бронзы отражают и такие памятники, как комплекс разрушенного погребения в с. Квемо Кеди, курганные погребения Алазанской долины (циорский животноводческий комплекс) и др. Последние дали довольно выразительный материал имущественной и социальной дифференциации раннебронзового общества, в недрах которого непосредственно созревали предпосылки «цветущей поры» Триалетской культуры эпохи средней бронзы и непосредственная связь с ней. Мы не будем приводить общезвестные положения, утверждающие или отрицающие отсутствие между этими культурами генетической связи. Отметим, что именно материалы поселения Илто, вкупе, естественно, с ранее известными памятниками других областей Грузии дали возможность установить более или менее твердо указанную связь. Причем здесь необходимо отметить, что такая связь устанавливалась при отсутствии определенного хронологического или культурного звена, каковым и в настоящее время выглядят памятники типа курганов Алазанской долины и ранее обнаруженные беденские курганы¹⁰.

Но так или иначе генетическую связь культур эпох ранней и средней бронзы следует считать в определенной степени решенной, хотя это не значит, что уже не потребуется дальнейшее накопление материала и обобщение его. Наоборот. Точно так же, как необходимы новые памятники начальной поры эпохи ранней бронзы, так же необходимы и памятники ее заключительной стадии, ибо все же еще нет серии таких памятников, которые позволили бы более полно обрисовать картину подготовки перехода не столько от одной культуры в другую, сколько эпохальные сдвиги. Ибо в это время как-будто происходит не

¹⁰ Г. Ф. Гобеджишвили. Беденская гробница. «Дзеглис мегобари», вып. 12.

только смена культуры, но и смена эпох. Именно этот сложнейший момент в истории развития материальной культуры является еще одной важной проблемой работ второго отряда КАЭ.

На примере памятников Кахети мы прослеживаем зарождение многих элементов, которые потом занимают ведущее место в триалетской культуре. Это относится не только к керамике, но и определенным духовным воззрениям, как, например, появление в эпоху ранней бронзы курганных погребений, кремации (Самгори, Мелигеле) и их определенное господство в эпоху ранней бронзы.

Касаясь вопроса исследования эпохи средней бронзы, мы вынуждены традиционно отметить, что до начала работ КАЭ памятники этого времени вообще не были известны в Кахети. Лишь единственная случайная находка в Рустави расписного сосуда должна была характеризовать эту эпоху.

В настоящее время их число превышает не один десяток.

Одним из главных результатов работы КАЭ следует считать выявление практически первых поселений эпохи средней бронзы. Мы уже упоминали поселения Илто и Ткисбологора. Сюда следует добавить еще около двадцати упомянутых холмов Алазанской долины, где, судя по подъемному материалу, имеется и слой эпохи средней бронзы. Открытие поселений этого времени важно тем, что наше знание о триалетской культуре и вообще об эпохе средней бронзы весьма однобоко — до сих пор были известны лишь погребальные памятники и те так же весьма односторонне — в основном захоронения родоплеменной знати. Значение поселений этого времени определяется степенью наших знаний, а они весьма ограничены. Прежде всего следует отметить, что до настоящего времени не ясен вопрос экономической основы общества, создающие такие образцы «варварского великолепия», которыми представлены триалетские курганы. До сих пор остается нерешенным вопрос о характере хозяйства этого времени, которое, как считают некоторые археологи, основывалось на скотоводстве, а другие и на земледелии и скотоводстве. Непонятно происхождение многих элементов культуры этого времени, у которых не обнаружены местные или другие истоки. Следует подчеркнуть, и тот факт, что практически еще не очерчены границы триалетской культуры и далеко не решен вопрос о ее идентичности или отличии от памятников других областей Закавказья, где развивается эпоха средней бронзы, берущая истоки из как-будто единой для всей этой территории куро-аракской культуры. Ведь известно, что до последнего времени в специальной литературе господствовало мнение, что Триалети является периферией или самой северной областью культуры эпохи средней бронзы. В настоящее время с этим мнением можно не соглашаться, ибо границы собственно триалетской культуры отодвигаются к самому подножью Большого Кавказа. Кроме того, находки КАЭ позволили говорить о том, что богатые погребальные комплексы характерны не только для собственно Триалети, но и для более северных районов, в частности, Кахети. Известно, что все триалетские курганы были разграблены еще в древности. В Кахети мы впервые встречаем неразграбленное погребение.

Садугский курган № 2, раскопанный в 1971 г. знаменовал собой некоторый сдвиг в изучении триалетской культуры, ибо практически такие памятники не были известны за пределами южных областей¹¹.

¹¹ К. Пицхелаури, Ш. Дедабришвили. Некоторые итоги работ КАЭ. В сб. „Новые археологические находки на территории Груз. ССР,” Тб., 1972, с. 12—33.

Сравнительное обилие драгоценных изделий и оригинальной керамики, орнаментированной путем обжига, уникальный бронзовый меч и другие предметы позволяют говорить о том, что данное погребение принадлежало главе племени. На верность такого же предположения указывает косвенно могильник Швиндиани, раскопанный вторым отрядом в 1969—1971 гг. Это родовой могильник эпохи средней бронзы, который на фоне вышеприведенного кургана выглядит весьма бледным по составу инвентаря отдельных погребений. Однако его научная ценность ничуть не меньше, так как он свидетельствует, что имущественная дифференциация в эту эпоху достигает довольно высокого уровня и разница между рядовыми членами общества и его верхушкой принимает все более глубокий характер.

Естественно, мы сейчас не можем полностью отразить все будущие задачи и важность открытых, сделанных за прошедшие годы вторым отрядом КАЭ. Сказанное лишь кратко отражает основные моменты ее работы и нам остается в заключение добавить, что одной из главных задач работы второго отряда является изучение поселений на Алазанской долине.

К исполнению этого последнего желания Ш. Ш. Дедабришивили Кахетская археологическая экспедиция приступает уже в начале 1978 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой монографии полностью публикуются памятники Алазанской долины (Грузинская ССР).

Работы по исследованию этих курганов велись исключительно Кахетской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР и финансировались на основании советского законодательства различными ведомствами и строительствами Министерства водного хозяйства и мелиорации ГССР. Именно благодаря этому стало возможным полное исследование одного из самых крупнейших курганов эпохи ранней бронзы — I кургана циорского животноводческого комплекса.

Памятники Алазанской долины, точнее их определенная часть, входит в число таких, которые в настоящее время еще мало известны и находятся в стадии первоначального накопления фактического материала. Они относятся к разряду таких памятников, как беденские и квемокартлийские курганы, погребения в Ховле и курган, исследованный в 1976 г. в тех же местах.

Материалы памятников такого порядка дают основание выделить в эпохе ранней бронзы еще один алазано-беденский, явно заключительный, ее этап и поставить вопрос о культурной атрибуции этого круга памятников. В настоящее время их изучение в определенной степени напоминает положение с триалетской культуры эпохи средней бронзы, которая до последнего времени была известна лишь погребальными памятниками.

Материальная культура алазано-беденского круга памятников, характеризуется высокоразвитой металлургией — здесь впервые в ареале Кавказского раннебронзового периода появляется оловянистая бронза; златокузнецеством; гончарным делом, уже выходящим за рамки чисто домашнего производства и т. д.

Погребальный обряд в целом и отдельные его детали позволяют проследить высокую ступень экономического развития племен этого времени и, наряду с этим, установить ту подспудно зревшую социальную дифференциацию, которой характеризуется данное общество.

Вообще появление в археологическом поле зрения алазано-беденских памятников значительно обогащает наши знания об этой эпохе, но вместе с этим не заполняет того хиатуса, который наблюдается на рубеже двух эпох.

Проблемы, возникающие в связи с изучением этого нового явления, неисчислимы и решение их дело будущего, дело скрупулезного накопления полевого материала и его последующего анализа.

Каталогическая часть данного труда, совместно с автором сделана младшей научной сотрудницей Кахетской археологической экспедиции Р. Н. Русишвили.

Сейчас же мне хочется принести глубокую благодарность всем членам Кахетской археологической экспедиции во главе с К. Н. Пицхелаури, благодаря полевой работе которых написана эта монография.

В ВЕДЕНИЕ

Алазанская долина является составной частью исторической провинции Грузии — Кахети. Бассейн р. Алазани, основную часть которого составляет названная долина, называется Шида (внутренняя) Кахети. Сюда полностью входят Лагодехский, Кварельский, Телавский и частично Сигнахский, Гурджаанский и Ахметский районы Грузинской ССР.

Алазанская долина начинается с довольно узкого ущелья Панкиси и, постепенно расширяясь, в средней части достигает 20—25 километровой ширины¹. Максимальная же ширина по линии Циори—Лагодехи равна 35 км. Длина долины около 110 км. Она расположена между южными склонами кахетского Кавкасиони с одной и Цивигомборского хребта и Гаре (внешне) кахетского (или Иорского) плоскогорья с другой стороны. Долина возвышается по краям в направлении граничащих с ней хребтов и переходит в рельеф холмов и предгорий.

Высота Алазанской долины колеблется от 180 (в низовье р. Алазани) до 600 м над уровнем моря (у выхода р. Алазани из Панкисского ущелья). Она имеет наклон к юго-востоку, причем, с этой стороны открыто переходит в низменность нижнего течения р. Мtkвари (Кура).

Алазани, занимающая на равнине самое низкое положение, делит ее на две части, образуя левое (Гагмамхари) и правое (Цинамхари) побережья.

Продолжением Алазанской долины на территории Азербайджана является Афтаранская долина или бассейн р. Агричай. Общая площадь бассейна равняется 16920 кв. км, большая часть которой приходится на территорию Грузии.

Климат долины умеренно теплый, умеренно влажный. Среднегодовая температура составляет 12—13°. Январская температура равна 0—1°. В редких случаях она падает до —15—20°. Температура теплых месяцев составляет в среднем 22—25° (1; 2)².

Количество атмосферных осадков равно 600—800 мм в год. Наибольшее — выпадает в мае и июне. В это время наблюдаются ливни и град. Большое количество осадков выпадает на левобережья р. Алазани. Снежный покров редко имеет устойчивый характер. Здесь гос-

¹ Географическое описание целиком основано на специальной литературе, указание на которую дано в тексте.

² Цифры в скобках указывают на порядковый номер источника, список которых помещен в конце работы.

подствуют ветры по направлению долины — северо-западные и юго-восточные. Наблюдаются так же горно-долинные.

Почвенный покров Алазанской долины весьма разнообразен. На правом берегу верхней части горных склонов полосой залегают карбонатные перегнойные почвы. Такая же почва встречается и на левом берегу. Эти почвы дают высокий урожай сельскохозяйственных культур. Особенно благоприятны они для разведения винограда.

На правом берегу, ниже карбонатно-перегнойного края и на более пологих склонах, залегают в основном черноземные почвы. В прибрежных районах правобережья встречаются каштановые почвы, также благоприятные для виноградарства.

На левом берегу долины, у подножья Большого Кавказа, довольно широкой полосой залегают делювиальные карбонатные почвы, покрытые в основном лесными массивами. Алювиальные почвы распространены по обеим сторонам Алазанской долины, на древних террасах.

Флора долины также разнообразна. В результате многовековой хозяйственной деятельности человека лесные массивы поредели и изменились. Остатки древнейшей флоры представлены зарослями лиан, распространенных в восточной части левобережья. Здесь в основном встречается дуб в смешении с кленом, дикими яблонями и кизилом.

В юго-восточной части долины распространены ксерофитовые, т. н. «светлые» леса, где преобладают колючий кустарник.

На Алазанской долине, которая составляет 7% всей территории Грузии, сосредоточено примерно 10% зерновых культур и свыше 25% виноградников всей республики. В то же время долина является основной частью Кахети и на нее приходится примерно 40% посевных площадей, 50% садов и 80% виноградников всего края.

Основная масса населения располагается по правой стороне долины на склонах Цивгомборского хребта на высоте примерно 300—600 м над уровнем моря.

Богата Алазанская долина и природными ресурсами. Здесь широко распространены многочисленные залежи глин, пригодных как для строительных материалов, которые в настоящее время используются местными жителями для жилищных и прочих нужд, и такие, которые с успехом применяются для производства различных гончарных изделий и в первую очередь — посуды (3, стр. 26). На территории Алазанской долины в настоящее время имеется несколько сел, жители которых занимаются изготовлением глиняной посуды. Примечательно, что они используют местные, расположенные у сел месторождения глин (сс. Бодбе, Вардисубани, Икалто и др.). Следует отметить, что, основываясь на качестве глин, гончарное производство указанных сел специализируется на определенных видах гончарной продукции.

Значительны также и меднорудные проявления. Особенно крупные месторождения зафиксированы близ с. Артана, в бассейне р. Челта, расположенное также в 12 км от с. Шилда и ладуанское месторождение, находящееся в 6—7 км от шилдского. Помимо этих имеются и менее значительные месторождения у сс. Сатушр, Саборио и Пшавели (4, стр. 17). Но примечательно, что все названные месторождения зафиксированы на левом берегу р. Алазани на южных склонах Большого Кавказа. Г. А. Твалчрелидзе указывает, что пояс кахетских медных месторождений начинается у истоков р. Алазани и

тянется вдоль южного склона Большого Кавказа вплоть до Дагестана. Причем его длина достигает 250 км, а ширина — 15 км (5, стр. 23—34).

Таким образом, природные условия Алазанской долины весьма благоприятны для развития многих отраслей сельского хозяйства и основных видов домашнего ремесла. Характерно, что по мнению специалистов геоклиматические условия Кахети, и в частности Алазанской долины не претерпели существенных изменений и весьма близки к сегодняшним (6, стр. 481—520; 7). Хотя, как мы увидим ниже, археологические данные дают возможность проследить за некоторыми изменениями, связанными с хозяйственной деятельностью человека.

К сказанному еще следует добавить, что на Алазанской долине, существуют и благоприятные условия для развития скотоводства. Причем, здесь имеются, правда с сегодняшней точки зрения, не обширные зимние пастбища (напр., у сс. Земо и Квемо Алвани). А летние пастбища располагаются в горах Мтатушети в одно- и двухдневном переходах от указанных сел, и максимум в восьмидневном переходе от крайней восточной окраины долины.

Следует отметить и хорошую коммуникабельность Алазанской долины, связанной не только с внутренними районами центрального Закавказья, но и с горными районами и северными склонами Большого Кавказа, с которыми они связывались удобными перевальными тропами (8, стр. 68). Наличие этих путей, их сравнительная доступность сделали возможным более интенсивное племенное общение, способствующее взаимовлиянию и обоюдному прогрессу.

Приведенное краткое описание геоклиматических условий Алазанской долины, на наш взгляд позволит лучше представить читателю в какой географической среде проходили те процессы в то время, памятники которого мы выносим на научную арену. При этом, следует учитывать, что курганные погребения Алазанской долины представляют в основном две эпохи — ранней и средней бронзы и поэтому у нас появляется определенная возможность проследить за отличия или совпадения исторической географии этих эпох. Правда, на материалах погребальных памятников это может выявиться не столь четко, однако даже если данный вопрос не будет прослежен во всей полноте, он все же поможет в дальнейших исследованиях.

Прежде чем перейти к краткой характеристике распределения курганных погребений на территории названной долины, отметим, что здесь будут приведены не только данные об исследованных, но и о тех, которые еще не изучены раскопочным путем³.

³ Труд Ш. Ш. Дедабришвили выходит после неожиданной кончины автора, поэтому редактор фактически никаких несогласованных с автором изменений не вносил.

I. ПАМЯТНИКИ

Планомерное разведочное и раскопочное исследование Кахети и, в частности, Алазанской долины было начато в 1965 г. (9, стр. 3—25). За это время работами КАЭ и, в одном случае, экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа (Руководитель Р. М. Абрамишвили), было выявлено семь групп курганных погребений¹.

Каждая группа относится к определенному хронологическому периоду и состоит из двух и более компактно расположенных курганов. Однако, к сожалению, не везде при раскопках можно было получить исчерпывающие сведения о памятниках,, причиной чего была их разрушенность как в древности, так и в наши дни.

Курганская группа **Муракеби** (группа IV)² находится примерно в трехстах метрах к юго-западу от одноименного многослойного жилого холма, на котором расположена животноводческая ферма с. Дзвели Анага. Группа состоит из более чем двух десятков земляных курганных насыпей, высота которых колеблется от 0,3 до 1,2 м. Диаметр насыпи — от 6 до 24 м.

В 1976 г. здесь было раскопано три кургана (№№ 11, 17, 22, 24). Раскопки были затруднены (как и в некоторых других случаях) наличием грунтовых вод, которые в этой части долины расположены почти у самой поверхности (глубина не более 0,6 м).

Курган № 17 представлял собой земляную насыпь высотой 1,2 м и диаметром 24 м. Ее края на ширину до 8 м были покрыты каменным поясом-панцирем. Под центральной частью насыпи располагалась погребальная камера размером 2,4×3,2 м, ориентированная продольной осью с востока на запад. Глубина ее 2м.

Погребение было абсолютно пустым и установить время ограбления в этом случае не удалось.

Курганы № 23 и 24 представляли собой земляные насыпи высотой соответственно 0,6 м и 0,5 м и диаметром 18 м и 22 м.

В каждой из этих курганных насыпей было обнаружено соответственно 8 и 23 грунтовых погребения, представляющих собой грунтовые ямы, практически одного размера 1,2×2,5 м и глубиной не более 0,8 м, которые ориентировались продольной осью с востока на запад или с юго-востока на северо-запад.

¹ Все курганные группы, за исключением одной — новоульяновской, расположены на правом берегу Алазани. Левобережье еще не было объектом интенсивного исследования Кахетской археологической экспедиции, и, надо надеяться, с ее началом увеличится количество выявленных памятников левобережья.

² Что под курганий группой подразумевает автор для нас не ясно. Здесь раскопано несколько ямных погребений эпохи поздней бронзы (редактор).

Погребения находились ниже уровня грунтовых вод, что исключило нормальную фиксацию и обусловило плохую сохранность погребального инвентаря.

Все захоронения ингумационные и одиночные. Костяки располагались на левом и правом боку с согнутыми конечностями и ориентировались головой на север или северо-запад.

Во всех погребениях имелись кости крупного рогатого скота и намного реже — мелкого.

Инвентарь состоял из глиняных сосудов, некоторые экземпляры которых украшены рельефными головками баранов.

В отдельных погребениях обнаружена имитация бронзовых мечей, хотя встречается и подлинное оружие — наконечники копий.

Совокупность данных говорит в пользу отнесения этих двух погребений примерно к XII в. до н. э., но не позднее.

Однако, здесь важен следующий момент. Тщательное полевое наблюдение показало, что в данном случае мы имеем дело не с одной «традиционной» курганной насыпью, а слиянием отдельных небольших, имевшихся над каждым отдельным погребением.

Что же касается кургана № 17, то здесь вероятнее всего мы имеем дело с более ранним погребением скорее всего эпохи средней бронзы.

Курганская группа Новая Ульяновка (группа VIII). Она располагалась в 1,5—2 км к востоку от с. Новая Ульяновка Лагодехского района и состояла из более чем двадцати курганов. Причем, в 1958 г. некоторые из них были сравнены с землей бульдозером.

Все представленные в этой группе курганы имеют земляную насыпь высотой в среднем до 0,6 м и диаметром от 12 м до 30 м.

Здесь в 1960—1961 гг. было раскопано два кургана³. Почти под центральной частью насыпи кургана № 2 (высота 0,6 м, диаметр — 30 м) располагалась прямоугольная погребальная камера с закругленными углами (размеры 3×2 м), ориентированная продольной осью с востока на запад и перекрытая древесными стволами (глубина — 2,8 м от поверхности).

Захоронение было ингумационным, одиночным. Костяк покоялся на деревянной повозке или каталке на правом боку с сильно согнутыми конечностями, головой на запад. На дне могилы прослеживались следы рагожи и пятна, окрашенные охрой. Центральная часть погребальной камеры была окрашена в фиолетовый цвет.

Погребальный инвентарь состоял из 40 сосудов, изготовленных на гончарном круге, многие из которых имеют лощенную поверхность; бронзовые изделия (серповидный предмет, буса, кольца), сердоликовые бусы.

Кроме этого в погребении находились черепа и конечности двух лошадей, трех коров и пяти овец.

Р. М. Абрамишвили датирует погребение примерно XIV в. до н. э.

К более позднему времени — около XII в. до н. э. — он относит курган № 1, имевший высоту 0,6 м и диаметр 12 м.

Его камера (4,5 м×6,5 м), расположенная в грунте под земляной насыпью, на глубине 3 метров от поверхности, имела прямоугольную форму, ориентированную продольной осью с востока на запад.

³ Описание исследованных курганов и их датировка даются по работе Р. М. Абрамишвили. Археологические раскопки в Лагодехском районе — 10, с. 29—32

Захоронение было ингумационным, одиночным. Костяк лежал в восточной части могилы, на правом боку в скрученном положении, головой на запад.

Погребальный инвентарь состоял из более чем пятидесяти бронзовых предметов (меч, щит, детали кольчуги, два штандарта со скульптурными изображениями оленей, зеркало и др.), 23 глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, до 800 сердоликовых, а также агатовых, пастовых и др. бус, трех золотых бусин и четырех гнезд, покрытых зернистым зерном.

В могиле находилось четыре полных костяка овец, а также черепа и конечности четырех лошадей и пяти особей крупного рогатого скота.

Курганская группа Сакобиано (группа I). Здесь находилось два курганных погребения (8, стр. 41), расположенных на одном из участков могильника эпохи поздней бронзы (II, с. 89—95), находившегося на западной окраине села Сакобиано в ущелье Панкиси (Ахметский район). К сожалению, оба кургана были разрушены и разграблены. Ни в одном случае не удалось установить обряд захоронения. В одном из погребений были обнаружены распавшиеся фрагменты бронзовых булавок с т. н. пирамидальной головкой и довольно большим отверстием в стержне. В другом — найдены фрагменты двух чернолощенных сосудов, один из которых был украшен сочетанием небольших налепных плоских шишичек и лентами гребенчатого штампа, а другой — геометрическими формами, выведенными тем же гребенчатым штампом. К сожалению, форму первого сосуда не удалось восстановить, во второй, графический, восстанавливается и аналогичен сосуду из «кенотафа» на поселении Илто (21, табл. IV). Помимо этого здесь же были обнаружены небольшая крышка от сосуда в форме неглубокой мисочки с округлыми краями, изготовленная из розового туфа и несколько небольших сердоликовых бусин сферической формы и цилиндрическим отверстием. Из этого же могильника происходит бронзовый кинжалный клинок случайно найденный.

Курганская группа Анага (группа III). Здесь обнаружено два кургана. Они располагаются к северу-западу от одноименного села, примерно в 3—4 км от Алазани. Расстояние между курганами около трехсот метров.

Первый курган имеет высоту 8 м и диаметр 90 м и 110 м. Его поверхность покрыта густым колючим кустарником и испещрена многочисленными ямками и канавами.

Второй курган размерами уступает первому, но превосходит курган № 2 Цнорской группы. Он так же, как и первый, покрыт кустарником. Но здесь, по вспаханным краям хорошо видно наличие каменного панциря, в основном однослойного. Размеры кургана следующие: высота — 4,3 м, диаметр — 80 м и 92 м.

Естественно, что в настоящее время трудно говорить о времени возведения этих курганов, но можно высказать кое-какие предположения. Как мы увидим ниже, аналогичную конфигурацию имели I и II курганы Цнорской группы и, очевидно, она не результат воздействия природных явлений, следствие возведения насыпи: земля транспортировалась к вершине по пологому склону. Далее, как показывают наблюдения, курганные насыпи такого объема практиковались на Алазанской долине в конце третьего тысячелетия до н. э., но раньше и, скорей всего, не позже начала второго тысячелетия, т. е. на заклю-

чительной ступени эпохи ранней бронзы переходной стадии к эпохе средней бронзы.

Циорская курганская группа (группа V). Данная группа объединена несколько условно. Если курганы I, II и III располагались в непосредственной близости друг от друга, то в 4-х км к западу от них стоял курган IV, а курган V и по настоящее время находится в 8 км к юго-западу от них на окраине Циори.

Все курганы, за исключением V, раскопаны и ниже мы приводим их полное описание. Здесь же коротко охарактеризуем V курган. Это почти полностью снесенный холм, диаметром до 80 м и высотой до 3-х м. На нем имеются кирпичные здания и, практически возможность его раскопок исключена. Однако ниже мы все же воспользуемся этими данными его насыпи.

I КУРГАН (табл. I). Раскопки были начаты 23 февраля 1973 года и закончены 22 августа 1975 года. Причем, перерыв в работе составил в общей сложности всего четыре месяца.

Исследование носило несколько своеобразный характер, обусловленный необходимостью в кратчайшие сроки дать возможность строителям приступить к работам на территории кургана, площадь основания насыпи которого равнялась почти трем гектарам (29 900 кв. м).

Первоначальная проблема всех археологических раскопок, отвал земли — транспортировка ее от вершины за пределы курганной насыпи — выглядела неразрешимой, но было решено использовать механизмы: бульдозеры и экскаваторы и поэтому до семиметровой глубины (от вершины) эта задача решалась более или менее успешно, по крайней мере, она не отнимала ту массу времени, которое потребовалось бы на ее вынос. Вместе с этим следует отметить, что по достижении указанной глубины пришлось отказаться от механизированного способа и проводить работы, особенно в центральной части вручную, так как на этой глубине стали весьма интенсивно появляться булыжники. Это, как выяснилось, в дальнейшем, были камни крыльевидной насыпи, располагавшейся над каменным кругом и перед ним, но не достигавшие самой погребальной камеры. Но залегание этой насыпи, ее уклон в сторону ямы и другие данные привели нас к ошибочному выводу о наличии не одной, а двух погребальных камер (12, стр. 17; стр. 13, стр. 25).

Впоследствии все работы на кургане велись вручную, но были облегчены тем, что землю сваливали в непосредственной близости от него, а затем выволакивали бульдозером и экскаваторы погружали на самосвалы, которые развозили ее по мелким оврагам и балкам для выравнивания поверхности под посевы и мелиоративных работ. Примечательно, что территория, прилегающая к кургану, за исключением северной стороны, была испещрена такими овражками, балками и отдельными ямами, явно не естественного происхождения, и по всей вероятности, образованных именно в период возведения курганной насыпи.

Для полного представления о тех трудностях, с которыми сталкивалась экспедиция во время раскопок, можно привести наиболее «яркие» примеры. К концу второго сезона в течение одного дня шел проливной дождь, заполнивший котлован так, что в пору было передвигаться на плотах, и, вдобавок, вызвавший оползни нераскопанной части насыпи — бровки (табл. II).

Затем строители по нашей просьбе разработали систему перекрытия всей внутренней площади кургана (диаметр до 60 м). Была сооружена грандиозная система металлической конструкции, перекрытая 2000 кв м брезента. Однако, это «инженерное сооружение» не выдержало первого же серьезного испытания и было снесено порывом ветра (табл. III₁).

В дальнейшем нам пришлось отказаться от мысли перекрытия всей площади и была перекрыта лишь погребальная яма (табл. III₂). Однако, как оказалось в дальнейшем, меры по временной защите этого памятника, оказались недостаточными, так как потрескавшаяся вокруг ямы земля послужила прекрасным стоком дождевых вод в погребальную яму и она время от времени наполнялась ею.

Размеры курганной насыпи были следующими: высота — 11,10 м. Она имела форму вытянутого с юга на север овала, длина которого по оси север-юг равнялась 168 м и по оси восток-запад — 136 м (табл. IV, V). Северный склон насыпи был довольно крутым и практически не поврежден (остальные были испещрены впускными погребениями христианского времени и сторожевыми стоянками феодального времени). Южный — был размыт и поврежден в феодальную эпоху, когда на ней, как на самой высокой точке долины, был устроен сигнальный пост, предупреждавший окрестное население о нападении врага. На пологой части этого склона, обращенного в сторону поселений, расположенных на северном склоне Гомборского хребта, были найдены отдельные гнезда золы и обгоревшие земли; древесный уголь не встречался, очевидно, потому, что для сигнализации использовались стога сена.

В курганной насыпи в большом количестве обнаружены безынвентарные христианские погребения.

На восточном и западном склонах было обнаружено два помещения раннесредневекового времени, погибших в результате внезапного пожара. Об этом свидетельствуют остатки обугленных бревен и многочисленные глиняные сосуды, которые датируются X в.

Насыпь состояла из гумуса, грунтового суглинка и песка. Причем, последний, судя по разрезу, был насыпан в последнюю очередь и залегал в насыпи на всю глубину шириной примерно в десять метров. Наблюдения показали, что насыпь была возведена в три приема, а песок насыпан между двумя смешанными — ближе к центру. Не исключено, что это была мера против грабителей, но, как мы увидим ниже, она оказалась запоздалой и тщетной.

Нижнюю часть кургана опоясывал каменный настил — панцирь, имевший тридцатиметровую ширину (табл. V₁). Под ним, в восточной части кургана, были обнаружены фрагменты керамики, относящейся к последним векам III тысячелетия до н. э. (табл. V₂; XXXIV).

Залегание панциря практически по всей площади кургана было равномерным, однако в некоторых случаях он располагался несколькими непосредственно лежащими друг на друга слоями (табл. V₁).

Как отмечалось, сама насыпь, судя по размеру, была возведена в три приема. И тут косвенным свидетельством может служить упомянутая выше деталь. В одном из разрезов явно видно, что панцирь был настлан дважды (табл. VI₁). Трудно сейчас судить, чем была вызвана необходимость увеличения насыпи и вторичного настила, но представляется, что сам панцирь мог служить в основном одной цели — защите насыпи от размыва. Хотя не исключено, что в это была

вложена одновременно и другая идея. Дело в том, что по подтверждению специалистов и что практически известно каждому жителю Алазанской долины, камни ущельев южного склона Большого Кавказа северных склонов Иорского плоскогорья, равно как и его отдельных оврагов, даже визуально резко отличаются друг от друга и поэтому без особого труда удалось установить разные пункты, откуда были завезены камни для этого кургана.

Радиус расположения этих пунктов к северу, югу и востоку превышает 40 км, а к западу не более 10 км (Кабала, Лагодехис цкали, Цителицкаро, Анагисхеви и др.).

Как было сказано, после снятия средней части насыпи, примерно на глубине 6—7 м от вершины, появлялся булыжник. Как выяснилось позднее, это была верхняя часть смешанной (камень и земля) насыпи, частично перекрывавшей наземное круглое сооружение из булыжника (табл. VI; VII; VIII; IX; X; XI, XII). На свободной от панциря центральной части кургана — диаметр 80 м — мы углубились еще на 4 м и ниже уже шел погребенный гумусный слой.

Следует отметить, что после расчистки обрушенного перекрытия погребальной камеры, стало почти бесспорным, что в ней еще в древности побывали грабители. Это диктовалось отсутствием в восточной части фрагмента перекрытия, находившегося у самой кромки ямы.

После окончания основных земляных работ была получена следующая картина: в центральной части свободной от панциря территории, на глубине 9 м от поверхности было обнаружено круглое сооружение, возведенное сухой кладкой на высоту в среднем до 2 м. Внешняя его часть выложена из крупного булыжника, а внутренняя — из сравнительно меньшего. Причем, последняя была завалена в сторону центра, который, примерно в радиусе до 0,3 м был освобожден от камня (табл. XI). Упомянутая каменная насыпь с восточной стороны перекрывала это сооружение и доходила почти до самого центра, возвышаясь над ним на 1,2 м. К северу и югу от этой насыпи, в небольшом удалении, были обнаружены две небольшие каменные насыпи, которые вписывались в линию западной части окружности центральной смешанной насыпи (табл. VI—XII).

Несмотря на тщательность препарации и осторожность при разборке этих насыпей так и не удалось уяснить их истинное назначение. Бесспорным является лишь тот факт, что эти камни с начала же находились под земляной насыпью, о чем свидетельствовал завал. Однако, представляли они какое-нибудь сооружение — сказать трудно.

Под центральной насыпью, на уровне погребенного гумусного слоя была зафиксирована иная структура почвы с погребенными в ней отдельными булыжниками. Такие отложения частично распространялись и под указанные боковые каменные насыпи. Здесь повсюду встречались остатки бревен, большая часть которых была направлена с юга на север. Вот эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют о существовании здесь какого-то сооружения, возведенного, как и круг, сухой кладкой. Однако не удалось установить хотя бы контуры его основания.

Погребальная камера представляла собой яму в 166 кв м, глубиной три метра. Она была перекрыта бревнами в два наката, которые были покрыты слоем пластической глины и сверху застланы рогожей, от которой сохранились лишь отпечатки. Характерно, что осолоненные почвы этой части Алазанской долины вообще редко сохраняют и до-

носят до нас какие-либо остатки материальной культуры, за исключением керамики и изделий из золота. Однако и сейчас, спустя почти два года, несмотря на усиленное промывание, на поверхности глиняных сосудов продолжает проступать соль, которая практически уничтожает все имеющиеся на керамике следы покрытия графитом. Поэтому и бревенчатое перекрытие, как и другие деревянные конструкции, доходят до нас лишь в виде отпечатков. Причем, во многих случаях эти отпечатки сохранили цвет и рисунок коры, которую, очевидно, не удаляли.

Перекрытие обрушилось в погребальную яму как видно еще до ее заполнения землей, о чем свидетельствует характер его расположения (табл. XII).

Вопрос, который вызывает наибольший интерес — разграблен или нет еще в древности данный курган — еще не может быть полностью решен, однако имеются некоторые намеки о действии грабителей. Мы отмечали, что насыпь кургана в одной своей части состояла из песка, что, вероятно, было продиктовано желанием уберечь погребение от грабителей. Но эта часть насыпи была возведена лишь во время второго цикла. Теперь мы встречаем в перекрытии (восточная сторона) свободное от бревен пространство — возможно лаз грабителей, т. к. остатки бревен этой части не обнаружены ни в самой камере, ни под насыпью над перекрытием. Но мы специально упомянули существование в насыпи слоя песка десятиметровой ширины и высотой во всю высоту кургана, чтобы подчеркнуть невозможность ограбления после его насыпи. Отсюда следует вывод, что курган ограблен в промежутке между первым и вторым циклом возведения насыпи.

Отступая от краев погребальной ямы, в среднем на полтора метра, располагалось деревянное сооружение площадью около шестидесяти квадратных метров (табл. XIV). Данное сооружение мы условно назвали «гробницей». На самом же деле это был погребальный постамент или ложе. Оно было построено из частокола вертикально поставленных необработанных бревен высотой до 2 метров. Стенки, особенно в центральных частях были вдвинуты внутрь, под тяжестью оползшей и рухнувшей в яму земли. Кроме того, судя по расположению, верхняя часть сооружения осела несколько раньше и поэтому ее края оказались под бревнами стен.

Поверхность погребального ложа в западной части состояло из горизонтально уложенных параллельно друг к другу бревен. Восточная часть же была выложена слегка направленными под углом друг к другу и сходящимися у центральной оси бревнами или досками.

На ложе было обнаружено большое количество глиняной посуды (речь о них выше), несколько золотых изделий (табл. L XV), костяные наконечники стрел и наконечники стрел из обсидиана и кремния (табл. XIII), бронзовый нож (?), кинжалный клинок (табл. XIV₁, 2) и несколько совершенно расплавившихся бронзовых предметов, назначение которых невозможно установить и др.

В средней части западной стенки находилось вертикально поставленная половина деревянного колеса. Ближе к юго-западному углу находится один человеческий скелет с полуистлевшими костями, но с отчетливо прослеживавшейся позой на правом боку в скорченном положении и ориентированный головой к северо-западу. В области шеи погребенного обнаружено пять золотых и шесть сердоликовых бусин (табл. L XV).

В северо-западном углу найдена нижняя челюсть человека. Так же нижняя челюсть была найдена ближе к юго-западному углу погребального ложа, однако, она явно попала туда при обрушении перекрытия ямы, т. е. не исключено, что после захоронения над погребальной ямой был совершен какой-то обряд (найдены также фрагменты почти полностью восстановляемого сосуда, которые располагались полого на поверхности перекрытия), где имело место и человеческое жертвоприношение.

В центральной части у ямы центрального опорного столба перекрытия погребальной камеры был найден фрагмент костяка, состоявший из тазовой кости и двух бедренных. Чуть поодаль, к северу, также лежал фрагмент скелета, состоявший также из тазовой кости и нескольких костей нижних конечностей.

Ближе к северо-восточному углу ложа, под северной стенкой был обнаружен полный костяк человека, лежавший на правом боку со скорченными конечностями, ориентированный головой к северо-западу.

Вокруг погребального ложа (пространство между ним и стенками самой ямы) — проходили широкие полосы охры.

Таким образом, в погребальной яме кургана № 1, а точнее на деревянном ложе, встречено четыре (не считая нижней челюсти с перекрытия самой ямы) человеческих костяков.

Мы не имеем возможности в настоящее время судить о том, какой из них принадлежит тому индивидууму, в честь которого была сооружена вообще эта гигантская могила или вообще присутствует или нет его костяк среди описанных. Но, предположив, его наличие, можно считать, что основным погребением являлся тот, у которого найдены золотые и сердоликовые бусины.

Что же касается остальных, то вне всякого сомнения — это жертвенные захоронения. Естественно, еще трудно утверждать, то, какая мысль заложена в подобном ритуале, вызвано ли это такой зависимостью жертвенных людей от вождя, которое позволяет распоряжаться их жизнями, т. е. рабством, или что вероятнее всего, связано с поклонением небесному светилу — солнцу или луне.

Ставя под вопрос вероятность данных захоронений как основного погребения мы исходим не из логических посылок, а конкретного фактологического наблюдения. Выше мы уже указывали, что стени деревянной гробницы наклонены под углом к центру. Здесь следует указать и тот факт, что во многих случаях, практически на всех стенах наблюдается такое явление: почти у основания местами выше уровня дна ямы, примерно на 0,25—0,4 м, стена переломлена коленообразно, т. е. во внутренней части гробницы имеется какая-то плотная масса, устоявшая против действия силы тяжести обрушенной на нее земли. Причем эта плотная часть располагается в нижней части гробницы, а верхняя заполнена примерно на 1,2—0,8 м пластической глиной. Здесь следует подчеркнуть, что заполнение деревянной гробницы — результат не разрушения могилы, а сознательного действия во время совершения погребального обряда.

Особо следует отметить, что граница между плотной и пластическим заполнением внутри гробницы хорошо устанавливается по сравнительно мощной и, очевидно, сплошной прослойкой охры, которая зафиксирована при расчистке пространства между бревнами стен.

Таким образом, мы имеем все основания предполагать, что засвидетельствованные на гробнице определенные следы погребального об-

ряда, могут не являться основным погребением, которое, возможно, находится в самой гробнице. Естественно, что наше предположение может не оправдаться, т. е. мы не встретим здесь ожидаемой погребальной утвари, которая, казалось, согласно законам логики должна быть там (это, конечно, даже в случае допущения ограбления погребения еще в древности); может наше предположение оправдается частично, т. е. мы встретим здесь останки лишь того лица, в честь которого сооружен курган, как это имело место в курганном захоронении одного из самгорских курганов Кохрас гора. И, наконец, мы можем ничего не встретить. Тогда, в таком случае следует считать, что густо-посыпанная охрянная прослойка являлась необходимым атрибутом погребального обряда, о значении которого мы пока что можем строить лишь бесконечные догадки.

Значимость захороненного здесь лица не вызывает сомнений и, скорей всего, у него в руках была сосредоточена не только военная, но и духовная власть, что нередко наблюдается в древних культурах. К этому заключению приводит нас факт нахождения круглого каменного сооружения под курганной насыпью (табл. XI).

То, что это круглая постройка, возведенная сухой кладкой, является культовым сооружением, не вызывает никаких сомнений. Дело заключается в том, чтобы выяснить конкретные его функции и установить, по мере возможности, детали совершаемых в нем обрядов.

Понятно, что разрушенная сухая кладка не дает возможности даже приблизительно судить о форме внутренней части этой постройки, однако, зафиксированные с определенной частотой остатки истлевших деревянных распорок (?) длиной до одного метра, позволяют предполагать, что во внутренней части находилась еще одна стена, отстоявшая от внешней примерно на 1—1,5 метров, т. е. здесь имелся коридор типа обхода.

Одно, что не вызывает сомнений, то, что данное «святилище» не было перекрыто, по крайней мере, ее центральная часть. Так или иначе, наиболее вероятным представляется, что в этом сооружении поконился умерший вождь (и одновременно «жрец») и приходившие проститься с ним совершали это прощание именно в круглом помещении. Тем более, что процесс всего ритуала прощания и погребения не мог быть кратковременным. А круглое сооружение, с таким упорством повторяющееся по форме и на глиняной посуде, и на олицетворении солнца — льве из кургана № 2, являлось тем святилищем, представителем или служителем, а может быть, земным олицетворением которого являлся погребенный в этом кургане.

Здесь уместно отметить, что в первых отчетах о раскопках данного кургана (12, 13), равно как и второго, отмечалось присутствие мощного слоя, как тогда показалось, насыпанной охры. Однако, в дальнейшем раскопки показали, что слой охры был естественным. Это выяснилось после того, как для установления границ ее распространения была расширена погребальная камера и увеличены ее размеры до 25×28 м. Однако слой продолжался. Тогда экскаватором рыли канавы во все стороны. Слой охры прекратился лишь в юго-западной части на расстоянии 25 метров от камеры на границе с песчаным слоем. А в других направлениях он продолжался на многие десятки метров.

Таким образом, выясняется, что в данном случае мы не имеем дела с искусственной присыпкой охры.

В какой-то степени прояснилось положение и с «погребальным ложем». При зачистке ям опорных столбов, на глубине 0,3 м от дна погребальной камеры появились грунтовые воды. Наиболее естественным можно считать, что сооружение деревянного ложа было связано с защитными мерами против них, хотя одновременно оно служило и определенному погребальному ритуалу.

Такова общая картина. Но здесь же следует отметить, что образцы древесины были переданы для датировки по С₁₄ в лабораторию Тбилисского и океанологическую лабораторию Лос-анджелесского университетов. Практически оба анализа дали один результат. ТУ — 208 2155±50 г. до н. э. и лосанджелесский — 2170⁺⁵⁰₋₉₀.

Таким образом, наша предварительная датировка в пределах XXIII—XXI вв. до н. э. нашла свое подкрепление.

Исходя из того, что материалы курганов Цнорской группы представляют собой новое явление в археологии Кавказа и комплексы их датированы более или менее точно, я считаю своим долгом привести полное описание всех находок.

Предварительно несколько замечаний. Руководствуясь желанием избежать повторов в описании, я даю некоторые условные сокращения. Так, если материал, из которого изготовлен предмет, не обозначен — это керамика.

Выражение «одноручный кувшинчик» означает глиняный сосуд с плоским отогнутым венчиком (отсюда в описании «ширина венчика») высоким, иногда цилиндрическим, иногда слегка коническим горлышком (отсюда: диаметр горлышка верхний и нижний для установления формы горла), сферическим туловым (корпусом) и плоским дном. Прочие признаки описаны.

«Одноручная биконическая кружка» означает глиняный сосуд с прямым отогнутым венчиком, непосредственно переходящим в конически расширяющийся корпус (это место для краткости обозначено «шейка») с резким переходом (ребром) в сторону небольшого плоского дна, т. е. сосуд имеет биконическую форму.

Под диаметром ушка принята ширина самого валика.

Все глиняные сосуды — ручной лепки, поэтому в описании опущено указание на технику формовки.

Поверхность некоторых имела налет металлического блеска (покрытие графитом — 14 стр.), но большей частью утрачена вследствие воздействия солей, а также нашей химической обработки. В описании указаны лишь те сосуды, которые его сохранили.

1/1. Фрагменты одноручной биконической кружки с серолощеной внешней поверхностью с коричневыми пятнами у венчика. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких частиц. Диаметр венчика — 11 см, дна — 4,7 см, толщина черепка у венчика — 0,4 см, дна — 0,3 см (табл. XV₅)⁴.

1/2. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и темнокоричневой гладкой, слегка лощенной внутренней поверхностью. Черепок в изломе серовато-коричневый, плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Высота — 11,2 см; верхняя — 7 см. Диаметр венчика — 10,3 см; шейки — 9,4 см; корпуса по ребру — 14,2 см; дна — 5,3 см; ушка — 1,2 см. Толщина черепка у венчика — 0,5 см; корпуса — 0,6 см и дна — 0,4 см (табл. XV₆).

* На таблицах указаны №№ курганов и порядковый номер предмета.

1/3. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и гладкой темно-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. На лицевой части имеется вдавленная в стенку круглая лунка. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика, корпуса и полностью дна. Сохранившаяся высота — 10 см. Диаметр венчика — 10,3 см, шейки — 9,7 см; корпуса по ребру — 13,7 см; ушка — 1,4 см; лунки — 1,6 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,5 см (табл. XXV).

1/4. Одноручный кувшинчик с чернолощеной внешней и темно-коричневой гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью песчинок и мелких частиц. Вокруг плечика проходят три широких неровных желобка, заканчивающихся по обеим сторонам ушка. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика, корпуса, ушка и почти полностью дна. Сохранившаяся высота — 14 см; горлышка — 5 см. Ширина венчика — 0,9 см. Диаметр венчика — 10 см; горлышка в верхней части — 9 см; в средней — 9,6 см; в нижней — 9,7 см; корпуса — 13,4 см; дна — 5,6 см; ушка 1,2 см. Толщина черепка у венчика — 0,6 см, корпуса — 0,7 см (табл. XV₇).

1/5. Одноручный кувшинчик с чернолощеной внешней и темновато-коричневой гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Место перехода плечика в корпус окаймлено высокой рельефной полоской. Сверху и снизу от нее располагаются параллельные ряды налепных низких шишичек, заканчивающихся вместе с рельефной полоской у нижней части ушка. Сосуд реставрирован. Не хватает части венчика и корпуса. Высота — 12,5 см, горлышка — 3,6 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр венчика — 7,9 см; горлышка у венчика — 7,6 см, у плечика — 8,2 см, корпуса — 12,3 см, дна — 5,7 см, ушка — 1,3 см, шишичек — 0,7 см. Толщина черепка у венчика — 0,6 см, корпуса — 0,8 см, дна — 0,6 см (табл. XV₈).

1/6. Одноручная биконическая кружка с темносерой лощенной внешней и внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика, корпуса и полностью дна. Сохранившаяся высота — 9,9 см. Диаметр венчика — 9,7 см; шейки — 8,6 см; корпуса по ребру — 11,6 см; ушка — 11,5 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,5 см (табл. XV₂).

1/7. Фрагмент верхней части одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темновато-коричневой, скегка лощенной, внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Ушко прикреплено к средней части горлышка к наиболее выпуклой части корпуса, круглого сечения. На горлышке имеются следы вертикальных узких лощенных полос. Место перехода плечика в корпус окаймлено двумя широкими и одним (нижний) едва заметными желобками, заканчивающимися по обеим сторонам нижней части ушка. На лицевой части корпуса имеется налепная шишичка округлой формы. Сосуд частично реставрирован. Сохранившаяся высота — 11,3 см; горлышка — 3,6 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр венчика — 10,6 см; горлышка — 9,2 см; корпуса — 14 см; ушка — 1,5 см; налепа — 0,7 см. Толщина черепка у венчика — 0,7 см; корпуса — 0,7 см (табл. XV₄; XVII).

1/8. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и серовато-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью песчинок и белых мелких частиц. Лицевая часть корпуса украшена десятью расположенными кругом низкими лепными шишечками с лункой в центре. Такие же окружности имеются и по бокам, но составленные из двенадцати аналогичных шишечек каждая и имеющие в центре еще по одной шишечке. По обеим сторонам верхней части ушка находятся полуокружности, полученные такими же шишечками. Сосуд почти реставрирован полностью. Высота — 12,4 см. Диаметр венчика — 11,9 см, шейки — 11 см; корпуса — по ребру — 16,6 см; дна — 6,1 см; ушка — 1,4 см; лугки — 1,4 см. Толщина черепка венчика — 0,8 см; корпуса — 0,6 см; дна — 1 см. Диаметр шишечек — 0,4 см; высота — 0,2 см (табл. XVI; XXVI).

1/9. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и темновато-коричневой гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. На лицевой части корпуса имеется округлая лунка. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика и корпуса. Высота — 11,7 см. Диаметр венчика — 11,4 см; места перехода в корпус — 10,5 см; корпуса по ребру — 15,2 см; дна — 6,2 см; ушка — 1,2 см; лунки — 1,8 см. Толщина черепка у венчика — 0,8 см; корпуса — 0,6 (табл. XV₁₃; XVI; XXVI).

1/10. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и темно-коричневатой внутренней поверхностью. Черепок в изломе плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика и корпуса. Высота — 11 см. Диаметр венчика — 10,4 см; места перехода в корпус — 9 см; корпуса по ребру — 15,7 см; дна — 6,4 см; ушка — 1,4 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см; корпуса — 0,6 см (табл. XVI; XXVI).

1/11 Одноручный кувшинчик с чернолощеной внешней поверхностью, отдающей металлическим блеском. Черепок в изломе серый с примесью мелких белых частиц. Вокруг верхней части корпуса проходят три неровных параллельных желобка, заканчивающихся по обеим сторонам нижней части ушка. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика, горла и корпуса. Высота — 13,4 см; горла — 4,4 см. Ширина венчика — 0,9 см; желобков — 0,4 см. Диаметр венчика — 10,1 см; верхней части горла — 8,8 см; нижней — 10,4 см; корпуса наибольший — 14,2 см; дна — 5,9 см; ушка — 1,4 см. Толщина черепка венчика — 0,7 см; корпуса — 0,6 см (табл. XVII).

1/12. Одноручный кувшинчик с чернолощеной внешней и темно-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный с примесью песчинок и мелких белых частиц. Вокруг плечика и места перехода его в корпус имеются три неровных и неглубоких желобка, заканчивающихся по обеим сторонам нижней части ушка. Сосуд реставрирован. Не хватает частей венчика, горлышка и корпуса. Высота сосуда — 13,4 см, горлышка — 4,4 см. Ширина венчика — 0,9 см. Диаметр венчика — 10,1 см, горлышка верхний — 8,8 см, средней части — 9,5 см, нижний — 10,4 см, корпуса — 14,2 см, дна — 5,9 см, ушка — 1,4 см. Толщина черепка венчика — стенки — 0,6 см (табл. XVII).

1/13. Одноручный сосуд с прямым корпусом в нижней части резко суживающийся к плоскому дну, с чернолощеной внешней и темновато-коричневой слегка лощенной внутренней поверхностью. Черепок

в изломе двухцветный — черный и коричневый, плотный, с примесью песка и мелких белых частиц. Низкий венчик слегка отогнут. Под ним проходит едва заметный желобок. По обеим сторонам ушка и на лицевой части, отступая от края сосуда до переходного ребра имеются по три вертикальных параллельных рельефных полосы. Между ними в верхней и нижней части проходят по девять легких желобков. В каждом из образованных фризов имеются крупные ромбы, заполненные сеткой из подобных мелких фигур. Орнамент выполнен тонкорезными линиями. В средней части корпуса имеется овальноопроемное ушко круглого сечения, уплощенное в местах крепления. Сосуд реставрирован частично. Не хватает частей венчика и корпуса. Высота — 20,1 см. Диаметр венчика — 19,8 см, верхней части корпуса — 19,1, корпуса по ребру — 22 см, дна — 7,8 см, ушка — 1,6 см. Толщина черепка венчика — 0,9 см, дна — 1,4 см (табл. XVII; XVIII).

1/14. Одноручный сосуд с чернолощенной с серыми пятнами внешней и темновато-коричневой слабо лощенной внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухслойный: темный и светло-серый, плотный, с примесью ила и белых мелких частиц. Плоский венчик отогнут, шейка низкая. Плечо выступающее почти горизонтальное, отделено от горлышка легким желобком. Корпус выпуклый, резко суживающийся к плоскому дну. Овальноопроемное ушко укреплено на плечике и выпуклой части сосуда. С плеча до средней части корпуса проведены частые вертикальные лощеножелобчатые линии. Сосуд реставрирован частично. Не хватает частей венчика, горлышка и корпуса. Высота — 17,6 см, горлышка — 2,3 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр венчика — 13,2 см, горлышка верхний — 12,3, горлышка нижний — 13 см, корпуса — 21,8 см, дна — 4,5 см, ушка — 1,5 см. Толщина черепка венчика — 0,7 см, корпуса — 0,9 см, дна — 0,7 см (табл. XIX; XXVII).

1/15. Крупный фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и лощенной темновато-коричневатой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Вокруг плечика и корпуса проходят три неровных желобка, заканчивающиеся по обеим сторонам ушка. Сохранившаяся высота — 10,8 см, горлышка — 4,4 см. Ширина венчика — 1,1 см. Диаметр венчика — 9,5 см, горлышка верхний — 8,3 см, средний — 8,5 см, нижний — 9,3 см, корпуса — 13,9 см, ушка — 1,3 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,7 см (табл. XVII).

1/16. Крупный фрагмент одноручной кружки с чернолощенной внешней, со следами графита и слегка лощенной темновато-коричневатой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. В верхней части корпуса проходят две параллельные рельефные линии, которые по обеим сторонам ушка под прямым слегка закругленным углом спускаются к нижней части корпуса. Сохранившаяся высота — 7 см. Диаметр венчика — 10 см, шейки — 9,8 см, корпуса — 11,9 см, ушка — 1,5 см. Толщина черепка венчика — 0,7 см, корпуса — 0,6 см (Табл. XVIII).

1/17. Крупный фрагмент двуручного сосуда с чернолощенной внешней (с коричневой полосой у венчика) и гладкой темновато-коричневатой внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухцветный: темный и серый, плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Венчик слегка отогнут, место перехода в едва расширяющийся корпус (шейка) сужено. Под ним проходят горизонтальные лощен-

ные линии. Овальнопроемные ушки в местах крепления уплощены в виде усиков, а в средней части имеют круглое сечение. Высота — 7,8 см. Диаметр венчика — 9 см, шейки — 8,6 см, корпуса — 10 см, ушка — 1 см. Толщина черепка у венчика — 0,5 см, корпуса — 0,5 см (табл. XVIII).

1/18. Фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и черной гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый плотный, с примесью мелких белых частиц. Сохранившаяся высота — 5,1 см, горлышка — 4,1 см. Диаметр венчика — 8,8 см, горлышка верхний — 8 см, нижний — 8,8 см, ушка — 1,7 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, горлышка — 0,5 см.

1/19. Фрагменты крупного двуушного сосуда сферической (?) формы, с плоским низким венчиком, равномерно переходящим в корпус. Верхняя часть последнего украшена рядами налепных шишечек. По обеим сторонам имеются рельефные круги, внутри которых по семь шишечек — шесть по краям и одна в центре. Высота — 40,7 см, шишечек — 0,4 см. Диаметр венчика — 21 см, корпуса — 52 см, ушка — 2,1 см, шишечек — 1,7 см. Толщина черепка венчика — 1,5 см, стенки — 1,2 см (табл. XX; XXVIII).

1/20. Фрагмент верхней части крупного двуушного сосуда, с плоским, чуть выступающим венчиком, почти цилиндрическим горлом. Верхняя часть корпуса украшена резной ромбической сеткой и опущенными от ее нижней части заштрихованными треугольниками, упирающимися вершинами в одну из трех параллельных резных линий, которые в свою очередь, покрыты косыми резными полосками. Высота горлышка — 6 см. Ширина венчика — 2 см. Диаметр венчика — 20,2 см, горлышка верхний — 19,6 см, нижний — 19,9 см, ушка — 1,6 см. Толщина черепка — 1,4 см (табл. XXI; XXIX).

1/21. Двуушная корчага с чернолощенной поверхностью, цилиндрическим горлом и чуть выступающим венчиком. Верхняя часть корпуса украшена одним рядом налепных шишечек. Высота — 50 см, шейки — 6,1 см, шишечек — 0,4 см. Ширина венчика — 1,9 см. Диаметр венчика — 19,7 см, горлышка верхний — 18,3 см, нижний — 19,1 см, корпуса — 48 см, дна — 17,3 см, ушка — 1,6 см, шишечек — 1,6 см. Толщина черепка венчика — 1,4 см, корпуса — 1,2 см (табл. XXII; XXIX).

1/22. Двуушная корчага с черно-серой лощенной внешней и такого же цвета внутренней поверхностью. Черепок грубый, с примесью песка и белых частиц. Венчик плоский с широким желобком. Корпус сферический, суживающийся в сторону плоского дна. Лентовидные ушки с желобками по середине укреплены на плечике. Пространство между ними заполнено одним рядом низких лепных шишечек (по 7 с каждой стороны). Между ними помещены (по три с каждой стороны) косые рельефные полоски. Высота — 54,2 см, шишечек — 0,3 см, рельефных полосок — 0,4 см. Ширина венчика — 2 см, желобка — 0,9 см, ушек — 1,6 см, желобков на них — 0,4 см. Диаметр венчика — 21,1 см, шейки — 20,2 см, корпуса — 50 см, дна — 17,3 см, шишечек — 1,2 см. Длина рельефных полосок — 8,5 см. Толщина черепка — 1 см (табл. XX).

1/23. Двуушная корчага с черновато-серой слегка лощенной внешней и темной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темновато-коричневатый, грубый, с примесью крупно-зернистого песка и белых частиц. Венчик отогнут, корпус сферический, равномерно суживаю-

щийся в сторону плоского дна. На плече с противоположных сторон расположены два лентовидных ушка с легкими желобками по середине. Высота — 64 см. Диаметр венчика — 25,7 см, шейки — 23,5 см, корпуса — 51,5 см, дна — 17,2 см. Ширина ушка — 1,6 см. Толщина черепка венчика — 1,3 см, корпуса — 1,2 см (табл. XXIII).

1/24. Крупный фрагмент одноручного глиняного кувшинчика с чернолощенной внешней и темной гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый плотный с примесью мелких белых частиц. Плечико окаймлено двумя широкими желобками. Сохранившаяся высота — 9 см, горлышка — 3,5 см. Ширина венчика — 0,7 см, желобков — 0,9 см. Диаметр венчика — 9,5 см, горлышка верхний — 8,7 см, средний — 8,9 см, нижний — 9,5 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,6 см.

1/25. Фрагмент венчика и горлышка небольшого сосуда с серовато-черной внешней (местами имеются следы лощения) и гладкой серой внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухцветный: черный и серый, с примесью мелких белых частиц. Плоский венчик отогнут, горлышко цилиндрическое. Сохранившаяся высота — 3,3 см, горлышка — 4,5 см. Толщина черепка — 0,6 см.

1/26. Фрагмент венчика и горлышка одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-серой гладкой внутренней поверхностью. Черепок плотный с примесью мелких белых частиц. На горлышке имеется след ушка. Диаметр венчика — 9,1 см, горлышка — 8 см. Высота горлышка — 4,3 см. Толщина черепка венчика — 0,8 см, горлышка — 0,7 см (табл. XXIV).

1/27. Фрагмент венчика, горлышка и плечика одноручного глиняного кувшинчика с чернолощенной внешней и темной гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый плотный, с примесью ила и мелких белых частиц. На плечике сохранился небольшой фрагмент желобка. Сохранившаяся высота — 6,3 см, горлышка — 4 см. Диаметр венчика — 8,2 см, горлышка — 7,2 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. XXIV).

1/28. Крупный фрагмент верхней части одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и серой внутренней поверхностью. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Вокруг плечика проходит легкий желобок. Сохранившаяся высота — 6,6 см, горлышка — 3,5 см. Ширина венчика — 0,8 см, желобка — 0,5 см. Диаметр венчика — 8,2 см, горлышка верхний — 7,9 см, нижний — 8,3 см, ушка — 1,2 см. Толщина черепка венчика — 0,5 см, стенки — 0,4 см.

1/29. Крупный фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темной гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный. Вокруг плечика проходит ряд невысоких лепных шишечек (сохранилось 13). В средней части горлышка имеется фрагмент плоского ушка. Сохранившаяся высота — 9,1 см, горлышка — 4,9 см, шишечек — 0,2 см. Диаметр венчика — 9 см, горлышка — верхний — 8,1 см, нижний — 8,6 см. Толщина черепка венчика — 0,7 см, стенки — 0,5 см. Диаметр шишечек — 0,4 см (табл. XXIV).

1/30. Фрагмент одноручной биконической кружки с чернолощенной внешней и темной гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухцветный: темный и серый, плотный с примесью мелких белых частиц. По обеим сторонам ушка имеются по три вертикально расположенных плоских шишечки. Рядом с ними аналогичные шишечки образуют круг с одной шишечкой в центре. Сохранившаяся высо-

та — 8 см, шишечек — 0,3 см. Диаметр венчика — 8,8 см, шейки — 8 см, корпуса — 12,5 см, шишечек — 1 см. Толщина черепка венчика — 0,7 см, корпуса — 0,6 см (табл. XVI; XXVI).

1/31. Крупный фрагмент одноручной биконической кружки с чернолощенной внешней и темно-серой гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый плотный, с примесью мелких белых частиц. Сохранившаяся высота — 9,5 см. Диаметр венчика — 12 см, корпуса — 9 см. Толщина черепка венчика — 0,7 см, корпуса — 0,5 см (табл. XVI; XXVIII).

1/32. Крупный фрагмент одноручной биконической кружки с чернолощенной внешней и темновато-серой выщербленной внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких белых частиц. Переход корпуса к донной части обозначен ребром. Дно плоское. Высота — 10,9 см, до ребра — 8,7 см. Диаметр венчика — 13 см, корпуса по ребру — 15,1 см, дна — 6,4 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса и дна — 0,5 см (табл. XXIV; XXV, XXVII).

1/33. Фрагмент верхней части одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-серой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный с мелкими белыми примесями. Сохранившаяся высота — 5,7 см, горлышка — 4,6 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр венчика — 9,1 см, горлышка верхний — 8 см, нижний — 8,6 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. XXIV).

1/34. Горшочек с плоским отогнутым венчиком, низким цилиндрическим горлом, уплощенно-сферическим корпусом, чернолощенной внешней и серовато-темной внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, местами темный плотный, с примесью мельчайших белых частиц. Вокруг плечика проходят заметные желобки. Под ними две пары резных горизонтальных линий, пространство между которыми заполнено мелкими выемчатыми точками. К ленте основаниями примыкают четыре треугольника, образованных парами царапанных линий. Треугольники заполнены царапанными ромбами, три из которых заштрихованы. Остальная часть поверхности покрыта легкими вертикальными желобками. Сосуд реставрирован частично. Не хватает фрагментов корпуса, венчика и полностью дна. Сохранившаяся высота — 14,1 см, горлышка — 2,5 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр венчика — 11,1 см, горлышка верхний — 10,4 см, нижний 10,8 см, корпуса — 16,3. Толщина черепка — 0,7 см (табл. XIX; XXVII).

1/35. Одноручная биконическая кружка с чернолощенной внешней и темно-серой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый плотный. Сосуд реставрирован частично. Не хватает фрагментов корпуса, ушка и полностью дна. Сохранившаяся высота по ребру — 12,2 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,5 см.

1/36. Фрагмент плоского венчика и горлышка одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-серой гладкой внутренней поверхностью. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Сохранившаяся высота — 3,8 см. Ширина венчика — 1,2 см, ушка — 1,8 см. Диаметр венчика — 9 см, горлышка — 7,6 см. Толщина черепка — 0,8 см, ушка — 0,9 см (табл. XXIV).

1/37. Фрагмент венчика и горлышка одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темной, с серыми пятнами, гладкой внутренней поверхностью. Черепок плотный, с примесью мельчайших бе-

лых частиц. Сохранившаяся высота — 8,1 см, горлышка — 4 см. Ширина венчика — 0,7 см. Диаметр венчика — 10,2 см, горлышка — 9 см, ушка — 1,3 см. Толщина черепка — 0,7 см.

1/38. Фрагмент плоского венчика и горлышка одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темной лощенной внутренней поверхностями. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Высота горлышка — 3 см. Диаметр — 7,8 см, горлышка — 6,6 см. Толщина черепка — 0,6 см.

1/39. Одноручная биконическая кружка с чернолощенной внешней и темной с серыми пятнами внутренней поверхностями. Черепок в изломе темный плотный, с мелкими белыми примесями. На лицевой стороне имеется круглая неглубокая лунка, полученная путем продавливания стенки. Сосуд реставрирован частично. Не хватает частей венчика, корпуса и полностью дна. Сохранившаяся высота — 9,7 см. Диаметр венчика — 10,5 см, шейки — 9,7 см, корпуса по ребру — 13,8 см, ушка — 1,2 см, луники — 1,4 см. Толщина черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,5 см.

1/40. Двуушная корчага с черновато-коричневой с пятнами, лощенной внешней и темновато-коричневой внутренней поверхностями. Черепок в изломе темный грубый, с примесью песка и белых частиц. Плоский венчик отогнут, горловина почти цилиндрическая, корпус сферический, резко суживающийся в сторону плоского дна. Плоские лентовидные ушки, имеющие с внешней стороны по краю по одному желобу, на концах уплощены в виде усиков. Сосуд реставрирован, деформирован. Высота — 63 см; горлышка — 6 см. Ширина венчика — 2,6 см, ушка — 4,2 см. Диаметр венчика — 26,4 см, горлышка верхний — 22,8 см, нижний — 23,4 см, корпуса — 59,3 см, дна — 20 см. Толщина черепка венчика — 1,2 см, корпуса — 1,1 см (табл. XXII).

1/41. Фрагмент наконечника стрелы штыковидной формы, изготовленный из части трубчатой кости крупного рогатого скота. Общая длина — 6 см, черепка — 2,5 см. Диаметр — 0,9 см.

1/42. Фрагмент наконечника стрелы штыковидной формы, изготовленный из части трубчатой кости крупного рогатого скота. Общая длина — 5 см, черепка — 1,8 см. Диаметр — 0,7 см.

1/43. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из дымчато-прозрачного обсидиана. Обе стороны обработаны тончайшей струйчатой ретушью. Не хватает одного крыла. Длина — 6,6 см, крыльев — 2,2 см. Наибольшая ширина — 2 см; выемки верхняя — 0,7 см (табл. XIII).

1/44. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из темного непрозрачного обсидиана. Обе стороны обработаны тончайшей струйчатой ретушью. Одно крыло обломано. Не хватает верхней части. Длина — 6,7 см, крыльев — 2,5 см. Наибольшая ширина — 2,3 см, выемки верхняя — 0,8 см, нижняя — 1,3 см (табл. XIII).

1/45. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из дымчато-прозрачного обсидиана. Обе стороны обработаны тончайшей струйчатой ретушью. У острия дугообразная натретуированная выемка. Обломано острие одного крыла. Длина — 6,2 см, крыльев — 2,1 см. Наибольшая ширина — 2,3 см, выемки верхняя — 0,8 см, нижняя — 1,4 см (табл. XIII).

1/46. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из дымчато-прозрачного обсидиана. Обе стороны обработаны сравнительно грубоюстной струйчатой ретушью. Не хватает одного крыла. Длина —

4,4 см; крыльев — 1,6 см. Наибольшая ширина — 1,7 см; выемки верхняя — 0,6 см (табл. XIII).

1/47. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из прозрачного обсидиана. Обе стороны обработаны сравнительно грубоватой струйчатой ретушью. Не хватает одного крыла. Длина — 4,5 см, крыльев — 1,6 см. Наибольшая ширина — 1,6 см, выемки верхняя — 0,6 см (табл. XIII).

1/48. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из дымчато-прозрачного с темными полосами обсидиана. Обе стороны обработаны сравнительно грубоватой струйчатой ретушью. Не хватает концов крыльев. Длина — 4,6 см, крыльев — 1,6 см. Наибольшая ширина — 1,6 см, выемки верхняя — 0,6 см, нижняя — 0,9 см (табл. XIII).

1/49. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и черновато-темной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный. Стенка под ушком уплощена. На лицевой части имеется круглая выемка, образованная путем продавливания стенки. Сосуд реставрирован. Не хватает частей корпуса. Высота — 10,1 см, верхней части по ребру — 7 см. Диаметр венчика — 10,6 см, шейки — 9,1 см, корпуса по ребру — 15,2 см, дна — 6 см, ручки — 1,4 см, лунки — 1,1 см. Толщина черепка венчика — 0,5 см, корпуса — 0,6 см (табл. XXV, XXVI).

1/50. Одноручный кувшинчик с чернолощеной внешней и черновато-сероватой внутренней поверхностью. На лицевой части имеются два сосковидных выступа, полученных путем выдавливания стенки изнутри. Налепные шишечки располагаются вокруг указанных выступов и вдоль плеча до ушка. Под последним имеется менисковидное углубление. Сосуд реставрирован. Не хватает частей горлышка и корпуса. Высота — 11,7 см, горлышка — 2 см, выступов — 2,8 см, шишечек — 0,3 см. Диаметр венчика — 9,9 см, горлышка верхний — 8,9 см, нижний — 9,3 см, корпуса — 13,5 см, дна — 5,8 см, ушка — 1,2 см, выступов — 1,3 см, шишечек — 0,6 см. Толщина черепа — 0,6 см (табл. XIX, XXVII).

1/51. Фрагмент одноручной (?) биконической кружки с чернолощеной внешней и темной выщербленной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темно-серый плотный, с примесью мелких белых частиц. Сохранившаяся высота — 10 см, сверху до ребра — 7 см. Диаметр венчика — 9 см, шейки — 8,2 см, корпуса по ребру — 12 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XXV).

1/52. Фрагмент верхней части одноручного кувшинчика с темной с серыми пятнами слегка лощеной внешней и серой выщербленной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный и серый, плотный, с примесью мельчайших белых частиц. Сохранившаяся высота — 6,9 см, горлышка — 3,8 см. Диаметр венчика — 8,1 см, горлышка верхний — 7,2 см, нижний — 7,8 см, ушка — 1,8 см. Толщина черепка — 0,6 см.

1/53. Фрагменту двух горлышек «многогорлого» (типа «марани») с чернолощеной внешней и черной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный, с примесью мелких белых частиц. Оба напоминают горлышки одноручных кувшинчиков. I фрагмент: общая высота — 3,5 см, горлышка — 1,8 см, диаметр венчика — 3,9 см, горлышка верхний — 3,3 см, нижний — 3,7 см, толщина черепка — 0,4 см. II фрагмент: общая высота — 3,9 см, горлышка — 1,9 см, диаметр 3. Дедабришвили

венчика — 4,3 см, горлышка верхний — 3,8 см, нижний — 4,1 см; толщина черепка — 0,6 см (табл. XXIV).

1/54. Фрагмент одноручной биконической кружки с чернолощеной внешней и темной слегка лощеной внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухцветный темный и серый, с примесью мелких белых частиц. Толщина черепка — 0,4 см.

1/55. Фрагменты корпуса сосуда (одноручный кувшинчик — ?) с чернолощеной внешней и темной гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, местами двухцветный — темный и серый, плотный с примесью мелких белых частиц. На фрагменте имеются три параллельных легких желобка и три низких рельефных линии. Пространство между ними заполнено небольшими плоскими налепными шишечками. Толщина черепка — 0,3 см.

1/56. 10 фрагментов различных сосудов с чернолощеной внешней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный, с примесью мелких белых частиц. На четырех фрагментах имеются низкорельефные полосы. На одном фрагменте имеется рельефная полоса и один ряд низких лепных шишечек. Толщина черепка колеблется от 0,3 см до 0,6 см.

1/57. Фрагмент стенки сосуда с черной слегка лощеной внешней и черной выщербленной внутренней поверхностью. Черепок плотный с примесью мельчайших белых частиц. На фрагменте сохранились три налепных низких шишечек, расположенные полукругом. Толщина черепка — 0,7 см.

1/58. Фрагмент корпуса и плоского дна сосуда (одноручный кувшинчик?) с черной слегка лощеной внешней и темной, с серыми пятнами, гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, с примесью мелких белых частиц. В верхней части корпуса имеются две низкие рельефные полосы, пространство между которыми заполнено рядом очень низких лепных шишечек. Толщина черепка в верхней части корпуса — 0,2 см, в средней — 0,6 см и дна — 0,6 см.

1/59. Фрагмент стенки и дна сосуда с черной слегка лощеной внешней и темно-серый выщербленной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный плотный с примесью мелких белых частиц. Толщина черепка стенки — 0,5 см, дна — 0,7 см.

1/60. Шесть фрагментов стенок разных сосудов с чернолощеной с металлическим блеском внешней и темно-серой гладкой внутренней поверхностью. Два фрагмента с желобками. Черепок в изломе — темный и серый плотный, с примесью мелких белых частиц. Толщина — 0,5 см.

1/61. Фрагмент плоского дна и стенки сосуда черного обжига со слегка лощеной внешней и гладкой внутренней поверхностью. Черепок плотный с примесью мелких белых частиц. Толщина — 0,4 см.

1/62. 19 фрагментов ушек различных сосудов. Все черно-лощеные, черепки в изломе серые или темные плотные, с примесью мельчайших белых частиц. Концы некоторых плоские и широкие, а в средней части — овальные.

1/63. Крупный фрагмент одноручного (?) кувшинчика с чернолощеной внешней и темно-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный и светло-коричневый грубый, с примесью песка и мелких белых частиц. Толщина — 0,9 см.

1/64. Фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощеной внешней и темно-серой гладкой внутренней поверхностью. Черепок плотный с примесью мелких белых частиц. Толщина черепка — 0,4 см.

1/65. Фрагмент стенки сосуда с чернолощеной внешней и темно-серой выщербленной внутренней поверхностями. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Фрагмент орнаментирован тремя рельефными параллельными линиями. Толщина черепка — 0,9 см.

1/66—71. Фрагменты отдельных частей разных сосудов с черно-и сернолощеной внешней и серой, коричневой, темной, иногда выщербленной или гладкой внутренней поверхностями. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. На одном фрагменте (66) имеются две параллельные рельефные линии, на другом (71) — частые горизонтальные лощенные линии. Толщина черепка — 0,4—0,5 см.

1/72. Фрагмент одноручного кувшинчика (горлышка и ушка) с темной слегка лощеной внешней и серой гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный и серый плотный, с примесью ила и мелких белых частиц. Толщина черепка — 0,5 см.

1/73. 13 фрагментов венчиков разных сосудов с чернолощеной внешней и черной, у некоторых темно-серой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный или темный и серый, плотный с примесью мелких белых частиц. Толщина — 0,4 см.

1/74—76. Фрагменты трех одноручных кувшинчиков с черно-лощенной внешней и черной, серой и темной внутренней поверхностью. Черепки в изломе темные и серые плотные, с примесью мелких белых частиц. Толщина черепка — 0,4—0,6 см.

1/77. Фрагмент сосуда с носиком (поилка?) с черной, слегка лощеной внешней и темно-серой внутренней поверхностью. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Длина выступа — 2,6 см, диаметр — 1,7 см; диаметр отверстия — 0,4 см; толщина черепка — 0,4 см.

1/76—84. Фрагменты стенок разных сосудов с черной, серой хорошо и слегка лощеной внешней и черной, серой, светло-коричневой гладкой и выщербленной внутренней поверхностью. На одном фрагменте имеются разные ромбы, заполненные такими же более мелкими. Три ряда мелких ромбов заштрихованы косыми линиями (78). На других фрагментах имеется по одной (82), по две (83) и по три (79, 80) горизонтальные рельефные линии. На фрагменте 81 имеются две короткие рельефные линии и частые едва заметные желобки. А фрагмент 84 орнаментирован вертикальными черными лощенными линиями. Толщина черепка — 0,3—0,5 см.

1/85. Фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощеной внешней и темной, гладкой внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухслойный: черный и серый, плотный, с примесью мелких белых частиц. По плечику проходят три узкие рельефные полосы. Высота фрагмента — 8 см, горлышка — 4,1 см. Диаметр горлышка — 5,2 см. Толщина черепка — 0,5 см.

1/86. Фрагменты одноручного кувшинчика и одноручной биконической кружки с черной слегка лощеной внешней и темносерой внутренней поверхностью. На одном из фрагментов кувшинчика имеются три низких рельефных линии, а на одном из фрагментов кружки — расположенные по кругу низкие налепные шишечки с такой же в центре. За кругом помещены еще две аналогичные шишечки.

1/87. Рога кавказского оленя.

1/88—96. Кости четырех человеческих скелетов. Два принадлежат мужчине до сорока лет. Один представлен полностью. Рост первого,

второго, третьего и четвертого соответственно — 1,56 м, 1,60 м, 1,60 м и 1,64 м.

1/97. Фрагменты стенок крупного сосуда с серой внешней поверхностью и желтоватой внутренней. Черепок в изломе серый, грубый, с примесью ила и белых частиц. Толщина — 0,9 см.

1/98—102. Кости животных (98, 99, 101, 102 — крупный рогатый скот) и бедренная кость человека (№ 100), соответствующая росту 1,58 м. Одна из костей (№ 99) — обгоревшая.

1/103. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из темно-серого камня. Края с обеих сторон обработаны струйчатой ретушью, придающей им пилообразный характер. Одно крыло отсутствует. Длина — 5,7 см, крыльев — 1,8 см. Наибольшая ширина — 1,9 см, выемки верхняя — 0,8 см (табл. XIII).

1/104. Наконечник стрелы с выемчатым основанием из дымчато-прозрачного обсидиана, обработанный двухсторонней струйчатой ретушью, придающей краям пилообразный характер. Длина — 5,3 см, крыльев — 1,9 см. Наибольшая ширина — 1,8 см, выемки верхняя — 0,3 см, нижняя — 1,1 см (табл. XIII).

1/105—113. Кости крупного и мелкого рогатого скота, обнаруженные в отдельных глиняных сосудах.

1/114. Четыре биконических бусины, изготовленные из тонкого золотого листа. Размеры, вес и проба первой, второй, третьей и четвертой соответственно: длина — 2,3 см; 2,3 см; 2,6 см; 2,1 см; наибольший диаметр — 1,7 см, 1,5 см, 1,9 см, 1,5 см; диаметр отверстия — 0,2 см, 0,1 см, 0,2 см, 0,1 см; толщина листа — 0,1 см; вес — 5 г; проба — 958 (табл. LXV).

1/115. Пять золотых, литых (?) бусин катушечной формы. Длина — 0,9 см; диаметр по краям — 0,6 см; в середине — 0,4 см; вес — 3 г; проба — 957 (табл. LXV).

1/116. Золотая трубочка, изготовленная из тонкого золотого листа путем сворачивания краев вместе. Длина — 0,7 см; диаметр отверстия — 0,1 см; толщина листа — 0,1 см. Вес — 6 г. Проба — 905 (табл. LXV).

1/117. Золотая трубочка, изготовленная из тонкого золотого листа путем сворачивания краев вместе. Поверхность покрыта царапанными концентрическими линиями. Длина — 1 см. Диаметр — 0,2 см, отверстия — 0,17 см. Вес — 5 г. Проба — 905.

1/118. Шесть сплюснуто-сферических бусин из ярко-красного сердолика. Высота 0,2 см. Диаметр — 0,6 см, отверстия — 0,3 см (табл. LXV).

1/119. Бусина сплюснуто-сферической формы из темного агата двухстороннего (кратеровидного) сверления. Высота — 1,2 см. Диаметр — 1,3 см; диаметр отверстия — 0,3 см (Табл. LXV).

1/120. Шесть кнопкообразных золотых предмета. Из них только у трех сохранились стержни, впаянные с отверстия центральной части шляпок. Диаметр шляпок — 1,3—1,4 см. Высота ножек — 0,7 см. Толщина листа — 0,03 см. Вес — 6 г. Проба — 901 (табл. LXV).

1/121. Фрагмент трубочки из золотого листа. Трубка сплюснута, с одного края имеются два царапанных ободка. Длина — 2,4 см. Толщина листа — 0,03 см. Вес — 5 г. Проба — 908.

1/122. Небольшой серебряный предмет, сходный с лапой золотой скульптуры льва из 11 кургана. Высота — 1,5 см, вес — 2 г. (Ан. № 792, 793).

1/123. Шесть наконечников стрелы с выемчатым основанием из дымчато-прозрачного обсидиана, с двухсторонней струйчатой ретушью. У трех не хватает по одному крылу, у двух отломаны острия. У одного фрагмента сбоку имеется ретушированная дугообразная выемка. Высота — 5,1—7,1 см; крыльев — 1,4—1,8 см. Наибольшая ширина — 1,8—2,4 см; выемки верхняя — 0,6—0,7 см; нижняя — 1,4 см (табл. XIII).

1/124. Три наконечника стрел с выемчатым основанием из серого темного и темно-серого кремня с двухсторонней струйчатой ретушью у двух. Высота: I — 6 см, II — 5,3 см, III — 5,9 см. Высота крыльев: I — 2 см, II — 1,6 см, III — 2,2 см. Наибольшая ширина: I — 2,2 см, II — 2 см, III — по размаху концов крыльев; выемки: верхняя — 1—0,7 см, II — 0,8 см, III — 0,3 см; нижняя: I — 1,4 см, II — 1,5 см, III — 1,5 см (табл. XIII).

II КУРГАН. Раскопки II кургана были начаты месяц спустя после начала работ на I. Однако, были закончены в ноябре того же года.

Курган располагался в 700 м к северо-западу от большого, по левую сторону уже упомянутого Оле. Вокруг него простиралась равнина, а в настоящее время он так же сравnen с землей. Впервые на этот курган обратил внимание бывший директор строящихся объектов Кахетской зоны Министерства мелиорации и водного хозяйства ГССР Варамашвили Ш. М. Курган представлял собой довольно крупную насыпь диаметром 80×90 м и высотой у вершины — 2,5 м. На его поверхности в некоторых местах виднелись отдельные фрагменты крупных камней. Сама вершина кургана была плоской (площадка примерно в 25 кв. м).

Раскопки были начаты в июле месяце 1973 г. и завершены 20 ноября. Первоначально было решено снять насыпь с помощью техники, т. к. строители должны были сдать эту территорию в конце года. На кургане работал один экскаватор и бульдозер. Вначале были сняты юго-восточный и юго-западные секторы, между которыми были оставлены бровки. Экскаватор рыл землю, а бульдозер выволакивал ее. В полученных разрезах, особенно в центральной части хорошо прослеживались выбросы грунта из основной погребальной камеры. Однако нам пришлось отказаться от использования техники, т. к. в насыпи оказались впускные погребения. Всего было расчищено 6 погребений, но все, за исключением одного, были безинвентарными, хотя поза захороненных — на боку в скорченном положении, свидетельствуют об их дохристианском или, в крайнем случае, раннехристианском происхождении. Лишь одно погребение содержало инвентарь позднеантичной эпохи⁵.

Насыпь кургана была земляной. Ее на глубине в среднем 30 см опоясывали каменный настил — панцирь — шириной до 10 м от краев кургана. Центральная часть практически была свободна от камня. Лишь в двух впускных погребениях были небольшие холмики камней. В каменном «панцире» рассматриваемого кургана было много крупных камней, но в основном они представляли собой материал из одного определенного источника — овраги северного склона Иорского плато. Размеры камней были довольно крупными. Настил в основном был двурядным, но в некоторых местах, где камни были покрупнее, однорядным. Общая и толщина панциря равнялась в среднем 0,4 м.

⁵Материалы публикует старший научный сотрудник Н. Ф. Маманишвили.

Поэтому, если подсчитать только кубатуру употребленного для него камня, то она получается порядка почти 1000 куб. м. Наряду с этим необходимо учесть, что камень был не просто свален, а более или менее ровно уложен. Разрезы курганий насыпи, свидетельствуют, что вначале была возведена примерно до 4 метров, и только после этого был устроен настил. Если уж речь зашла о насыпи, то следует учесть, что первоначальная высота ее должна была быть не менее указанной величины — учитывая провал конической вершины в погребальную камеру после обрушения ее перекрытия — объем погребальной камеры составлял ровно 250 куб. м.

Погребальная камера располагалась почти под центральной частью насыпи и представляла собой четырехугольную яму с размерами сторон 10×10 м и глубиной 2,5 м. Ее местоположение, как было сказано, удалось установить благодаря скоплению выброса грунта. Примечательно, что выброс земли из ямы производился только в две стороны — на северную и южную. Кроме того, погребальная яма четко прослеживалась благодаря остаткам на ее краях перекрытия, бревна которого располагались на уровне погребенного гумуса. Бревна перекрытия располагались вдоль верхнего края восточной и западной стен и спускались параллельно им почти на глубину одного метра. Как показала дальнейшая расчистка, перекрытие было двуслойным и нижний слой располагался перпендикулярно верхнему — от южной к северной стене. Примечательно, что, как выяснилось в процессе раскопок, первоначально рухнула центральная часть перекрытия, которая почти горизонтально располагалась на дне погребения. Она повлекла за собой и остальные стороны. Причем, это произошло до того, пока сама камера была заполнена породой. Свидетельством этому, почти непосредственное расположение его над погребальным инвентарем.

Перекрытие сверху было замазано голубовато-зеленою водонепроницаемой глиной, которая в свою очередь была застлана рагожей плотного плетения. Ее следы встречались на многих частях перекрытия (табл. XXXI), а также и в самой камере.

Для целности описания, отметим, что двухнакатное бревенчатое перекрытие опиралось на девять столбов, почти симметрично расположенных внутри камеры. Причем, интересен тот факт, что некоторые опорные столбы, в свою очередь, для устойчивости были подперты короткими косопоставленными столбиками (табл. XIV). Характерно, что, как и в первом кургане, здесь не было обнаружено никаких следов самих опорных столбов, за исключением ям, предназначенных для них. Тогда как подпирающие их столбики дошли до нас хотя бы в виде отпечатков истлевшего дерева. Не исключено, что именно вертикальное положение столбов и обусловило утрату их следов.

На юго-западной части перекрытия было обнаружено несколько крупных фрагментов глиняного сосуда, наклонно расположенных на бревнах рухнувшего перекрытия.

После снятия перекрытия общая картина выглядела следующим образом: стены погребальной камеры были строго ориентированы по сторонам света и лишь в западном конце южной стены, почти в юго-западном углу, была обнаружена ступень с закругленными краями, имевшая глубину (от верхнего края) и ширину, равную одному метру. Она, вероятно, служила входом в погребальную камеру. Весьма существенно, что этот вход был перекрыт независимо от основного

перекрытия и бревна над ним располагались в один слой, по оси восток—запад.

Как выяснилось после взятия погребального инвентаря, все дно погребения было покрыто пластической глиной толщиной до 0,3 м, вероятно, для защиты от воздействия грунтовых вод. Однако, следует отметить, что здесь в отличие от первого кургана в ямках опорных столбов вода не появлялась и, как показали в дальнейшем, буровые работы, она находилась примерно на один метр ниже уровня дна погребения. Здесь не лишнее отметить, что в этой части долины отложение спресованы отдельными глыбами и малейшее воздействие вод, в первую очередь дождевых, вызывает оползни. Такой случай произошел и во время работы на кургане. Уже после расчистки погребения, неожиданно оползла северная стена (табл. XXXIII), к счастью не принесшая вреда. К этому можно добавить и то, что, как впоследствии и на большом кургане, сильный порыв ветра сорвал устроенное над погребением брезентовое перекрытие, устроенное для защиты от дождей бесконечных и, наконец, снега, который пошел к концу работ на кургане.

Но вернемся к описанию. Под указанным слоем глины, по всей площади погребальной камеры был зафиксирован слой охры, толщиной до 0,3–0,5 м. Мы уже упоминали о наличии слоя охры на дoline, но удивительное совпадение границ ее залегания — а они были проверены все стороны, кроме северной, где произошел оползень, и она не распространялась за пределы дна погребения. Вероятно, охристый слой простирался именно к северу, но это нам не было известно и поэтому в предварительных отчетах мы отмечали, что наличие охры, вероятно, связано с неизвестным нам обрядом — ведь известны случаи посыпки охры, но не ее такое преднамеренное укрытие под специально утрамбованной толщей глины.

По краям дна камеры, вдоль всех стен, на ширину примерно до 0,5 м и в среднем на такую же высоту, прослеживался след действия сильного огня.

Дно, как и перекрытие, было покрыто рагожей.

В северо-восточной части погребения было обнаружено два костяка захороненных (табл. XXXIV₂; XXXV; XXXVI₂). Костяк, расположавшийся вблизи северной стены, принадлежал женщины до тридцати лет⁶ и не имел непосредственно рядом никакого инвентаря. Захоронение было совершено на правом боку. Обе ноги и левая рука были согнуты, а правая — вытянута. Головой ориентировалась на запад.

В нескольких метрах от этого костяка, располагаясь ближе к центру, буквально в той же позе, что и первый костяк, лежал другой (характерно, что размеры — имея в виду рост — их полностью совпадали), но принадлежавший мужчине около сорока лет. Однако, это захоронение было сравнительно более богатым. Вокруг черепа было найдено шестьдесят три золотых бусины биконической формы (табл. LXVI). На запястьях обеих рук по серебряному браслету, а за спиной — агатовая бусина, имевшая форму сплюснутой сферы (табл. LXVI, № 11/2—19) и серебряная булавка с двуволютной головкой (табл. LXVI, № 11/20). Примечательно, что и здесь не обошлось без казуса — тогда еще не было известно о наличии охры под слоем глины — булавка была покрыта толстым слоем железной ржавчины и

⁶ Определение сотрудника экспедиции М. Абдушлишивили.

по-началу никто не сомневался в том, что она железная. А если вспомнить, что дата кургана уже с самого начала практически не вызывала сомнений, то понятно, какой ажиотаж вызвал данный факт. Были проведены анализы и установлено, что она серебряная, но до вскрытия слоя пластической глины, загадка появления ржавчины оставалась неразрешимой.

Центральная часть погребения была занята четырехколесной повозкой (мы не даем ее реконструкции, т. к. она практически повторяет все известные повозки этого времени. И размер колес — диаметр 1,3 м и ступицы, и их трехчастность и т. д.). Но все дело в том, что практически до нас дошли лишь отпечатки ее — дерево полностью истлело. Но необходимо отметить, что колеса были опалены, не исключено в данном случае и самовозгорание, но если вспомнить, что в погребении был разведен огонь, то тогда это явление можно приписать ему. Хотя трудно утверждать, что-либо более определенное. Огонь могли развести до совершения самого захоронения и внесения инвентаря в могилу.

Два передних колеса наполовину были врыты в дно погребения, а верхние их части лежали на поверхности под прямым углом к ним — очевидно, под тяжестью рухнувшего перекрытия они сломались (табл. XXXVII; XXXVIII; XXXIX; XL). Здесь хорошо прослеживалась ось, на которую были одеты эти колеса (табл. XXXVIII₂; XL₂). С внешней стороны колеса, расположенного к востоку у места его осевого отверстия был обнаружен бронзовый стержень (шпонька) с дисковидной головкой (табл. XXXVII₂; XXXIX₂ — № 11/36). К сожалению, все эти предметы были сильно коррозированы и практически превратились в порошок, количественно-спектральный анализ которых не показал ничего. Как видно, повозка была внесена в погребальную камеру в разобранном виде. На это указывает расположение остальных двух колес. Одно лежало примерно в трех метрах в стороне от предполагаемого кузова. Кроме того, оба колеса были всажены в пол на глубину не более пятнадцати сантиметров. Оба колеса были повалены к северу, так же, как и большие сосуды, о которых речь пойдет ниже (табл. XL₁). Причем, при падении колеса вздыбили и пластическую глину пола.

На предполагаемом кузове повозки было обнаружено большое количество глиняных сосудов, в основном разбитых на мелкие кусочки. Многие в дальнейшем подались реставрации, но не исключено, что некоторые так и не восстановлены. Исходя из количества неповторяющихся венчиков сосудов и других данных, подсчитано, что их количество превышало четыре десятка. Многие сосуды были покрыты мелкими тонким налетом, отдающим металлическим блеском, однако многие из них со временем утратили его, вероятно, от избытка проникшей в черепок соли — и здесь, как и в первом погребении, на керамике, практически в течение двух лет, даже после ее длительного промывания, проступала соль. К югу от повозки вплоть до западной стены в один ряд располагалось семь крупных глиняных сосудов (№№ 11/62, 11/63, 11/64, 11/65, 11/66, 11/67). У сосуда, стоявшего в юго-западном углу была найдена кучка овечьих и козьих астрагалов (табл. XL₂; XLI₂), и одного крупного рогатого скота. Некоторые из них были просверлены с разных сторон (№ 87), некоторые имели сточенные поверхности (№ 84). В общей сложности их было 460 единиц (№№ 11/86, 11/88, табл. XLII₂). Здесь же было несколько большее

количество мелкой гальки различных очертаний с одним крупным и двумя меньшими камнями (№ 11/88, табл. XLI₁).

Помимо глиняных сосудов на повозке были найдены двулистная золотая булавка (табл. LXVI, № 11/15). Золотая пластинка с загнутыми краями (табл. LXVI—11/16), золотая трубочка с припаянной к ней крученою проволокой (табл. LXVI—11/18), остатки круглого бронзового щита на кожаной основе (?) и др.

У края дышловой части повозки компактно были расположены три костяных (табл. XLII₁) и один обсидиановый (табл. XLIII; XLIV) наконечники стрел. Тут полукругом располагались предметы неизвестного назначения из рога (табл. XLV) и золотая круглая, частично стилизованные скульптурка льва (табл. LXVII).

Ниже мы приводим полное описание находок, сделанных во II кургане. Здесь остаются в силе все вышеприведенные замечания в отношении материалов I кургана. Следует лишь добавить, что номера с 1 по 12 относятся к впускным погребениям позднейшего времени, материалы которых публикует Маманашвили Н. Ф.

11/13. Золотая литая круглая скульптурка льва. Передняя частью полностью стилизована. Морда плоская, усеченная, расширяющаяся от пасти к ушам. Пасть решена горизонтальной четко проведенной линией, длиной 0,8 см. Вокруг морды проходит рельефная полоса, покрытая частыми косыми короткими линиями. Она слегка опускается книзу. Лоб плоский. Глаза переданы двумя высокими рельефными кругами, в которые посажены крупные эллипсовидные выпуклости, с плоскими поверхностями. Вокруг глаз проходит узкая низкая рельефная полоска в форме восьмерки. С внутренней стороны у нее имеется по двенадцать более мелких рельефных точек. Две из них общие для обоих глаз. На лбу соединяются две рельефные линии, образующие ниспадающий угол. Выше их — три шишечки, а ниже — между полосками и «восьмеркой» расположены восемь шишечек. Между лбом и ушами проходит рельеф с косыми короткими полосками на нем. Уши небольшие, плоские и гладкие, слегка оттопыренные. По обеим сторонам подбородка имеются по одной шишечке. В средней части он слегка вогнут. Под нижней стороной восьмерки имеется семнадцать шишечек. У правого уха она не замыкается, а опускается в виде меандра с закругленными углами до нижней части лапы. У левого уха она замкнута и здесь начинается новая рельефная линия, спускающаяся под подбородком по лапе вниз (образуя в нижней части лапы четырехугольник) проходит по боку и спускается на правую лапу, полностью опоясывая ее. В меандре на правой лапе имеется сорок две шишечки, а на левой — сорок четыре. На затылке за левым ухом начинается рельефный меандр, покрывающий спину и бока. Такая же картина и с правой стороны. Оба заполнены шишечками. С левой стороны — сорок шесть, а с правой — пятьдесят пять. Обе описанные комбинации создают стилизованное изображение гривы. По бокам передних ног имеются замкнутые рельефные линии, образующие две яйцевидные формы, внутри которых вдоль линии имеются шишечки — на правой стороне — девять и одна более крупная в центре, а на левой, соответственно (где яйцеобразную форму создает не обособленная рельефная линия, а завершение спускающейся сверху), одна в центре и вокруг нее восемь.

У льва довольно толстая шея, расширяющаяся к бокам. Слегка выпуклые бока равномерно переходят в короткие прямые лапы. На

спине четко прослеживается хребтовая часть. Поясница узкая, расширяющаяся к тазовой части. У всех четырех ног, чуть выше пятки имеются круглые отверстия, отмеченные так же небольшими круглыми рельефными выступами. Когти переданы короткими глубокими полосками, нанесенными на покатые края передней части ступни. Нижние части стоп — плоские. Все лапы полые и каждая в ступне имеет отверстие, проделанное после отливки. Хвост вогнутый. Причем изгиб располагается ниже горизонтального уровня ступней. Длина с хвостом — 5,2 см; без хвоста — 4,5 см. Высота с головы до ног — 2,8 см. Высота ног — 0,7 см. Вес — 32,9 г. Туловоице заполнено белой массой. Проба — выше 958 (табл. LXVII).

11/14. Шестьдесят три полые бусины биконической формы, изготовленные из тонкопластинчатого листового золота со спаянными половниками. Длина — 0,7 см. Наибольший диаметр — 0,6 см. Диаметр отверстия — 0,3 см. Вес (каждой в отдельности) — 3 г. Проба — 958 (табл. LXVI).

11/15. Золотая двучастная булавка. Головка и съемная полая часть («концевая головка») имеют грушевидную форму. Причем концевая имеет одно отверстие. Верхняя головка упирается в крестовидный выступ со сквозным отверстием. Стержень круглый, суживающийся к слегка закругленному концу. Концевая головка плотно прилегает к стержню. Булавка литая. Длина (без съемной части) — 6 см. Диаметр стержня под крестовиной — 0,5 см, у острия — 0,01 см. Ширина крестовины — 1 см. Диаметр — отверстия — 0,02 см. Высота головки — 1,3 см. Высота съемной головки — 1,5 см. Диаметр отверстий со стороны стержня — 0,34 см, другого — 0,02 см. Общая длина при плотно подогнанной съемной головке — 4 г. Проба — 958 (табл. LXVI).

11/16. Трубочка из золотой тонкой фольги с припаянной к ней тонкокрученной проволокой. Имеются и три отпавшие части этой проволоки. Края трубочки скреплены путем отвертывания краев, образующих продольный шов. Длина трубочки — 1,7 см. Диаметр внешний — 0,3 см, отверстия — 0,25 см. Общий вес — 4 г. Проба — 985 (табл. LXVI).

11/17. Золотая «бусина» бокаловидной формы — ножка впаяна в отверстие (в настоящее время свободно проходит через него). Изготовлены из тонкой золотой пластинки. Высота верхней части — 0,8 см. Диаметр — наибольший — 0,7 см, венчика — 0,5 см. Длина трубочки — 0,7 см. Диаметр отверстия — 0,2 см. Толщина стенок всего предмета — 0,02 см. Общий вес — 5 г. Проба — 958 (табл. LXVI).

11/18. Два обломка одной тонкой золотой пластинки с загнутыми краями. Вероятно, обкладка деревянного предмета. Длина около 10 см. Вес обеих половин — 5 г. Проба — 958 (табл. LXVI).

11/19. Бусина из темного агата в виде уплощенной сферы, по большему диаметру которой проходит едва заметное ребро. Сверление двустороннее. Наибольший диаметр — 1,4 см, наименьший — 1,1 см. Отверстия — 0,4 см (табл. LXVI).

11/20 Серебряная двуволютная булавка с круглым стержнем и слегка закругленным концом. На волютах едва прослеживаются рельефные кружки с выпуклыми точками посередине. Повреждена. Покрыта довольно толстым налетом железной окиси. Общая длина — 7,2 см. Стержня — 6,5 см. Ширина волют (общая) — 4,2 см, высота — 2,7 см. Диаметр стержня в верхней части — 0,6 см, у острия — 0,2 см (табл. XIV₅; LXVI).

11/21. Два серебряных литых полых разъемных браслета. Один сильно поврежден — сохранилась лишь центральная выпуклая часть. Второй разломан на три части, один конец сохранился наполовину, у обоих концов повреждены края. Верхняя или центральная часть обоих браслетов вздутая. На первом прослеживается орнамент в виде параллельной резьбы (точка, такая же резьба видна и на обоих концах второго браслета). Взутая часть второго неорнаментирована. Концы расширены, не сходятся. Оба браслета покрыты окисью железа. Наибольший диаметр первого — 2,3 см; наименьший — 1,1 см. Толщина стенок — 0,28 см. Второго — 1,9 см у взутой части. Наименьший диаметр — 0,19 см, а концах — 1,5 см. Форма почти круглая, но внутренняя часть напоминает букву О в горизонтальном положении. Диаметр (внешний) от выпуклой части до места соединения концов — 8,3 см, внутренний — 4,6 см. Диаметры по другому попечнику — соответственно — 9,2 см и 6,9 см (табл. XIV₇).

11/22. Бронзовый предмет корозированный. Овальной формы. Полностью распался.

11/23. Два бронзовых предмета — стержни с дисковидными головками. Один полностью корозирован и распался. Другой реставрирован. Длина — 16,2 см. Длина стержня — 4,5 см. Толщина — 0,6 см. Диска — 0,2 см. Ширина диска — 9,6 см, стержня у основания — 1,2 см, у острия — 0,3 см. Данные спектрального анализа (735) смотрите на с. 104 (табл. XIV₃).

11/24. Обсидиановый наконечник стрелы с выемчатым основанием прямоугольной формы. Поврежден. Обломаны острие и часть одного пера. Техника изготовления — ползучая ретушь (табл. XLIII; XLIV).

11/25. Костяной наконечник стрелы штыковидной формы. Общая длина — 9,2 см. Длина черенка — 3,2 см. Диаметр черенка (у места соединения с острием) — 0,6 см, острия (в том же месте) — 1 см (табл. XLII₁).

11/26. Одноручная биконическая кружка с чернолощенной внешней и серовато-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе — серый, плотный с примесью белых частиц. На лицевой стороне имеется неглубокая круглая лунка, выдавленная в толще стенки. Высота сосуда — 11,2 см, верхняя — 9,8 см. Диаметр венчика — 12,7 см, шейки — 11,9 см, по ребру — 14,9 см, дна — 6,1 см, ушка — 1,5 см. Толщина лунки — 1,7 см, черепка венчика — 0,6 см, корпуса — 0,7 см (табл. XLVI; XLVIII).

11/27. Одноручный кувшинчик с чернолощенной поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный с примесью мельчайших белых частиц. Венчик отогнут, слегка уплощен. Горловина в средней части слегка взутая. Вокруг плечика проходят три неглубоких параллельных желобка, образующие по обеим сторонам ушка закругленные ниспадающие углы. Сосуд поврежден. Не хватает нижней половины. Реставрирован частично. Сохранившаяся высота — 10,2 см, горловины — 4,6 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр венчика — 9,5 см, горловины верхний — 8,1 см, средний — 8,9 см, нижний — 9,3 см, ушка — 1,4 см. Толщина черепка — 0,7 см (табл. XLVII).

11/28. Одноручный кувшинчик с чернолощенной поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких белых частиц блестящих. Венчик отогнут, уплощен. Горлышко в средней части слегка выпуклое. Плечико покрыто пятью рельефно-вогнутыми желобка-

ми, заканчивающимися по обеим сторонам ушка и объединенными двумя вертикальными желобками. Частично реставрирован. Не хватает нижней части. Сохранившаяся высота — 7,5 см, горловины — 3,4 см. Диаметр венчика — 9 см, горловины верхней — 8,3 см, нижней — 8,5 см, ушка — 1,1 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. XIVII).

11/29. Одноручная биконическая кружка с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Сосуд реставрирован частично. Сохранившаяся высота — 10,6 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр венчика — 9,8 см, шейки — 8,9 см, корпуса — 15,2 см. Толщина черепка венчика — 0,5 см, корпуса — 0,7 см (табл. XLVIII).

11/30. Одноручная биконическая кружка с гладкой поверхностью, серовато-коричневого обжига. Черепок плотный с примесью мелких белых частиц. Сосуд реставрирован. Высота — 10,3 см. Диаметр венчика — 10,5 см, шейки — 9,4 см, по ребру — 12,6 см, дна — 5,8 см; ушка — 1,2 см. Толщина черепка — 0,7 см (табл. XLVI; XVIII; LI₇).

11/31. Одноручный кувшинчик с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе серый плотный, с примесью мелких белых частиц. По плечику проходит два ряда параллельных почти плоских шишечек («жемчужин»). Такие же шишечки в круговую окаймляют ушко. Сосуд поврежден. Реставрирован частично. Отсутствуют часть ушка и почти полностью дно. Сохранившаяся высота — 12 см, горлышка — 2,3 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр — 10 см, горлышка верхний — 9,1 см, нижний — 10 см, наибольший корпуса — 13,8 см; дна — 6 см; ушка — 1,1 см; шишечек — 0,9 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. LVII).

11/32. Одноручная глиняная кружка, с чернолощенной внешней поверхностью с металлическим налетом. Черновато-серого обжига. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Венчик широкий, отогнутый. Шейка обозначена широким желобком, отделяющим венчик от равномерно закругленного выпуклого вытянутого корпуса. Под шейкой проходят три параллельных желобка и две, помещенные между ними неровные рельефные полосы, опускающиеся по обеим сторонам ушка и завершающиеся примерно у средней части ушного проема. Сосуд незначительно поврежден. Реставрирован. Высота — 11,6 см. Диаметр венчика — 11 см; шейки — 10,4 см; корпуса (наибольший) — 11,5 см; дна — 5,4 см; ушка — 1,1 см. Толщина черепка — 0,7 см (табл. XLIX).

11/33. Одноручный кувшинчик со слегка полированной черновато-серой внешней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких белых частиц. По плечику проходят два едва заметных параллельных желобка. Сосуд поврежден. Реставрирован частично. Отсутствуют фрагменты венчика корпуса и дно. Сохранившаяся высота — 11,9 см, шейки — 4,2 см. Диаметр венчика — 9,6 см, горлышка — 9 см, корпуса (наибольший) — 13,4 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XLIX).

11/34. Одноручный кувшинчик черного обжига с лощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе темно-серый, плотный, с примесью мельчайших белых частиц. Горлышко слегка вздуто в средней части. На плечице один ряд плоских налепных шишечек, завершающихся по обеим сторонам ушка. Сосуд поврежден. Реставрирован частично. Отсутствуют части корпуса и дно. Сохранившаяся высота —

11,3 см, горлышка — 4,2 см. Диаметр венчика — 9 см, горлышка — 8,5 см, корпуса (сохранившийся наибольший) — 12,7 см. Ширина венчика — 0,6 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. XLVII; LI₈).

11/35. Одноручный кувшинчик с чернолощенной внешней и серовато-черной внутренней поверхностью. Черепок плотный, в изломе прослеживается примесь белых мелких частиц. Вокруг плечика проходят три широких неровных параллельных желобка, заканчивающиеся по обеим сторонам ушка. Сосуд поврежден. Реставрирован почти полностью. Высота — 11,1 см, горлышка — 3,5 см. Ширина венчика — 0,6 см. Диаметр — 8,6 см, горлышка — 8 см, корпуса (наибольший) — 11,5 см, дна — 5,5 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XLVII; LIII₁).

11/36. Одноручный кувшинчик с чернолощенной внешней поверхностью и с серыми пятнами. Внутренняя поверхность и черепок в изломе — серовато-черные. Черепок плотный с примесью белых мелких чаегиц. Венчик широкий, плоский и отогнутый. По плечику проходят три неглубоких параллельных желобка, опускающиеся к низу по обеим сторонам ушка. При этом верхний и нижний желобки смыкаются. Сосуд поврежден. Реставрирован. Высота — 11,8 см, горлышка — 4,4 см. Диаметр венчика — 9,1 см, горлышка — 9 см, корпуса (наибольший) — 13,5 см, дна — 5,9 см. Ширина венчика — 0,7 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. L; LIII₃).

11/37. Одноручная биконическая кружка с чернолощенной внешней поверхностью и коричневыми пятнами под венчиком. Черепок в изломе серовато-коричневый, плотный, с примесью мельчайших белых частиц. На лицевой части имеется неглубокая круглая лунка. Сосуд реставрирован. Не хватает фрагментов венчика и корпуса. Высота — 7,8 см. Диаметр венчика — 8,5 см, корпуса (по ребру) — 11 см, дна — 4 см. Толщина черепка — 0,4 см. Диаметр ленки — 0,7 см (табл. XLVI; XLVIII).

11/38. Одноручная биконическая кружка с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок плотный, в изломе серый с примесью мелких белых частиц. На лицевой части имеется аккуратная круглая лунка, полученная путем продавливания всей толщи стенки. Сосуд фрагментирован. Частично реставрирован. Отсутствуют части венчика, корпуса и дно. Сохранившаяся высота — 8,9 см. Диаметр венчика — 9,9 см, шейки — 9 см, корпуса (наибольший) — 13 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XLVI; XLVIII; LIV₄).

11/39. Одноручный кувшинчик с чернолощенной поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких белых частиц. На плечице и верхней части корпуса имеются три параллельных широких желобка. Сосуд реставрирован. Отсутствуют части корпуса и дно. Сохранившаяся высота — 10 см. Ширина венчика — 0,7 см, желобков — 1 см. Высота горлышка — 4,2 см. Диаметр венчика — 9 см, горлышка — 8 см, корпуса — 13 см. Толщина черепка — 0,3 см (табл. LI₃; LII).

11/40. Одноручная глиняная кружка с чернолощенной поверхностью. Черепок в изломе серый плотный, с примесью мелких белых частиц. Плечико отделено от горлышка неглубоким желобком. Два таких же желобка окаймляют нижнюю его часть, но прерываются по обеим сторонам ушка. Оно в средней части круглого сечения, а в местах крепления в средней части шейки и на корпусе уплощено в виде усиков. Сосуд реставрирован. Отсутствуют части венчика, корпуса и полностью дно. Сохранившаяся высота — 12,6 см, шейки — 3,5 см.

Диаметр венчика — 9,8 см, шейки 9 см, корпуса — 13,6 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. L; LI; LII).

11/41. Одноручный кувшинчик с чернолощеной поверхностью. Черепок в изломе черноватый, плотный, с примесью мелких белых и черных частиц. Внутренняя поверхность гладкая, слегка лощенная. Горлышко слегка вздуто в средней части. Плечико окаймляют два неглубоких параллельных желобка. Сосуд реставрирован. Не хватает частей корпуса и отсутствует дно. Сохранившаяся высота — 7,6 см, горлышка — 4,1 см. Ширина венчика — 0,7 см. Диаметр венчика — 9 см, шейки — 8,5 см, плечика — 11,2 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XLVII, LI₆).

11/42. Одноручная биконическая кружка с чернолощеной внешней и серовато-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью белых и черных мелких частиц. На лицевой стороне имеется круглая лунка, полученная путем вдавления стенки внутрь. Сохранившаяся высота — 8,9 см. Диаметр венчика — 10 см, места перехода в корпус — 8,6 см, корпуса (по ребру) — 13,5 см, лунки — 1,3 см. Толщина черепка — 0,3 см (табл. XLVI; XLVIII; LIV₅).

11/43. Глиняная поилка (чайник?) с чернолощеной с коричневатым оттенком поверхностью. Внутренняя поверхность и черепок в изломе — серые. Черепок плотный, с примесью мелких белых частиц. Венчик широкий, отогнут. Горлышко низкое, расширяющееся в нижней части. Корпус в виде слегка сплюснутой сферы. Дно плоское. Плечико окаймлено одним рядом низких шишечек. На корпусе имеется овально-проемное ушко, почти круглого сечения в средней части и сплюснутое в виде усиков в местах крепления. С левой стороны от него под углом к корпусу приделан носик с заданным кверху концом и сквозным отверстием. Вокруг основания носика располагается один ряд низких шишечек. Сосуд реставрирован. Не хватает отдельных частей венчика, корпуса и край носика отбит. Высота — 13,2 см, горлышка — 2,8 см. Диаметр венчика — 9,4 см, горлышка верхний — 9,1 см, нижний — 9,9 см, корпуса — 15 см, дна — 5,2 см, носика (у основания) — 3 см, у конца — 1 см, отверстия носика — 0,4 см. Длина носика — 4,7 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. LIII₂).

11/44. Одноручный кувшинчик с чернолощеной внешней и серовато-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе двухцветный — темный и серый, плотный, с примесью мельчайших блестящих частиц. Переход от плечика к корпусу сосуда украшен двумя параллельными рядами невысоких плоских шишечек и расположеными между ними двумя параллельными неглубокими желобками. Сосуд реставрирован частично. Не хватает частей венчика, горлышка, ушка и корпуса. Дно отсутствует. Сохранившаяся высота — 8,4 см, горлышка — 3,4 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр венчика — 8,4 см, горлышка верхний — 7 см, нижний — 8 см, корпуса — 11,5 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XLVII; L; LI₄).

11/45. Крупный фрагмент верхней части одноручного кувшинчика с серовато-черной лощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью мелких белых частиц. Сохранившаяся высота — 6,1 см, горлышка — 3,8 см. Диаметр венчика — 9,7 см, горлышка верхний — 8,6 см, нижний — 9,5 см, корпуса — 12,5 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. LIII₅).

11/46. Крупный фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощеной внешней и серовато-коричневой гладкой внутренней поверхностью.

ми. Черепок в изломе темно-серый, плотный, с примесью мельчайших блестящих частиц. Горлышко в средней части слегка вздуто. Сохранившаяся высота — 5,2 см, горлышка — 3,4 см. Диаметр венчика — 9,4 см, горлышка верхний — 8,5 см, нижний — 9,2 см, ушка — 1 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. LII).

11/47. Фрагмент одноручной глиняной кружки с чернолощенной внешней и серовато-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темно-серый, плотный, с примесью мельчайших белых блестящих частиц. Горлышко в средней части слегка вздуто. На плечике имеется один неглубокий неровный желобок.. На средней части горлышка сохранился след от ушка. Сохранившаяся высота — 6 см, горлышка — 4,1 см. Диаметр венчика — 9,1 см, горлышка верхний — 8,2 см, нижний — 9,8 см, плечика — 9,3 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. LIII₆).

11/48. Небольшая чаша с чернолощенной внешней и темно-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью мелких белых частиц. Венчик широкий, отогнутый, под ним проходит едва заметный желобок, отделяющий его от слегка вздутого овального корпуса, вокруг верхней части которого проходят два параллельных ряда невысоких лепных шинечек. У сосуда отсутствует дно. Сохранившаяся высота — 7,5 см. Диаметр венчика — 9,5 см, шейки — 9 см, корпуса (наибольший) — 11,9 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. XLIX; LIV₂).

11/49. Фрагмент венчика и верхней части корпуса биконической кружки с чернолощенной внешней и темно-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, с примесью мельчайших белых и черных частиц. Диаметр венчика — 10,8 см, шейки — 9,6 см, сохранившегося корпуса — 12,6 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. XLVI; LI₂).

11/50. Крупный фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-коричневой лощенной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью мелких белых блестящих частиц. Высота горлышка — 38 см. Диаметр венчика — 8,9 см, горлышка верхний — 7,8 см, нижний — 8,6 см, ушка — 0,9 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. LII).

11/51. Фрагмент сосуда со слабо лощенной черной внешней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких белых блестящих частиц. Венчик широкий отогнутый. Плечико выделено уступом. На нем имеются две вертикальные резкие полоски. (Не исключено, что они появились в результате неаккуратной препаратации). Сохранившаяся высота — 5,2 см, горлышка — 3 см. Диаметр венчика — 13,1 см, горлышка — 11,8 см, плечика — 13 см. Толщина черепка — 0,9 см (табл. XIV).

11/52. Фрагмент одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе темно-коричневый, плотный, с примесью мелких белых частиц. Горлышко в средней части слегка вздуто. Выделено от плечика желобком. Вокруг плечика проходят еще два желобка. Сохранившаяся высота — 7 см, горлышка — 4,8 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр венчика — 10,6 см, горлышка верхний — 9,3 см, нижний — 10,8 см, плечика — 12,6 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. LI₅).

11/53. Фрагмент одноручного кувшинчика с серой (у венчика с коричневыми пятнами) лощенной внешней поверхностью. Черепок в

изломе темно-коричневый, плотный, с примесью белых блестящих частиц. Горлышко в средней части слегка вздуто. Сохранившаяся высота — 5,5 см, горлышка — 3,8 см. Ширина венчика — 0,8 см. Диаметр венчика — 10,4 см, горлышка верхний — 9,1 см, нижний — 10,6 см, ушка — 0,9 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. LII; LIII₄).

11/54. Фрагмент венчика и шейки одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-коричневой внутренней поверхностями. Черепок в изломе темный, плотный, с примесью белых блестящих частиц. Горлышко выделено от выступающего плечика легким желобком. Сохранившаяся высота — 4,8 см, горлышка — 2,5 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр — 10,4 см, горлышка верхний — 9 см, ушка — 1,3 см. Толщина черепка — 0,4 см.

11/55. Фрагмент венчика, шейки и плечика одноручного кувшинчика с чернолощенной внешней поверхностью. Внутренняя поверхность темно-коричневая. На ней имеются частые параллельные лощенные полоски. Сохранившаяся высота — 5,2 см, горлышка — 3,4 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр венчика — 10,6 см, горлышка — 9,9 см. Толщина черепка — 0,7 см.

11/56. Фрагмент венчика, горлышка и плечика глиняного сосуда с серой поверхностью и следами лощения на ней. Черепок в изломе темно-серый, плотный, с примесью мелких белых частиц. Венчик широкий, отогнутый, плечико выступает. На нем имеются два ряда парно расположенных лепных шишечек (сохранился верхний ряд и одна шишечка нижнего). Высота горлышка — 2,2 см, шишечек — 0,2 см. Диаметр венчика — 9,8 см; горлышка — 9 см; шишечек — 0,6 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. LII).

11/57. Фрагмент венчика и шейки одноручного (?) кувшинчика с серой со следами лощения внешней и светло-коричневой внутренней поверхностями. Черепок в изломе двухслойный — серый и коричневый, плотный, с примесью мелких белых частиц. Высота горлышка — 3 см. Диаметр венчика — 8,1 см, горлышка — 7,1 см. Толщина черепка — 0,5 см.

11/58. Фрагмент венчика, шейки и ушка кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-коричневой слегка полированной внутренней поверхностью. Черепок в изломе темно-коричневый, плотный, с примесью мелких белых частиц. Сохранившаяся высота горлышка — 4,1 см. Ширина венчика — 1 см. Диаметр венчика — 10 см. Толщина черепка — 0,6 см (табл. LII).

11/59. Фрагмент венчика, ушка и плечика кувшинчика с чернолощенной внешней и темно-коричневой слегка полированной внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный. Сохранившаяся высота — 4,7 см, горлышка — 3,1 см. Ширина венчика — 0,9 см. Диаметр венчика — 9 см. горлышка верхний — 7,9 см, нижний — 8,4 см, плечика — 9,7 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. LII).

11/60. Крупный фрагмент одноручного сосуда с чернолощенной внешней и слегка лощенной серовато-коричневой внутренней поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью мелких белых частиц. Венчик слегка отогнут, выделен от равномерновыпуклого и суживающегося книзу корпуса желобком. Под ними проходит два ряда параллельных низких налепных шишечек. В верхней части корпуса имеется фрагмент плоского ушка. Сохранившаяся высота — 7,2 см. Диаметр венчика — 9,5 см; шейки — 9 см, корпуса — 10 см. Ширина ушка — 2 см. Толщина черепка — 0,5 см (табл. XLIX; LIV₁).

11/61. Фрагмент венчика и горлышка одноручного (?) кувшинчика с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе темно-коричневый, плотный, с примесью белых мелких частиц. Диаметр венчика — 10,9 см, горлышка верхний — 10,5 см. Ширина венчика — 0,9 см. Толщина черепка — 0,4 см (табл. LIV₃).

11/62. Крупная двуушная глиняная корчага с чернолощенной внешней и розовой внутренней поверхностями. Черепок в изломе серовато-коричневый, чуть рыхлый, с примесью крупных белых частиц. Венчик широкий плоский, отогнутый. Плечи покатые, корпус одутловатый (деформированный) равномерно суживающийся к узкому плоскому дну. По обеим сторонам плечика имеются две фрагментированные лентовидные ручки. Между ними с обеих сторон корпуса расположено по два конических налепа и равностоящие от них (между ними) по одному плоскому круглому рельефному налепу. Сосуд реставрирован. Отсутствует дно, но реконструируется. Высота сосуда — 63,3 см, конусовидных налепов — 1,2 см, круглых — 0,8 см. Ширина венчика — 2,5 см, ушек — 2,7 см. Диаметр венчика — 34,9 см, корпуса — 59,1 см, дна (реставрированного) — 13 см, круглых налепов — 4,5 см, конусовидных — 4,1 см. Толщина черепка венчика — 2,4 см, корпуса — 1,4 см (табл. LV; LVIII).

11/63. Крупная двуушная корчага, с чернолощенной поверхностью. Черепок в изломе темновато-коричневый, рыхловатый, с примесью песка и белых частиц. Венчик широкий, отогнутый. Горло низкое, плечо выступает и по обеим его сторонам имеются следы крепления ленточных (?) ушек. Между ними с обеих сторон расположено по три равноотстоящих друг от друга высоких налепных полусферических шишек. Дно узкое и плоское. Высота сосуда — 49 см, горла — 4,2 см, шишек — 0,7 см. Ширина венчика — 1,8 см. Диаметр венчика — 29,2 см, горла — 26,1 см, корпуса — 54,4 см, дна — 20,2 см, шишек — 2,1 см. Толщина черепка — 1,1 см (табл. XVI; LIX).

11/64. Крупная одноушная корчага с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе серовато-коричневый, плотный, с примесью песка и белых частиц. Венчик широкий, отогнутый. Горло небольшое, плечо выступающее, корпус в верхней части округлый, в нижней — суживающийся в сторону плоского дна. На плече имеются фрагменты ленточного (?) ушка с усиками. Сосуд реставрирован. Деформированный. Высота — 57,6 см, горла — 6,4 см. Диаметр венчика — 24,8 см, горла — 18,5 см, корпуса — 59 и 53 см, дна — 17 см. Толщина черепка около 1,5 см (табл. XVII; LVIII).

11/65. Одноручная крупная корчага с чернолощенной внешней и серовато-коричневой внутренней поверхностями. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью белых частиц. Венчик отогнут, плоский, шейка высокая цилиндрическая. Плечо резко выступает. Корпус в верхней части овальный, в нижней — равномерно суживается в сторону плоского дна. На плече имеется овальноопроемная ленточная ручка с усиками в верхней части крепления. Сосуд деформированный, реставрирован. Высота — 51,2 см, горла — 5,8 см. Диаметр венчика — 20,3 см, горла верхний — 18,5 см, нижний — 19,5 см, корпуса — 51,3 см, дна — 14,9 см. Толщина черепка — 1 см, донной части — 0,8 см (табл. LIV; LIX).

11/66. Крупная двуушная корчага с чернолощенной внешней и коричневой внутренней поверхностями. Черепок в изломе темно-коричневый, рыхлый, с примесью белых мелких частиц. Венчик отогнут,

плоский. Горло высокое. Выступающее плечо переходит в корпус, который в верхней части имеет овальную форму, а в нижней — суживается в сторону плоского дна. На плече с двух сторон имеются фрагменты двух лентовидных (?) ушек, между ними проходит один ряд равномерно отстоящих друг от друга небольших шишечек: с одной стороны десять, с другой — одиннадцать (в этих местах не хватает частей стенки и их количество, вероятно, было большим). Сосуд деформирован. Реставрирован, но не хватает многих частей. Высота — 58,7 см; горла — 6,5 см; шишечек — 0,6 см. Ширина венчика — 3,3 см. Диаметр — 27,3 см; горла — 21 см; корпуса — 50 см; дна — 27 см; шишечек — 2 см. Толщина черепка — 1,2 см (табл. LVI; LX).

11/67. Крупная двуручная корчага с чернолощенной внешней поверхностью. Черепок в изломе серовато-коричневый, плотный, с примесью белых частиц. Венчик плоский, отогнутый. Шейка плавно переходит в равномерно выступающее плечо. Корпус округлый, суживающийся в сторону плоского дна. В верхней части корпуса имеются два лентовидных овально проемных ушка. С внешней стороны ушки имеют широкие желобки. На стенке между ушками имеется ряд налепных шишечек: с одной стороны восемь, с другой — двенадцать. Сосуд деформирован, реставрирован. Не хватает частей венчика, шейки, одного ушка, корпуса (в том числе и с шишечками) и дна. Высота — 60 см, шейки — 4,2 см. Ширина венчика — 2,5 см. Диаметр — 20 см; шейки — 18,6 см; корпуса — 5 см; дна — 16,8 см. Толщина черепка — 1 см. (табл. LVII; LX).

11/68. Разрозненные фрагменты одного сосуда с гладкой слегка полированной серовато-черной поверхностью. Черепок в изломе двухслойный — серый и коричневатый, грубый, с примесью песка и белых частиц. Венчик отогнутый, плавно переходящий посредством низкой шейки в одутловатый корпус, который резко суживается в нижней части. Дно плоское. К корпусу прикреплено небольшое ушко полусферической формы. Толщина черепка — 0,9 см.

11/69. Отпечаток части колеса на гипсе.

11/70. Отпечаток рогожи на гипсе (в цвете).

11/71. Отпечаток рогожи и петли шнура на гипсе.

11/72—82. Кости домашних животных: крупный рогатый скот, овца, коза. Количество особей не определено.

11/83. Шесть предметов из рога. Три из них распавшиеся, реставрированы частично. Три остальных реставрированы. Концы сработаны. Основания с внутренней стороны полые (искусственная выемка глубиной до 2 см). С внешней стороны вокруг основания — едва заметные кружки, у трех имеются по два небольших отверстия, расположенных друг против друга, у двух — по три и у одного — одно (табл. XLV).

11/84. Астрагалы (овечьи, козьи и один крупного рогатого животного) сточены с обеих сторон. 11 экземпляров (табл. XLII₂).

11/85. Мелкая галька различных форм. Один крупный камень. 226 экземпляров (табл. XLI₁).

11/86. Овечьи и козьи астрагалы (бабки). Левой ноги. 201 экземпляр (табл. XLII₂).

11/87. Овечьи и козьи астрагалы (бабки) со сквозными и начатыми отверстиями. 13 экземпляров (табл. LI₂).

11/88. Овечьи и козьи астрагалы. Правой ноги. 213 экземпляров.

11/89. Фрагменты крупного глиняного сосуда. Внешняя поверхность серая с красноватыми и коричневатыми пятнами, слегка залощена. Черепок в изломе серый, местами коричневый, плотный, с примесью песка и белых частиц. Венчик широкий, отогнут. Шейка высокая коническая. Место перехода в корпус окаймлено рельефным острым ребром. К ребру и корпусу прикреплены два ленточных ушка с широким желобком на каждом из них.

11/90. Дымчато-темный обсидиан.

11/91—2. Человеческие черепа (краниологические измерения см. в тексте).

В коллекции комплекса II кургана Алазанской долины, под различными, уже приведенными номерами, хранятся мелкие фрагменты различных глиняных сосудов, которые при реставрации не смогли быть использованы. Это в основном части тех сосудов, которые были сосредоточены на повозке. Среди них и фрагменты крупных.

КУРГАН III. Он располагался между курганами I и II, примерно в 300 м к северо-западу от первого. Это самый небольшой из всех курганов данной группы. Насыпь его, вероятно, подвергалась постоянно му внешнему воздействию и от нее сохранилась лишь незначительная часть. Высота — около одного метра. Диаметр насыпи почти 25 м. Местами она была покрыта панцирем, где лишь общая конфигурация расположения камней и отдельные их островки позволяли констатировать его наличие (табл. LXI).

В насыпи кургана было обнаружено три впускных погребения, относящихся к христианскому времени, вероятнее всего к тому же времени, что и сторожевые землянки кургана № 1. Но, судя по одному безынвентарному погребению, здесь были и более ранние. Этот вывод напрашивается из-за позы захороненного — на левом боку и со слегка скорченными ногами и согнутыми руками.

Под центральной частью курганной насыпи находилось основное погребение. Оно располагалось на глубине 2,8 м от погребенного гумуса и почти четырех метров от вершины. Размеры ямы были следующими: по верхнему краю — $2,4 \times 3,2$ м; по дну — $1,9 \times 2,7$ м (табл. LXI). Могила по всей вероятности в свое время была перекрыта деревянным настилом и на ней имелась каменная насыпь. Правда, следов перекрытия установить не удалось, но яма почти полностью была заполнена камнями.

Погребение оказалось разграбленным. Правда, вопрос о времени ограбления приходится оставить открытым, т. к. буквально на самом дне погребения было обнаружено захоронение безынвентарного покойника, лежавшего на правом боку со слегка скорченными ногами и согнутыми руками. То, что данное захоронение было впущено в яму позже, подтверждается тем фактом, что на глубине десяти см под ним находились еще два слоя камней, и вообще данное погребение было совершено в воронкообразной яме, освобожденной от камня. Поэтому вероятнее всего считать, что основное погребение было разграблено, как и первый курган, еще в древности. Хотя нельзя полностью исключить и позднее ограбление.

В самом погребении были найдены разрозненные кости человеческого скелета, обломки от четырех глиняных сосудов, один из которых представлен был крупными фрагментами, и половинка навершия булавы.

Судя по отмеченным черепкам сосудов, курган III относится к тому времени, что и первые два.

Материалы данного погребения следующие:

III/10⁷. Половина навершия булавы из белого известняка. Слегка сплюснутой грушевидной формы. Высота — 0,46 м. Диаметр — 0,05 м. Диаметр отверстия (двустороннего сверления) — 0,01 м, входные и 0,007 м в середине.

III/11. Фрагменту небольшой одноручной (2) кружки с чернолощенной поверхностью. Черепок в изломе серый, плотный, с примесью песчинок и мелких белых частиц. Толщина черепка — 0,5 см.

III/12. Фрагменты крупного сосуда с чернолощенной внешней и гладкой серой внутренней поверхностью. Черепок в изломе темно-серый, плотный, почти без примесей. Венчик отсутствует. Горлышко слегка отогнуто наружу.. Корпус выпуклый, сферический (?). На одном фрагменте имеется плоское лентовидное ушко. Под горлышком, вокруг плечика проходят шесть параллельных концентрических полос и к ним примыкают основанием ниспадающие вписанные треугольники, составленные, как и упомянутые концентрические линии, слегка вдавленными линиями, скорее «тисиенные», чем лощенные. Диаметр примерно 18 см, венчика — 9,7 см. Толщина черепка — 1,2 см.

III/13. Черепки чернолощенного сосуда с серым черепком, с неизначительной примесью мелких белых частиц. Толщина черепка — 0,5 см.

III/14. Фрагменту толстостенного сосуда с черно-серой лощенной поверхностью. Черепок в изломе серый, с примесью крупных частиц. Толщина черепка — 1,4 см.

КУРГАН IV. Как уже отмечалось, данный курган располагался в отрыве от первых трех. Его насыпь по своей конструкции не отличалась от предыдущих — земляная с каменным панцирем шириной до 10 метров. Высота ее равнялась 1,2 м. Диаметр — 40 м. На ней в недавнем прошлом располагалось гумно и поэтому вершина была выравнена. Затем здесь была выстроена сторожка, основания деревянных стояков которой мы находили на глубине до одного метра от вершины кургана.

Курган был полностью разграблен.

Здесь на различных уровнях встречались разновременно впускные погребения, располагавшиеся как по краю, так и в самой засыпи погребальной камеры. Размеры последней составляли 6,3 м × 5 м. Она ориентировалась продольной осью с юга на север. Глубина от погребенного гумуса 1,5 м (табл. LXIII). Причем, уже на глубине одного метра появились грунтовые воды, как обычно затруднившие работы на кургане.

Важной особенностью этого кургана является наличие в нем наклонного дромоса, длиной около 2,35 м (от края ямы). Он соединялся с южной стороной погребальной камеры, заканчиваясь на высоте около 0,65 м от уровня ее дна (табл. XXIII).

Здесь можно лишь констатировать, что подобная конструкция до настоящего времени не была известна в Кахети.

Кистаурская группа курганов (группа II). Она находилась в шести км к северо-западу от с. Кистаури в местечке Накаловари, на большой террасе, шириной до ста метров и длиной до 300. Од-

⁷ Предыдущие номера относятся к материалам из впускных погребений.

нако, курганы располагались компактно, примерно до 50 м друг от друга.

Все курганы имели невысокую каменную насыпь и были безъямыми. Они располагались на восточном склоне Гомборского хребта. Терасса, по всей вероятности, искусственная, однако ее происхождение должно быть приурочено ко времени до возникновения курганных погребений, ибо в противном случае они были бы смесены их устроителями. Хотя не исключено, при устройстве терассы они существовали, и так как они располагались в непосредственной близости от ее края, то ее устроители пренебрегли теми участками, где они находились. Так или иначе большая часть находилась у краев террасы.

Курган № 1 раскопан в 1970 г. Высота кургана равнялась 1,2 см у плоской вершины диаметром до 3 м. Общий диаметр насыпи слегка вытянутый 20×23 м. Насыпь — каменная, почти свободная от земли, но покрытая плотным дерновым слоем. Ее объем был равен 152 куб. м. Площадь, занимаемая курганной насыпью — 380 кв. м., а длина ее окружности равнялась почти семидесяти метрам.

Погребение под курганной насыпью было безъямым. Оно совершено на небольшой площадке, размером $2,1 \times 2,6$ м. Следов какого-либо сооружения не было обнаружено, однако состояние погребального инвентаря свидетельствует о его наличии в свое время.

Здесь были найдены фрагментированные человеческие кости, принадлежавшие трем индивидуумам. Позу и ориентировку установить не удалось.

Инвентарь, состоявший из глиняных сосудов, был настолько раздавлен, что удалось восстановить единственный сосуд (216—1/3). Он имеет серовато-коричневую поверхность. В черепке примеси песка и белых частиц. Венчик отогнут, горловина высокая, почти цилиндрическая, корпус сферический, дно плоское. Высота — 12 см, горла — 5,6 см; диаметр венчика — 6,7 см; горла — 5 см, корпуса — 7,2 см, дна — 3 см.

Курган № 2. не отличался по строению насыпи от предыдущего, уступая лишь несколько в высоте и диаметре насыпи. Размеры его были следующими: высота — 0,76 м, диаметр — 19,7 м. Площадь основания — 227 кв. м и объем насыпи — 160 куб. м. Насыпь была составлена из булыжника, аналогичного первому кургану. В центральной части находилась небольшая площадка размером $2,2 \times 2,4$ м, на которой были сосредоточены раздавленные и разбитые на мелкие кусочки глиняные сосуды, и почти полностью истлевшие части человеческого скелета. К сожалению, и в этом случае, как во всех остальных, позу погребенных установить не удалось. Сосуды были настолько повреждены, что практически их не удалось реставрировать даже графически. И в этом случае погребальная площадка, вероятно, была каким-то образом защищена от насыпи, но, судя по некоторой разбросанности отдельных фрагментов керамики, высота перекрытия была сравнительно большой. Исходя из наличия следов двух нижних челюстей, можно говорить, что здесь было захоронено не менее, если не более, двух человек.

Здесь были найдены фрагменты двух сосудов — одной миски и верхняя часть сосуда (№№ 216-II/3 и II/4), аналогичного сосуду из первого кургана.

Кроме этого, в погребении найдена гагатовая и известняковые бусины (216-II/2 и 7), а также костяное колечко (216-II/5).

В насыпи данного кургана имелось два впускных погребения эпохи поздней бронзы.

Но заслуживает внимания факт совместного нахождения в насыпи бронзового наконечника копья с фрагментом чернолощенного сосуда на розовой подкладке. По всей вероятности, оба относятся к эпохе средней бронзы. А если вспомнить, что на территории Кахети наконечники копий этого времени до сих пор не были известны, то понятно значение данного предмета. Здесь, кстати будет отметить, что наконечники копий и предшествующей эпохи до последнего времени не были известны. И лишь недавно в ущелье р. Илто случайно найден черенковый наконечник копья в загнутым концом.

Курган № 3. Размеры — диаметр — 9 м, высота — 0,8 м. Площадь основания — 84 м, длина окружности — 42 м, объем — 40 куб. м. Безъямный. Обнаружен лишь один глиняный сосуд.

Курган № 4. Насыпь каменная, разрушенная. Диаметр — 12 м, высота — 0,9 м. Длина окружности — 52 м. Площадь 112 кв. м. Объем — 80 куб. м. Обнаружено несколько обломков глиняной посуды красного обжига.

Курган № 5. Не раскопан. Насыпь каменная. Диаметр — 25 м. Высота — 1,1 м.

Погребение у с. Хирса⁷. Данное погребение было обнаружено в 1962 г. во время исследования гончарной мастерской первой половины I тысячелетия до н. э. По предположению К. Н. Пицхелаури оно является курганным погребением. Поводом для такого заключения ему послужило не наличие курганной насыпи на поверхности, а заполнение погребальной ямы крупными булыжниками.

Прямоугольная могильная яма имела следующие размеры: глубина от сегодняшней поверхности — 1,7 м, отсюда 0,5 м приходилось на гумусный слой. Исходя из этого можно считать, что начальная глубина могильной ямы не превышала 1,2 м, длина стен равнялась $1,3 \times 1,1$ м. Стенки могильной ямы были облицованы булыжником средних размеров (путем сухой кладки). Дно погребения было замощено более мелким камнем и плотно утрамбовано. Северная стена была так разрушена экскаватором, что от нее остался лишь нижний ряд кладки, южная — разрушена полностью. Две остальные сохранились почти во всю высоту.

Между камнями, заполнившими погребение, были найдены фрагменты ладьевидной зернотерки и сероглиняной бады. Человеческий костяк располагался вдоль осевой части погребения почти во всю его длину. Он лежал на правом боку слегка скорченный, ориентируясь головой на северо-запад. У его колен, упираясь рогами в восточную стенку, лежал череп крупного рогатого животного, у которого отсутствовала нижняя челюсть. Точно такой же череп с отсутствующей нижней челюстью располагался в головах погребенного. Во лбу у первого черепа имелось круглое отверстие с рваными краями. Кроме того, у ноги покойника был найден черешковый наконечник стрелы из кремния. В северо-восточном углу находились два сосуда и чуть в стороне от них череп овцы.

Нами уже было отмечено, что по мнению К. Н. Пицхелаури, данное погребение было курганным, насыпь которого не сохранилась. Ко-

⁸ Описание погребения дается по дневникам и в монографии К. Н. Пицхелаури (20, с. 32—36).

нечно, не исключено, что это предположение соответствует действительности, хотя нам кажется, что здесь мы имеем дело с другим видом погребения, а именно с распространенной в Куро-аракской культуре формой погребения — склепом. Такие склепы известны из Амиранис гора (26, стр. 28), Кикетского могильника, погребения у с. Тамариси (106, стр. 16, 24, 28), погребения из Ардасубани (139, с. 45), на могильнике Самшвилде (103, с. 28; 55, с. 20). За пределами Грузии такие погребения встречены на территории Дагестана на Гинчинском могильнике (54, с. 61; 160, с. 75). Дело в том, что конструкция хирского погребения очень напоминает указанное. Исключение составляет отсутствие в нашем случае «входа», который имеется у всех остальных. Однако, мы помним из описания, что одна из стен (южная) хирского погребения вообще не дошла до нас, поэтому можно предположить, что именно там и был «вход». Примечательно, что в вышеназванных погребениях вход, как правило, располагался именно в южной стене.

В отличие от указанных погребений, у которых перекрытием служили большие каменные плиты, хирское погребение, по всей вероятности, имело деревянное перекрытие, покрытое небольшой каменной насыпью. Очевидно, вследствие ее обрушения могильная яма заполнилась камнями. Надо отметить, что для хирского погребения характерен еще один элемент вышеназванных погребений. Мы имеем в виду мощение дна. Мощеное погребение известно среди погребений рассматриваемой культуры. Такие погребения зарегистрированы в погребении № 13 на Амиранис гора (26, с. 34), в нескольких погребениях Кикетского могильника (33, с. 48), мощеное дно обнаружено в погребении № 3 Квацхелебского могильника (25 с. 25), в погребениях Самшвилдского могильника (55, с. 19) и др. Здесь надо отметить, что среди перечисленных погребений некоторые являются грунтовыми. А Т. Н. Чубинишвили на основе анализа могильника поселения Амиранис гора приходит к выводу о том, что погребения указанного типа являются одними из наиболее ранних в Куро-аракской культуре (26, с. 29).

Обратимся теперь непосредственно к инвентарю погребения. Наконечник стрелы, обнаруженный в этом погребении, находит большое количество аналогий на памятниках этой культуры. Черешковые наконечники стрел встречены в Кулбакети (32, с. 93), Квацхелеби (25, табл. XXXII₁₀), Баба-дервише (72, рис. 3, 9) и др. Вообще черешковые наконечники стрел бытуют с ранних этапов Куро-аракской культуры и лишь в конце ее почти полностью сменяются стрелами с выемчатым основанием. Но появление последних прослеживается, хотя и не в таком количестве, и на ранних ступенях. Примечательно, что на поселении Сержень — юрт в Чечено-Ингушетии встречены стрелы с округлой выемкой у основания (161, рис. 12₂). Наряду со сказанным следует обратить внимание на то, что черешковые наконечники стрел, как правило, (но не без исключения), изготовлены из кремния, тогда как наконечники с выемчатым основанием — из обсидиана. Вообще на развитом этапе обращает на себя внимание использование обсидиана для изготовления стрел, а кремня большую частью для орудий другого рода.

Первый сосуд, обнаруженный в погребении, представляет собой бадью. Она имеет две небольшие круглопроемные ручки, прикрепленные к краям слегка отогнутого венчика и плечику сосуда. Невысокая шейка слегка изогнута и плавно переходит в плечико, а далее так же

плавно к едва вогнутому донышку. Сосуд изготовлен из комковатой глины без значительного количества примесей. Поверхность у него светло-серого обжига и хорошо залощена. Размеры его таковы: высота — 9 см, диаметр устья — 15 см, диаметр дна — 6 см.

Второй сосуд представляет собой двуушный горшок с аналогичными предыдущему сосуду свойствами черепка, обжига и обработки поверхности. Его высота равна 24 см, диаметр устья — 15 см, диаметр плоского дна — 3 см.

Бадьи — довольно распространенная форма сосудов в Куро-Аракской культуре. Нельзя не отметить, что в хирские бадьи (включая обломок, найденный в каменном завале), находят свои аналогии в первую очередь среди материалов кикетского могильника (33, с. 117; рис. 126 а). Прямые соответствия можно усмотреть в сосуде из Ташбашского погребения в каменном ящике. Определенное сходство можно найти между нашими бадьями и бадьями из I и III курганов Тквиави. Чертты сходства можно проследить и на памятниках Восточной Анатолии (108, рис. 108, 112) и с бадьями из слоя К поселения Гейтепе (105, рис. 8, 10, табл. III, IV, VII). Вообще обе рассматриваемые бадьи по своим типологическим данным соответствуют тем сосудам, которые О. М. Джапаридзе (32, хронологическая таблица), а вслед за ним Г. Г. Пхакадзе, помещают в раннюю группу рассматриваемой культуры (33, табл. XVI).

Второй сосуд из рассматриваемого погребения также примыкает к керамике ранних памятников, однако в отличие от этой керамики (напр. из погребения № 6 кикетского могильника) ушки у него крепятся к венчику и плечику, тогда как у нее — к шейке. Более соответствуют нашему экземпляру сосуды слоя C₁ Квацхелеби (25, табл. IV).

Таким образом погребение Хирса можно отнести к характерному для Куро-аракской культуры погребению — склепам. Причем следует отметить, что по своей конструкции оно больше всего сближается с такими погребениями из Амиранис гора, но в отличие от них имеет очевидно деревянное перекрытие.

В заключение необходимо отметить, что нахождение в насыпи погребения фрагмента ладьевидной зернотерки позволяет предполагать близость поселения, синхронность с которым подтверждается наличием фрагмента вышеописанной бадьи. Однако следов поселения, к сожалению, обнаружить пока не удалось, т. к. вся близлежащая территория занята виноградниками Хирского совхоза.

Курганская группа Машнаари (группа IV). И курган был обнаружен в двух км. к северу от селения на Алазанской долине в местечке, именуемом Набагреби. Здесь в 1959 году К. Н. Пицхелаури доследовал курган, разрушенный местными жителями, которые использовали камни насыпи для строительства. По свидетельству местных жителей высота насыпи до разрушения не превышала 0,5 м. Диаметр достигал 5-ти м. По словам местного жителя, разрушившего курганный насыпь, вокруг нее кольцеобразно были положены булыжники больших размеров, а на поверхности имелось воронкообразное углубление. Именно под этим местом были обнаружены кости примерно 10-ти скелетов и фрагменты разбитых глиняных сосудов. Осмотр, проведенный на месте К. Н. Пицхелаури, показал, что захоронение было безъямым. Наличие воронкообразного углубления на кургане следует объяснить, очевидно, тем, что все же имелось какое-то сооружение, куда поме-

щались погребенные. Вероятнее всего погребение здесь устраивалось уложенными непосредственно на дневную поверхность того времени так же, как и в кургане Меле-геле, где между насыпью и костяками, имелось небольшое пространство земли.

Материалы, подобранные на месте данного погребения, состояли из фрагментов керамики. Все сосуды без исключения изготовлены вручную, из комковатой глины с незначительными примесями в черепке, который имеет светло-серую или розовато-желтую поверхность с темными пятнами. Последняя хорошо залощена. Черепок в основном слоистый. Здесь были обнаружены черепки от 7-ми сосудов. Из них четыре представлены верхней частью, а три — нижней частью сосудов.

Среди имеющихся здесь образцов — два сосуда одинакового характера. Разница между ними заключается в том, что у одного на противоположных сторонах плоского плечика имеются два небольших выступа. Оба сосуда имеют слегка отогнутый венчик (диаметр в среднем — 10 см), слегка изогнутую сравнительно высокую шейку с нерезким переходом в корпус. Не исключено, что представленные среди образцов нижние части сосудов могли принадлежать вышеописанным. Они представляют собой сосуды со слегка выпуклым корпусом и сравнительно большим (средний диаметр — 6 см) плоским дном.

Помимо указанных в данном комплексе имеется фрагмент глубокой чашки, диаметр устья которой равен 15 см. Она имеет слегка округлую форму с некоторой скошенностью краев вовнутрь.

Последний образец керамики является верхней частью сосуда, которая могла принадлежать сосуду цилиндрической формы или быть частью сосуда с высокой цилиндрической горловиной, столь характерной для памятников Куро-аракской культуры.

КУРГАН II. В 1964 г. было решено исследовать курган, обнаруженный К. Н. Пицхелаури к северу от первого. Но к этому времени и второй курган оказался разрушенным. Причем, разрушенным настолько, что от насыпи осталось незначительное количество камней, и не было встречено почти никаких следов погребального инвентаря. Кое-где встречались обломки человеческих костей и небольшое количество фрагментов керамики. На месте кургана проходила довольно глубокая (чуть более 1 м) неширокая дренажная канава. Тщательное исследование показало, что здесь также не было погребальной камеры, и захоронение совершилось непосредственно под насыпью. В данном случае нас привлекает не столько сам обряд погребения, который, судя по всему, аналогичен предыдущему, а обнаруженные здесь фрагменты керамики. К сожалению, они представлены такими обломками, за одним исключением, нет никакой возможности судить о форме посуды. Единственный фрагмент, дающий поверхностное представление о форме, принадлежит венчику, довольно характерному для Куро-аракской культуры. Все, без исключения фрагменты керамики, как уже отмечалось в предыдущих параграфах, своими техническими данными повторяют описанную керамику из Сиони, Греми и Земо Бодбе (8, с 46). Та же характерная мягкость черепка, тот же обжиг и такое же количество примесей в тесте. Словом, полная идентичность с керамикой названных памятников. Ниже мы подробно остановимся на этих материалах, а пока отметим, что курган II можно считать несколько более ранним, чем курган I.

II. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ АЛАЗАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Рассмотренные памятники Алазанской долины не составляют, за редким исключением, необычного явления в ареалах археологических культур исследуемого времени. Их изучение тесно связано с общими кавказоведческими и более широкими проблемами, многообразие которых в настоящей работе невозможно охватить. Поэтому я намеренно ограничиваю круг вопросов и касаюсь лишь наиболее важных, возникающих на основе фактического материала рассматриваемого региона.

Обратимся к хронологической последовательности алазанских памятников.

В свое время мы имели возможность говорить о том, что памятники типа приведенного в настоящей работе курганов Машнаари II, относятся ко второй половине IV тысячелетия до н. э. (14, с. 15), что подтверждается и новейшими данными, раскопками в Дигоши, Грмачевистави (15, с. 20—23) и др.

Далее следуют памятники типа Машнаари I, Хирса, Мелигеле (14, 15) и примыкающие к ним курганы Кистаурской группы — рубеж — IV—III или начало III тысячелетий до н. э.

Датировать курганы Сакобиано можно лишь в традиционных рамках эпохи средней бронзы, т. е. первой половиной II тысячелетия до н. э.

Период бытования цнорской группы был определен нами еще до получения результатов полураспада углерода (16, с. 19), который, как было сказано, дает абсолютную дату в пределах 2170 ± 50 и 2155 ± 50 ⁹⁰ до н. э.

Исходя из вышеуказанного и учитывая данные других памятников Кахети, мы можем определить и культурную атрибуцию рассмотренных памятников. Это в общих чертах Куро-аракская и триалетская археологические культуры. Не вдаваясь в подробное рассмотрение дискутируемого вопроса о понятии «археологическая культура», укажем, что руководствуемся в общих чертах формулировкой В. М. Массона (17, с. 27—34).

Однако, по порядку. Определяя хронологическое место Машнаари и Кистаури, мы невольно затрагиваем вопрос о периоде (но не о причинах) возникновения данного способа захоронения.

До последнего времени было принято мнение, что они появляются в начале эпохи ранней бронзы, а именно, в первой четверти III тысячелетия до н. э., и при этом основанием служили комплексы тквиавских курганов (18). Однако в последнее время появилось иное мне-

ние. Г. Ф. Гобеджишвили в своей последней работе высказывается за омоложение этого комплекса, на основании имевшегося в нем предмета из оловянной бронзы (19)¹. З. Г. Шатберашили более обоснованно высказал мнение об омоложении тквиавских курганов на основании типологического сопоставления с другими памятниками (20).

Обратимся к другим районам Кахети. В 1964 году нами был раскопан уже упомянутый безъямный курган Мелигеле (21, стр. 190—193), который по своей конструкции, обряду захоронения в целом и, что главное, по материалу — керамике, равно, как и исследованный нами в 1976 году курган № 2 местечка Диисереби, подтверждают эту датировку.

Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что появление курганных погребений на территории Кахети, органически входящей в восточную Грузию, следует приурочить к рубежу IV—III тысячелетий до н. э.

В настоящее время невозможно останавливаться на рассмотрении причин возникновения данного способа захоронения, так как односторонность фактов, предоставляемых курганами, не может быть исчерпывающей для решения этого далеко неоднозначного вопроса. Оно станет возможным лишь при наличии всех данных, требуемых для системного подхода к вопросу.

В настоящее время ясно одно, что появление курганных захоронений практически связано с куро-аракской культурой, которая, кстати, на ранней ступени относится к энеолиту (22, с. 19), и лишь на развитой стадии к эпохе ранней бронзы.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о культурной атрибуции памятников типа цнорской группы.

Мы уже отмечали, что многочисленность памятников этого порядка в Кахети (как на Алазанской долине), так и в бассейне р. Иори, равно как в Квемо (нижняя) Картли (Бедени), позволяют нам предложить именовать этот хронологический (да и не столько хронологический, а культурный) этап эпохи ранней бронзы алазано-беденским. В данном случае мы исходим из следующих соображений: первые известия (не считая погребения Ховле — см. 23) о памятниках данного типа стали известны в результате раскопок Бедени (24, стр. 19—21), и поэтому сохранение его в наименовании вполне закономерно. Но двухчленность наименования диктуется тем, что цнорская группа, в частности, курганы I и 2, как мы увидим ниже, являются царским погребением, определяющим (как, например, Майкопский и Новободненские курганы) в определенной степени лицо археологической культуры. И, наконец, такое наименование более конкретно очерчивает ареал этих памятников. Именно эти соображения диктуют подобное наименование.

Обратимся теперь к данным, которые позволяют нам в определенной степени решать или поставить проблемы, возникающие при анализе алазанских материалов. Для большей наглядности рассмотрим отдельные черты материальной культуры, исходя из традиционного порядка металл-кость-керамика, и т. д., а затем обратимся к вопросам

¹ Хотя проверка паспортов анализов Тквиавских металлических изделий, хранившихся в лаборатории Государственного музея Грузии им. С. Джанаша, показала, что здесь вообще не имелось такого сплава.

погребального обряда, социально-экономического уровня развития общества и т. п.

Несколько слов о типологических соответствиях бронзовых предметов цнерских комплексов.

Как выяснил еще во время раскопок Бедени Г. Ф. Гобеджишивили, предметы с плоской дисковидной головкой и коротким стержнем служили декоративными шпоньками на повозках этого времени. Прямые аналогии им существуют лишь в круге алазано-беденских памятников и встречаются в последующую эпоху — эпоху средней бронзы в виде т. н. булавок с дисковидной головкой. Отличие первых от вторых заключается в том, что в отличие от наших среднебронзовые, безусловно, имели функцию булавок.

Кинжалы-ножи или просто обоюдоострые ножи (до выяснения их функции трудно квалифицировать их наименование) довольно широко распространены в эпоху ранней бронзы на территории всего Кавказа и поэтому не нуждаются в привлечении круга аналогий. Лишь отметим, что хронологический диапазон их бытования заключен в рамки второй половины III тысячелетия до н. э.

Все металлические предметы Кахети были повергнуты количественно-спектральному анализу (см. таблицу на с. 161 полностью).

Как видно из таблицы количественноспектрального анализа, представленные на Алазанской долине металлические изделия эпохи ранней бронзы, равно как и средней, изготовлены из мышьяковистого сплава. Обращает на себя внимание сравнительно высокое содержание никеля в некоторых образцах (№№ анализов—736, 743, 737, 735).

На общем фоне бронзовых изделий III — первой половины II тысячелетий до н. э. представленные образцы выглядят из того круга памятников, которые могли пользоваться общими рудными источниками, о чем может свидетельствовать наличие следов золота. А к таким относятся курганы Триалети и другие памятники Квемо Картли. А памятники Шида Картли, Сачхерского круга характеризуются его (золота) отсутствием и поэтому можно говорить уже, по крайней мере, в III тысячелетии о наличии двух металлургических баз в ареале раннебронзовой культуры, что и было ранее отмечено исследователями (25, табл. VII).

Характерно, что следов рудного золота практически нет и в предметах Анатолии. Остановимся вообще на их характеристике.

Недавно в печати появилась работа Рузи Есин, где впервые в специальной литературе приводятся анализы 371-го предмета из памятников центральной и восточной Анатолии (32). Анализируя ее данные можно прийти к следующему заключению: на протяжении всего третьего тысячелетия в Анатолии бытовала классическая бронза. Но если в первой половине этого тысячелетия практиковалась руда с низким содержанием никеля, то во второй половине — высоконикелевая. Наряду с этим, обращает внимание, что предметы из оловянной бронзы сосредоточены в центральной Анатолии и бытуют на протяжении указанного тысячелетия. А в восточной части эта бронза появляется лишь во второй половине. Отсюда можно прийти к выводу, что оловянная бронза проникает в Закавказье под влиянием означенных областей.

Мы не станем останавливаться на медно-мышьяковистых сплавах, которым посвящены многочисленные статьи и даже монографии (25; 26; 27; 28), отметим лишь, что в последнее время специалисты как

Таблица количественно-спектрального анализа²

No katalogu zash. з.	Наименование предмета	Fe	Mn	Ni	Co	Tj	Cr	Cu	Pb	Ag	Sb	As	Zn	Sn	Au
		шах. з.													
301—736	Кинжалный клинок	0.01	—	0.15	сл.	—	—	оч. мн.	1.1	0.05	0.08	4.2	—	0.6	+
226—11—799	Наконечник копья	0.3	—	0.04	сл.	—	сл.	оч. мн.	1.25	0.3	0.2	1.6	0.4	13.2	+
230—743	Копье (перо)	0.15	0.0	0.3	—	сл.	—	оч. мн.	2.3	0.7	—	1.2	0.1	сл.	+
230—744	Копье (стержень)	0.02	—	0.3	—	сл.	—	оч. мн.	2.2	0.5	0.1	1.5	0.1	сл.	+
221—1—107—737	Нож-кинжал	—	—	0.12	—	—	сл.	оч. мн.	6.8	сл.	—	2.3	—	14.6	+
221—1—110—739	Неизвестный предмет (светлая часть)	—	0.01	0.02	—	—	—	оч. мн.	—	0.2	—	1.4	—	15.2	—
221—1—19—792	Неизвестный предмет (темная часть)	—	0.02	сл.	—	—	—	есть	0.15	оч. мн.	—	—	—	сл.	++
793	Неизвестный предмет (темная часть)	—	0.001	—	—	—	—	есть	0.2	оч. мн.	—	—	—	—	++
221—11—24—735	Шпилька с дисковидной головкой	—	0.01	0.3	—	—	—	оч. мн.	—	сл.	—	1.2	—	0.01	—

²Все анализы выполнены М. И. Сараджишвили в химико-реставрационной лаборатории Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа

будто приходят к заключению, что присутствие мышьяка в сплаве выше 0,3 процента должно быть интерпретировано, как искусственная присадка (29, с. 8). Наряду с этим мы не можем не остановиться на работе Ц. Абесадзе, в которой впервые в специальной литературе сведены все доступные металлические предметы Куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы (25). Здесь обращает внимание, что автор вообще ставит под сомнение присутствие мышьяка в виде компонента искусственной лигировки. По ее мнению остается неясным факт использования в Закавказье олова при наличии многочисленных рудоуправлений мышьяка. Известно, что практически мышьяковистая бронза не уступает по своим техническим качествам (ковка, литье) оловянной. С другой стороны, упорный геологический поиск олова на территории Кавказа пока еще не дал положительного результата. По мнению большинства, геологическая структура Кавказа не обладает теми свойствами, которые способствовали возможности его появления. Но разрозненные и отрывочные сведения о наличии олова на Закавказье все же имеются. Как, еще в 1935 году А. А. Иессен в своей классической работе по металлургии Кавказа, отмечал ее существование, хотя не приводил конкретных данных (30). О. Гамбашидзе в работе, посвященной анализу тхмурского клада, указывает на наличие в горах верхней Рачи и Сванетии небольших оловянистых рудоуправлений (31, с. 8, 9).

Независимо от того, верно ли мнение Ц. Абесадзе, мы можем говорить о безусловно преобладающем использовании олова, начиная с первой половины второго тысячелетия до н. э. (но не во всех регионах). Но вопрос об игнорировании мышьяка, как легированного компонента в настоящее время остается открытым.

Обратимся к нашим материалам. Особого внимания заслуживают два ножа-кинжала из I кургана цнорской группы (№№ анализов — 737, 739). Здесь в первую очередь бросается в глаза высокое содержание олова. В первом 14,6 и во втором — 15,2. Даже при учете повышения его содержания за счет коррозии процентность не может быть ниже 10. А это, как известно, является бесспорным признаком существования в практике классической — оловянной — бронзы. Однако, полученная путем радиоуглеродного метода дата рассматриваемого кургана 2170 ± 50 до н. э. на первый взгляд может вызвать недоумение, ибо по общепринятыму мнению оловянная бронза в Закавказье появляется не ранее начала II тысячелетия до н. э. Приведенные в работе А. Геворкяна три образца, отнесенные к раннебронзовой эпохе, вызывают сомнения ввиду их внекомплексной находки (29, с. 16). Однако, в настоящее время мы уже можем относиться к его мнению о появлении оловянной бронзы в Закавказье с большим доверием.

Если в обоих наших образцах мы видим присутствие мышьяка (2, 3 и 1,4%), то в первом имеется безусловно искусственная присадка свинца — 6,8. Таким образом, первый кинжал представляет собой двухкомпонентный — оловянно-мышьяковистый, а второй трехкомпонентный — оловянно-свинцово-мышьяковистый сплав. При этом двухкомпонентный предмет содержит 0,02 никеля, 0,22 серебра, при отсутствии следов золота, а трехкомпонентный соответственно — 0,12 след серебра, золота, а также хрома. В отношении хрома следует отметить, что из двух десятков анализов предметов эпох ранней и сред-

ней бронзы Кахети лишь три имеют следы хрома, а один — небольшие. При этом два предмета относятся к эпохе средней бронзы.

Многокомпонентные сплавы были широко распространены в III тысячелетии до н. э. на анатолийских памятниках. Так, на Кюльтепе имеется 40 предметов из мышьяковистой бронзы, 9 оловянной, 29 со сложной легатурой — оловянно-мышьяковистой; на Алишаре из 108 предметов 75 мышьяковистых; на Аладжа-Хююк из 55 — 24 мышьяковистых, 12 оловянных и десять оловянно-мышьяковистых. Аналогичная картина прослеживается и в восточной Анатолии. Причем, в Каразе отсутствует оловянная легировка.

Специалисты считают, что при двухкомпонентном сплаве (мышьяк+свинец) металл становится тугоплавким и с трудом поддается обработке (1, с. 56). Поэтому из этого сплава изготавливались такие предметы, которые после литья не требовали дальнейшей обработки. Характерно, что такой двухкомпонентный сплав на территории Закавказья известен лишь в эпоху поздней бронзы² (с. 55). Наряду с этим следует отметить, что двухкомпонентный сплав, состоящий из мышьяка и свинца, известен в Армении в эпоху средней бронзы, где имеется три таких предмета (29, с. 10), а на территории Анатолии, исходя из данных У. Ессин, такие сплавы не встречаются.

К редким предметам рассматриваемого сплава можно отнести и штыковидное копье (анализ 743, 744), где мы видим сочетание свинца (2,3%) и мышьяка (в среднем — 1,3%).

Как и отмечают многие специалисты, свинец часто встречается во всех сульфидных рудах, в том числе и медных гидротермического происхождения (33), и легко переходит в выплавленный металл. Однако они же не отрицают, что присутствие свинца, начиная с 0,6% может быть искусственной присадкой. Тем более, что в Закавказье уже в первой половине третьего тысячелетия до н. э. встречаются предметы из чистого свинца. Это Амиранис гора⁴, Кистрик⁵, слой нахичеванского Кюль-тепе⁶ и Гарни.

Среди приведенных нами предметов эпохи средней бронзы (анализ 736 — кинжалный клинок из Сакобиано и анализ 789 — наконечник копья из второго накаловарского кургана) мы встречаем в первом опять мышьяковисто-свинцовый сплав, при наличии 0,6% олова. В данном случае трудно говорить, является ли олово естественной или искусственной примесью, но во всех случаях данный сплав можно считать двухкомпонентным, так как столь низкое содержание олова практически не влияет на литейные и другие свойства металла. В данном случае не лишне отметить, что в бронзовых предметах из Метехи и Квасатали наличие свинца колеблется от 0,8 до 4% и металлурги принимают их искусственным лигирующим компонентом.

Здесь мы вплотную подходим к разбору трехкомпонентных сплавов. Предварительно следует отметить, что на территории Армении аналогичные сплавы не встречаются. Их появление приурочивается к эпохе средней бронзы и до настоящего времени таких предметов всего два — из Кироваканского и Хаченагетского курганов (29, с. 12).

На территории Анатолии имеется лишь один памятник — Караз, где имеется один предмет из указанного сплава. Думается, что из огромного количества анализов металлических находок Анатолии (где, как указывалось, их 371 экземпляр) присутствие лишь одного такого предмета и с памятника наиболее близкого не только территориально, но и по времени, должно указывать на период появления подобного

сплава именно в ареале куро-аракской культуры на заключительных ступенях ее существования.

На территории Грузии аналогичные сплавы встречаются лишь на памятниках эпохи средней бронзы, а точнее Метехи и Квасатали. Следует отметить, что по мнению А. Абесадзе (33, с. 18), А. Геворкяна (29, с.) и ранее высказанному О. Джапаридзе (34, с. 5) на территории Грузии и Армении на протяжении эпох ранней и средней бронзы существовало несколько металлургических очагов. Как отмечает А. Геворкян, проведенное им сравнение армянских и грузинских материалов показало, что материалы южной Грузии и Армении по своему химическому составу очень близки между собой, тогда как химическая характеристика сачхерского комплекса отличается от них и с ним со-поставим материал терской группы Северо-кавказской культуры (29, с. 21).

Мы уже отмечали, что присутствие свинца в сплаве с мышьяком имеет определенное отрицательное свойство. Аналогичное свойство сплав приобретает и в оловянной бронзе. Как отмечают А. И. Шпагин и Г. М. Калистратова, оловянная бронза под влиянием свинца значительно теряет свои механические свойства, но, наряду с этим резко повышаются плотность и способность сплава к резной обработке (35, с. 77). Интересно отметить, что те же авторы отмечают, что в случае двухкомпонентного сплава свинец-мышьяк, когда содержание последнего не менее 5%, он обладает теми же свойствами, что и оловянная бронза, так как мышьяк с медью создают прочный сплав, а свинцовая фаза протекает отдельно, ибо они не могут давать прочного сплава (свинец и медь).

Привнесение свинца в оловянную бронзу имеет как позитивную, так и негативную сторону. Лучшую роль играет внесение свинца в мышьяковистую бронзу.

Таким образом, материалы алазанских курганов, если их рассматривать в эпохальной последовательности, дают возможность констатировать следующее.

1. В эпоху ранней бронзы, в частности заключительной ее стадии, здесь бытуют практически разнообразные сплавы — преобладают медно-мышьяковистые, но еще не как постоянный компонент культуры встречаются сплавы с более сложной легатурой. Очевидно, не лишено основания, если мы выскажемся в пользу местного происхождения сплавов с применением свинца, но появление оловянной бронзы, в след за другими исследователями, отнесем к анатолийскому влиянию.

2. Наличие в рассматриваемых предметах небольших следов рудного золота, которое практически не известно в настоящее время на территории определенных областей, как эпохи ранней, так и средней бронзы позволяет считать, что металлургия рассматриваемого края использовала местное сырье, так как по имеющимся сведениям медные руды с примесью золота имеются лишь на южном склоне Большого Кавказа, а точнее в районе Кварельских рудопроявлений.

3. Об использовании единого медно-рудного источника в указанной эпохе свидетельствует и наличие т. н. высоконикелистых сплавов (анализы 736, 789, 744, 743, 737 и 735), т. е. лишь один предмет (анализ 739) отличается сравнительно низким содержанием никеля — 0,02% (для установления относительного содержания никеля, мы

пользуемся схемой, выработанной Е. Н. Черных, при исследовании майкопских образцов (36, с. 6).

4. Сопоставление наших материалов с материалами смежных и более отдаленных областей эпохи ранней бронзы позволяет предполагать, что алазанская металлургия пользовалась общими источниками сырья с памятниками более поздней ступени, расположенных на территории Шида Картли.

5. Появление предметов, изготовленных из оловянного и многокомпонентного сплавов в конце третьего тысячелетия до н. э. на Алазанской долине можно с некоторой оглядкой приписать появлению на территории Закавказья новых этнических групп или, по крайней мере, проникновению идей. На это наталкивает хотя бы отсутствие в восточной группе Анатолийских памятников, входящих непосредственно в Куро-араксскую культуру предметов из оловянной бронзы практически до конца III тысячелетия до н. э. Известно, что предметом оживленной торговли малоазийских и переднеазиатских цивилизаций (судя по данным шумерской и ассирийской храмовых хозяйственных записей, а также данных клинописных табличек, где одним из основных предметов торговли указывается олово. Хотя новейшие языковедческие исследования, проведенные в Оксфордском университете под руководством А. Меллована, заставляют считаться с их мнением о том, что данный термин применялся не к олову, а к свинцу и что лишь позднее он переходит и на олово).

В настоящее время мы не можем говорить о точном источнике первого применения олова, но вероятнее всего предполагать, что этот очаг возник непосредственно там, где находились его месторождения. Думается, что несколько гипертрофированное представление о том, что древние металлурги пользовались рудами Пиренеев и Британских островов Индонезии. Нереальным кажется, что племена, населявшие Малую Азию, пускались в столь отдаленные края в поисках незнакомой им руды. То есть без знания свойств необходимого вещества исключена потребность в нем. Поэтому наиболее вероятным нам кажется, что существовали, в настоящее время утраченные, месторождения олова, которые широко были известны на Древнем Востоке.

Сложнее обстоит вопрос о ювелирном, точнее златокузническом деле в кругу алазано-беденских памятников.

Самый массовый материал — бусы биконической формы не являются чем-то неожиданным и хорошо известны в других синхронных памятниках. Но остальные — двухчастная булавка, катушковидные бусины, и, наконец, круглая скульптура льва не находят пока никаких аналогий и вынуждают нас, в настоящее время говорить об их уникальном стилистическом характере.

Взять хотя бы льва. У большинства он вызывает двоякое ощущение: с одной стороны, статичность, грузность и монументальность позы, вызванная в первую очередь прочной неподвижностью и устойчивостью конечностей, упорным, застывшим взглядом, и с другой, — явно сквозящая за внешней статичностью внутренняя динаминость и напряженность, приданная вполне реалистической передачей туловища — поджатостью живота и динамичностью меандровой передачи гривы.

Срез морды аналогичен срезу изображения льва на барабанчике из триалетского кургана (37, табл. XXII). Вообще облик этих львов в какой-то степени напоминает друг друга, но различная техника ис-

полисения и иные выразительные средства делают данное сопоставление не совсем убедительным.

Естественно, что в первую очередь находки из I циорского кургана хотелось бы сравнить с майкопским, которые как по времени, так и территориально могли бы послужить для выяснения культурной принадлежности наших находок. Однако, практически, между скульптурками и барельефами майкопского кургана и нашими нет ничего общего. Можно с уверенностью говорить, что майкопские (в массе) отличаются живой реалистичностью, старательно выписанными деталями всех звериных изображений, будь то львы с золотых пластинок, или золотые и серебряные фигурки быков (38, с. 3—10; 39, с. 212—222, рис. 33—39). Единственное, что можно сопоставить между собой, то это изогнутость хвоста как у львицы одного из серебряных сосудов (хотя у нашего отсутствует кисть на его конце) и гравированные кружки с точками в центре на барсах другого сосуда. Хотя это, вероятно, больше указывает на общность религиозных представлений. Этим и заканчивается отдаленное сходство между указанными памятниками и они вряд ли в настоящее время могут иметь какое-либо значение. Но одно можно говорить с некоторой достоверностью, что если майкопские изделия с определенным основанием сравниваются и с месопотамскими образцами, то наши явно не сопоставимы с ними и дело будущего найти истоки алазано-беденской пластики вне ее ареала или на месте. Единственное, о чем в настоящее время можно говорить с уверенностью, это то, что техника художественного литья, известная в более раннее время в областях развитых цивилизаций, вероятно, была заимствована оттуда (хотя трудно сказать, местные мастера переняли ее или пришлые изготовляли на месте, следуя эстетическим потребностям своих заказчиков. Но невозможно представить, чтобы приильные мастера настолько прониклись вкусами потребителей, что полностью предали забвению собственные — но какие? Их следов мы нигде не видим).

Всесторонний анализ изделий из драгоценных металлов показал, что мастерам алазано-беденского круга были известны все достижения златокузнечества того времени: литье, с утратой модели (лев); припой — трубочка с крученим проволокой; биконические бусы; получение тончайшего золотого листа — золотая пластина и т. д.

Мы не станем подробно разбирать все тонкости ювелирного дела, что довольно подробно освещено в обширной специальной литературе и к которой отошли читателя (40—43 и др.), сами же отметим некоторые специфические черты наших образцов. Например, у льва шишечки гривы оставляли впечатление чеканки на мягкой основе. Однако, как показали исследования, под бинокуляром, это литье. Рельеф в виде кручениго жгута на затылке — деталь, которая, по мнению специалистов, могла быть припаяна к литой скульптуре. Примечательно, что припаяна после литья и часть хвоста. Причем, она вставлена в отверстие литой части, образовавшей после припоя вполне заметную круговую впадину.

Характерно, что, исследуя золотые двуволютные булавки, Г. Анидриашвили и Г. Гобеджишивили показали, что здесь мы имеем дело не с литьем, а с чеканкой (19). Этого нельзя сказать о нашей серебряной булавке, которая по единодушному мнению — литая.

Таким образом, мы видим, что и алазано-беденский круг памятников входит в тот ареал, где по данным письменных источников уже

в III тысячелетии широко было развито ювелирное дело. И развито настолько, что существовал обширный набор терминов, обозначавших чистое золото, и золото с различными примесями (49, с. 11). При этом изделия храмовых мастерских Шумера транспортировались на большие расстояния (там же).

Мы не станем подробно описывать повозки, обнаруженные в рассматриваемых курганах, тем более, что практически они были представлены лишь их отпечатками. Но укажем, что все измерения, данные, например в специальной работе К. Мелитаури (44, с. 9), полностью совпадают с нашими и увеличивают количество артефактов, свидетельствующих о характерности этого вида колесного транспорта для рассматриваемого круга памятников.

Вкратце остановимся на некоторых деталях, связанных с повозкой. Прежде всего отметим, что расположение фигурки льва, отверстия с тыльной стороны его стоп, изгиб хвоста, проходящий ниже плоскости последних, свидетельствуют о том, что она была укреплена на деревянном предмете, вероятнее всего типа посоха или на конце дышла. Кроме того, описанные роговые изделия, судя по отверстиям были прикреплены к нему же, хотя трудно сказать каково их назначение. Не исключено, что это те же атрибуты ритуального штандарта. Как, например, из Богаз коя (45, табл. XXIV), или неизвестные нам детали повозки.

Мы не останавливались на детальной характеристике костяных наконечников стрел и лишь укажем, что аналогичная форма известна из слоя С₁ Квацхелеби (46, табл. IV).

Образцы же обсидиановых и кремневых наконечников стрел известны исключительно в алазано-беденском круге и поражают буквально ювелирной техникой их обработки. Хотя сами формы их не являются необычными и широко распространены в различных регионах древнего мира.

Здесь мы не станем останавливаться на керамике ранних комплексов, т. к. это проделано нами в специальной работе, посвященной ранним ступеням Куро-араксской культуры (48), равно как триалетской культуры (49). Основное внимание мы уделяем керамике алазано-беденской категории, т. к. это новое (для археологии) явление еще не получило своего более или менее полного освещения. Хотя уже появились отдельные публикации (50, с. 28—41) и даже монографии (19), посвященные памятникам этого круга.

Великолепные образцы чернолощеной посуды, отличающиеся за конченной стройностью, лаконичностью и простотой форм и крайне редким декором, так же не находят себе прямых параллелей вне ареала алазано-беденских памятников, если не считать керамики Гинчинского могильника в Дагестане (47, с. 28—32, табл. VI—X, XIX), которые нельзя воспринимать иначе, чем периферийные реплики, не отличающиеся самостоятельностью и выполненные на гораздо более низком техническом уровне.

В этой связи интересно отметить, что керамика рассматриваемых нами памятников была подвергнута петрографическому анализу³.

В результате выяснилось, что по своему составу глиняная посуда всех исследованных памятников Алазанской долины, рассматриваемых в настоящей монографии, делится на четыре группы.

³ Анализ проделан сотрудникой Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа Т. Морчадзе.

В первую входят 9 образцов, которых отличает различное содержание теригонических материалов (от 20 до 80%), но имеющих более или менее одинаковую температуру обжига от 700 до 950°. Отщепителями служат плагиоклазы, дреева, кварц и редко крупинки камней.

Вторая группа представлена семью образцами. Теригонические материалы (от 10 до 20%) представлены теми же образцами, что и в первой, но температура обжига колеблется в пределах 700—850°.

Третья группа состоит из пяти образцов. Она отличается как низким (до 5%), так и однообразием теригонического материала, представленного в виде кварцевого песка. Температура обжига примерно 700°.

И, наконец, четвертая группа. Она наиболее многочислена. (16 образцов). Она отличается небольшим процентом теригонических материалов (5—10%), представленных плагиоклазом и кварцем и в редких случаях растительными детритами.

Основные массы первой и второй групп в общих чертах совпадают. Однако, у них есть и существенные различия, выраженные в количестве и минералогическом составе отщепителей, а также технологией обработки.

В этих группах отмечается обильное содержание окислов железа и более высокая температура обжига, по сравнению с другими группами.

Третья и четвертая группы сходны между собой как теригоническим материалом, так и основной глиняной массой.

Отличаются друг от друга техникой обработки. Давая такое заключение, Т. Морчадзе отмечает, что отличие может быть вызвано возрастным различием или изготовлением в различных мастерских.

Но обратимся к тому, какие образцы представлены в этих группах:

В первой: Машнаари, Кистаури, два сосуда из первого и один из второго курганов цнорской группы.

Во второй: два образца из кургана Храмеби (Иорский бассейн), один из первого и четыре из второго курганов цнорской группы.

В третьей: по одному из II и III курганов цнорской группы и три — Кистаурской.

И, наконец, в четвертой: образцы исключительно из трех цнорских и храмебского курганов.

При этом, в последнюю группу входят исключительно биконические кружки и одноручные кувшинчики, в первой группе сосредоточены машнаарским, кистаурским образцы и три корчаги из более поздних курганов. Во второй исключительно крупные сосуды алазано-бединского круга, и в третьей — сосуды средней величины.

Попадание в одну группу (I и III) ранних и поздних образцов не может вызывать нашего недоумения или сомнения в верности датировки, ибо выше отмечалось, что между ними существует или временное или территориальное различие. В данном случае оба равносильны и косвенным образом подтверждают нашу датировку.

Таким образом, анализ керамики иллюстрирует, с одной стороны, хронологическую разницу между разновременными комплексами, и с другой, — указывает на определенную общность сырьевой базы на протяжении почти полутора тысяч лет.

Обратимся теперь к данным, позволяющим в какой-то степени решить вопрос о прижизненной принадлежности «в табели о рангах» захороненных в курганах лиц. Для реконструкции социального строя рассматриваемого общества приведены некоторые фактические и косвенные данные.

Как указывалось, кубатура насыпи большого кургана превышала 51000 куб. м. Но следует учесть, что отсюда около 8000 куб. м. нужно отнести на счет камня. Далее, палеоботанические анализы свидетельствуют⁴, что во времени возведения курганов на этой части долины не было лесных массивов, а на возведение погребального ложа, перекрытие камеры, необходимо было по самым скромным подсчетам около двухсот кубометров древесины. К этому еще следует добавить рытье камеры, строительство каменного круга и, вероятно, какого-то сооружения, дошедшего до нас в виде огромной каменной насыпи, а также укладку панциря — тогда еще ясней станет грандиозность данного сооружения.

Если условно применить шумерские нормы труда (51, с. 62—67), то получится, что на возведение насыпи, включая и транспортировку земли понадобилось бы — на рытье 15000 человеко-дней, на поднос ее к насыпи 7500 человеко-дней. На рытье камеры 200 человеко-дней и т. д.

Теперь сравним этот курган с погребением Ховле: его объем составил 300 куб. м., объем ямы 12 куб. м, итого — 312. Выемка ямы — 4 дня и насыпи — 10 дней, плюс насыпка — 5 дней, т. е. практически усилиями небольшой группы людей погребальный обряд со всей атрибуцией потребовал одного-двух дней.

Точно такое же сравнение можно провести с II курганом, затраты труда на строительство которого в пять раз меньше, но и они выглядят внушительно, если даже только привести объем его насыпи — 10400 куб. м, из которого около 2000 — камня.

Оставляя в стороне вышеприведенное, напомним, что камни для большого кургана свозились из пунктов в радиусе до 40 км. Подсчеты возможностей транспортировки камня на повозках, обнаруженных в курганах, показывают, что их грузоподъемность не превышала 200—300 кн, т. е. не более 1/10 кубического метра.

Но спрашивается, зачем было везти камень из разных пунктов? Вероятнее всего, каждый отдельный поселок или племя несли свою дань усопшему с той стороны, где они жили. И тогда в какой-то степени очерчивается ареал их расселения, не говоря о причине такого «подношения».

Сами по себе повозки в погребении, по общему признанию (52—54), уже свидетельствуют о высоком ранге погребенного.

Здесь уместно обратиться к скульптуре льва (II курган). Лев в древнем мире в основном был связан с определенными божествами (55, 56). Наиболее ранние образцы указывают на его отождествление

⁴ Пыльцевой анализ проделан Г. Лисициной в палеоботанической лаборатории Института археологии СССР.

с небесными светилами (57, 58) и нам кажется, что именно символом власти на земле захороненного в кургане человека явились эта скульптура. К этому нужно добавить и каменный круг, и аналогичные круги на самой скульптуре, на керамике эти общепризнанные знаки небесных светил, чтобы не тратить времени на лишнее подтверждение того, что в большом кургане, поистине царском в своем величии, захоронен был вождь племенного объединения, явившийся, вероятно, одновременно и жрецом главного или главных небесных божеств, а в кургане II — по меньшей мере — вождь отдельного племени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахушти Багратиони. Описание Грузинского царства (география Грузии). Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
2. Л. Маруашвили. География Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
3. Природные ресурсы Грузинской ССР, т. II, М., 1957.
4. К. Габуния. Медь. Минеральные ресурсы ССР Грузии. Тифлис, 1933.
5. Г. А. Твалчрелidze. Основные черты металлогенеза Грузии. Природные ресурсы Грузинской ССР, т. I, М., 1958.
6. Д. В. Церетели. Плейстоценовые отложения. Тбилиси, 1966.
7. Л. Маруашвили. Физическая география Грузии. Тбилиси, 1969, (на груз. яз.)
8. Ш. Ш. Дедабришвили. Памятники эпохи ранней и средней бронзы. Труды Кахетской археологической экспедиции, т. I, Тбилиси, 1969.
9. К. Н. Пицхелаури, Ш. Ш. Дедабришвили. Работы Кахетской археологической экспедиции в зоне строительства Верхне-Алазанской оросительной системы (1965—1966 гг.). Труды Кахетской археологической экспедиции, т. I, Тбилиси, 1969.
10. Р. М. Абрамишвили. Археологические раскопки в Лагодехском районе. Тезисы докладов объединенной первой научной сессии Гурджаанского краеведческого музея и Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
11. К. Н. Пицхелаури. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа. Труды Кахетской археологической экспедиции, т. I, Тбилиси, 1969.
12. К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна (по археологическим материалам доантичного времени). Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
13. К. Пицхелаури, Ш. Дедабришвили, Т. Буганишвили, М. Узунашвили. Кахетская археологическая экспедиция. Полевые исследования в 1974 году (краткие сообщения), Тбилиси, 1976.
14. Ш. Ш. Дедабришвили. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1970.
15. Р. Абрамишвили, К. Кахиани, Д. Гоциридзе. Грмахевские селища и могильник. Полевые археологические исследования в 1974 г. (краткие сообщения), Тбилиси, 1976.
16. Н. Мамаишвили, К. Пицхелаури, Ш. Дедабришвили. Краткий отчет о полевой работе Кахетской археологической экспедиции. Полевые археологические исследования, 1973 г., Тбилиси, 1974.
17. С. Макалатиа. Археологические раскопки тквиавских курганов. Тбилиси, 1943 (на груз. яз.).
18. В. М. Массон. Понятие «культура» в археологической систематике. История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1974, вып. II.
19. Г. Ф. Гобеджишвили. Беденские курганы (в печати, на груз. яз.).

20. З. Г. Шатебрашвили. Новые элементы в культуре эпохи ранней бронзы. Доклад, прочитанный на заседании отдела археологии энеолита, ранней и средней бронзы Института истории, археологии и этнографии АН ГССР 2 декабря 1976 г.
21. Ш. Ш. Дедабришвили. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Кандидатская диссертация, Тбилиси, 1969.
22. Ш. Ш. Дедабришвили. К вопросу об энеолите Восточной Грузии. Третья научная сессия Гурджаанского краеведческого музея. Краткое содержание докладов. Тбилиси 1971 (на груз. яз.).
23. Г. К. Григориа. Погребение Ховле (рукопись, на груз. яз.).
24. Г. Ф. Гобеджишвили. Беденская гробница. «Дзеглис мегобари», вып. 12 (на груз. яз.).
25. Ц. Абесадзе. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969 (на груз. языке с русским рецензией).
26. Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. языке с русским рецензией).
27. Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии, Тбилиси, 1959.
28. И. Р. Селимханов. Историко-химическое и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
29. А. Ц. Геворкиян. Древняя металлургия и горное дело Армении. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1972.
30. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии Кавказа. Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 120, М.-Л., 1935.
31. О. М. Гамбашидзе. Культура эпохи поздней бронзы верховьев р. Риони. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1968.
32. U. Esin. Kuantalif spektral yardimıyla anay İoludu Baslan dicindan Asur Kolonisezi, T. I. İstanbul (1967) 1969.
33. Ц. Абесадзе. Химическое изучение металлических предметов из курганов Квемо Картли. Реставрация, консервация, технология музеиных экспонатов, I, Тбилиси, 1974 (на груз. языке с русским рецензией).
34. О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней ступени производства металла. Тбилиси, 1961 (на груз. языке с русским и английским рецензией).
35. А. И. Шпагин, Г. М. Калистратова. Специальные бронзы и латуни. М., 1945.
36. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1940.
37. Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
38. ОАК за 1897 г.
39. Р. М. Мунчашвили. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
40. K. R. Maxwell-Histor. Western Asiatic Jewellery. c. 3000—612 B. C. London 1974.
41. G. Widengren. The Sacral Kingship of Iran. «Regalita Sacral», Leiden, 1959.
42. B. Goldman. The Development of the Lion-Griffin. AJA 1964 v. 64, № 4.
43. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New-York, 1941.
44. К. Мелитаври. Четырехколесная боевая колесница в древней Грузии. «Дзеглис мегобари», № 21 (на груз. языке с русским рецензией).
45. H. Fransfort. Notes on the Greten Griffin BSA. V. 37, 1936—37.
46. М. Гаджиев. Из истории материальной культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969 г.
47. А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси I, Тбилиси, 1962 (на груз. языке с русским рецензией).
48. Ш. Ш. Дедабришвили. К вопросу о взаимоотношении куро-арацкой и майкопских культур (рукопись на груз. языке).

49. Ш. Ш. Дедабришвили. Могильник Швиндиани (рукопись на груз. языке).
50. О. М. Джапаридзе. Курганы эпохи бронзы. Отчет Квемокартлийской археологической экспедиции (1965—1975 г.г.) (на груз. языке с русским резюме), Тбилиси 1976.
51. А. А. Вайман. Шумеро-аввилонская математика. М., 1964.
52. К. Х. Кущнарева. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа. Краткие сообщения Института археологии СССР, вып. 134, М., 1973.
53. В. М. Массон. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1975.
54. И. В. Синицын. Памятники пред斯基фской эпохи в степях Нижнего Поволжья. Советская археология. 1948.
55. Е. Е. Кузьмина. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе. Советская археология, № 3, 1976.
56. И. Сургуладзе. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Кандидатская диссертация. Тбилиси, 1967 (на груз. языке).
57. E. Schmidt. Persepolis, I. Chicago, 1953.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Табл. I—XXX Материалы I кургана цнорской группы

- I — Вид I кургана цнорской группы до начала раскопок.
- II — Вызванные дождем оползни нераскопанной части насыпи кургана — бровки.
- III — 1. Остатки перекрытия площади раскопок после сильного ветра.
2. Устроенное нами перекрытие погребальной ямы.
- IV — План и разрезы насыпи I кургана.
- V — 1. Каменный настил — панцырь насыпи I кургана.
2. Обнаруженные под панцирем фрагменты керамики конца III тысячелетия до н. э.
- VI—X — Центральная, смешанная часть насыпи и наземное круглое сооружение из булыжника.
- XI — План центральной насыпи; Наземного круглого сооружения и перекрытия погребальной камеры; Разрезы наземного круглого сооружения из булыжника
- XII — Остатки деревянных конструкций от погребального зала I кургана.
- XIII — Обнаруженные на погребальном ложе наконечники стрел из обсидиана и кремня.
- XIV — Обнаруженные на погребальном ложе бронзовый нож (?) и кинжалный клинок.
- XV—XXIX — Керамический материал из погребальной камеры.
- XXX — Обнаруженные под каменным панцирем фрагменты глиняного сосуда конца III тысячелетия до н. э.

Табл. XXXI—XLII курган цнорской группы

- XXXI — Остатки и следы рагожи на перекрытии погребальной камеры.
- XXXII — Следы косопоставленных столбиков подпорок.
- XXXIII — Оползшая северная стена погребения.
- XXXIV—XXXVI — Два костяка захороненных в северо-восточной части погребения.
- XXXVII—XXXIX — Остатки колес повозки в погребальной камере.
- XL — 1. Остатки колес повозки в погребальной камере.
2. Кучка овечьих и козьих астрагалов.
- XLI — 1. Куча мелкой гальки различных очертаний.
2. Кучка овечьих и козьих астрагалов.
- XLII — 1. Костяные наконечники стрел.
2. Сточные и просверленные с разных сторон астрагалы.
- XLIII; XLIV — Обсидиановые наконечники стрел.
- XLV — Предметы неизвестного назначения, сделанные из рога.
- XLVI—LX — Глиняные сосуды со II кургана.

LXI. LXII—III курган цнорской группы

- LXI — План и разрез насыпи кургана.
- LXII — План и разрезы основной погребальной ямы кургана.
- LXIII—IV курган цнорской группы; План и разрезы погребальной камеры.

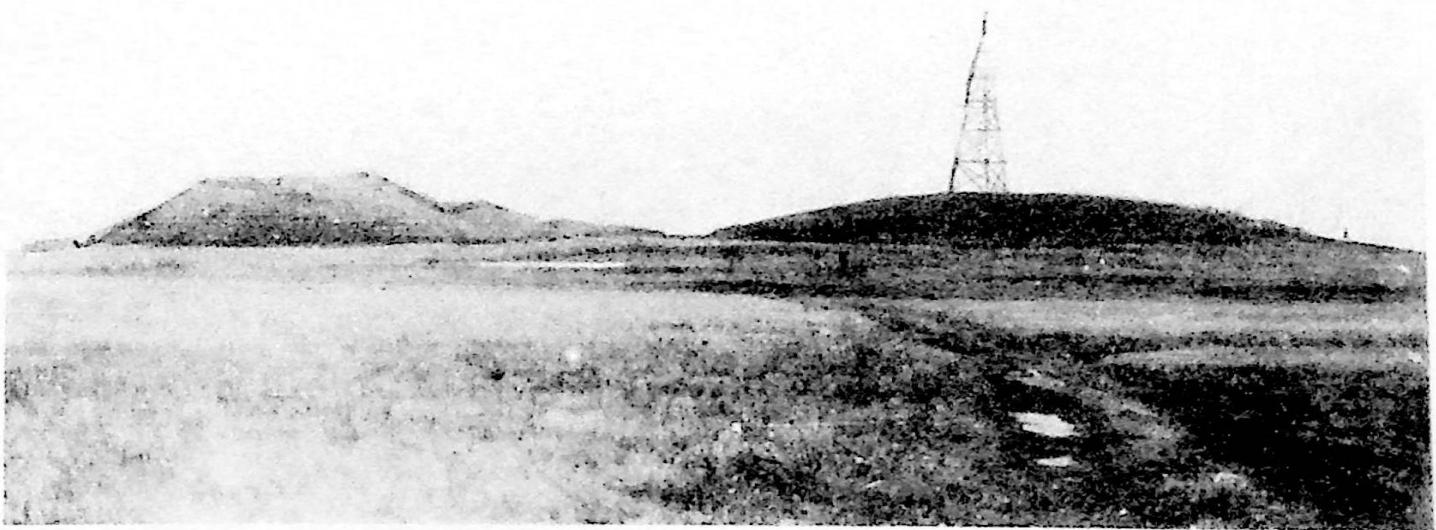
ОПИСАНИЕ ЦВЕТНЫХ ТАБЛИЦ

- LXIV — Остатки деревянного сооружения в погребальной яме I кургана цнорской группы.
- LXV — Обнаруженные на погребальном ложе I кургана цнорской группы изделия из золота и сердоликовые бусы.
- LXVI — II курган цнорской группы; Золотые изделия, серебряная двуволютная булавка и агатовая бусина.
- LXVII — II курган цнорской группы — золотая скульптурка льва.

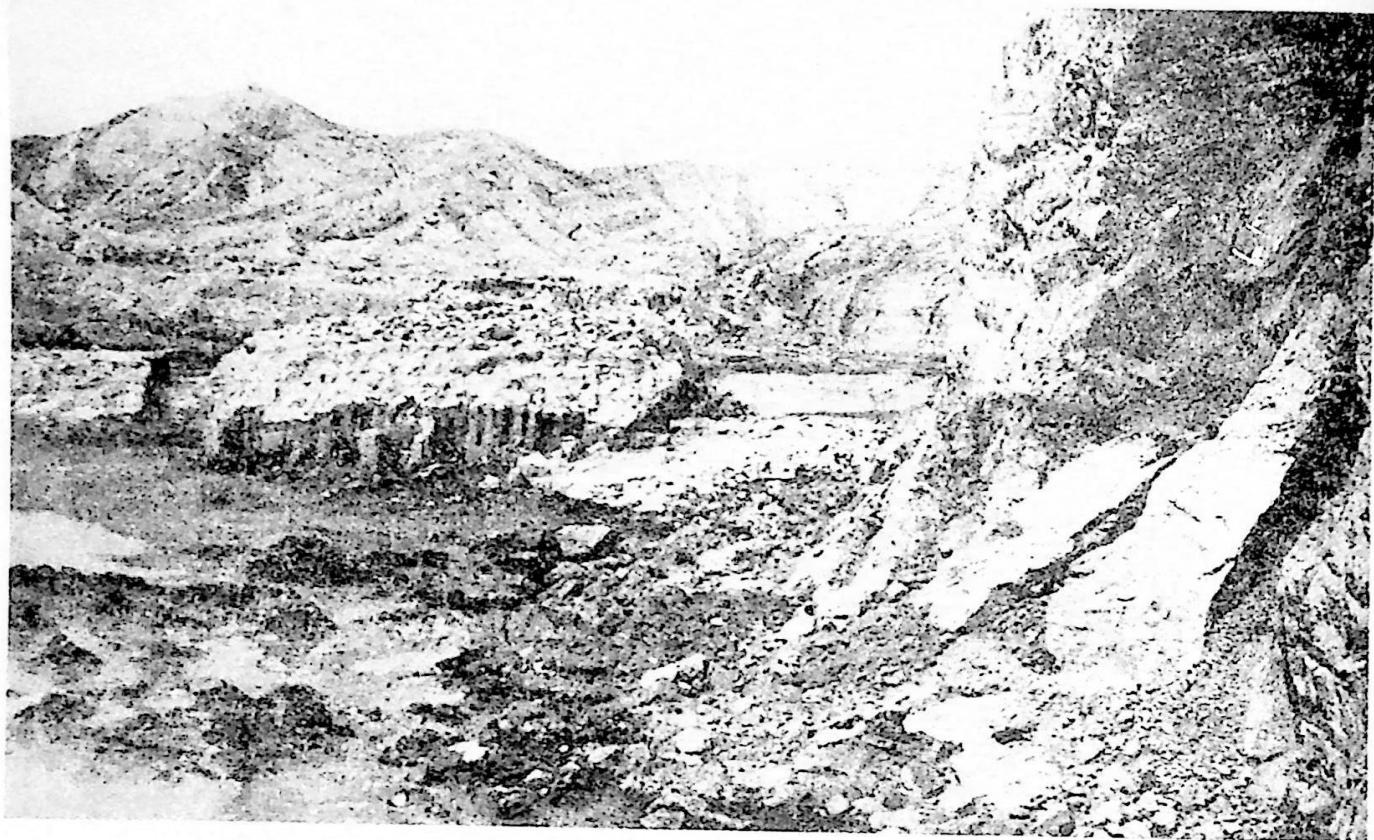
ТАБЛИЦЫ



2



11

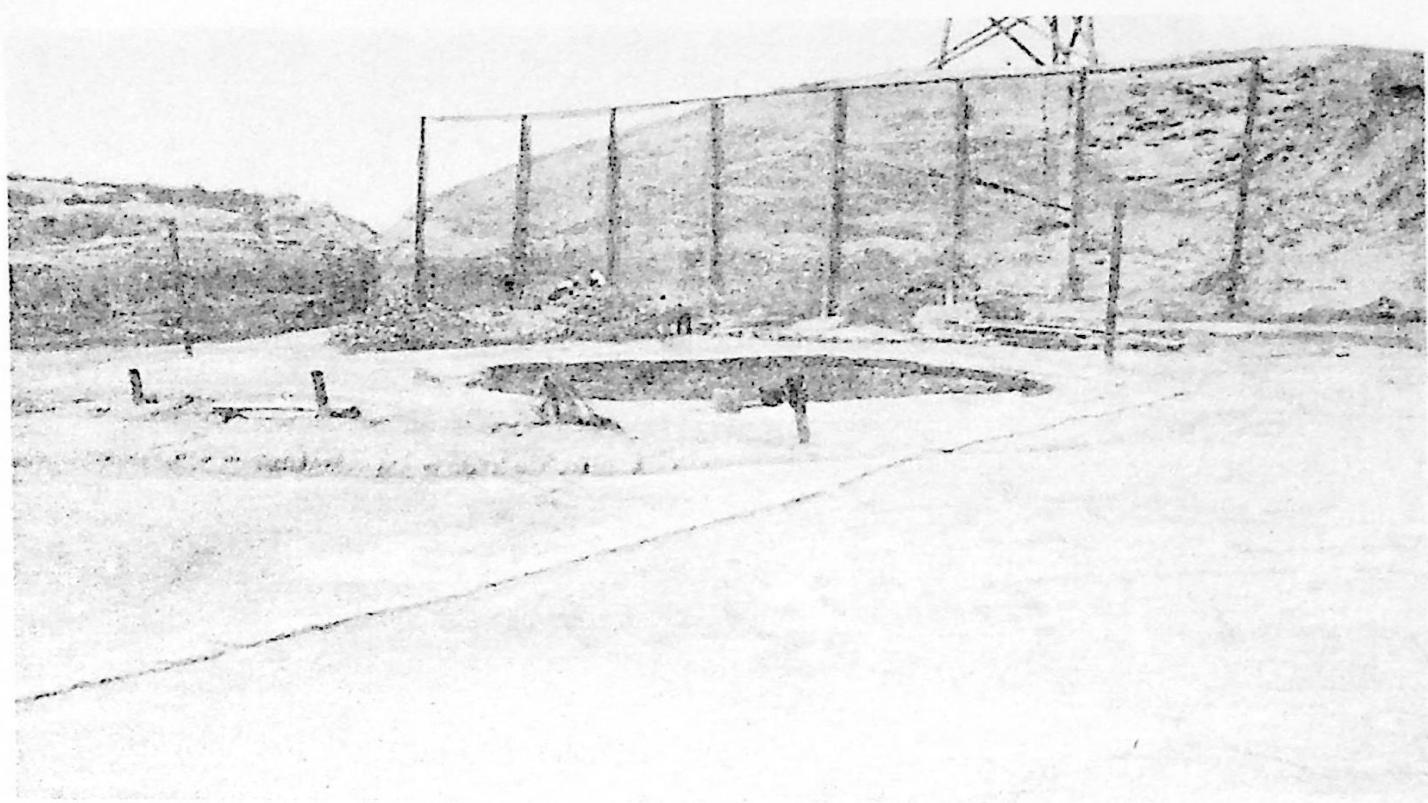


1

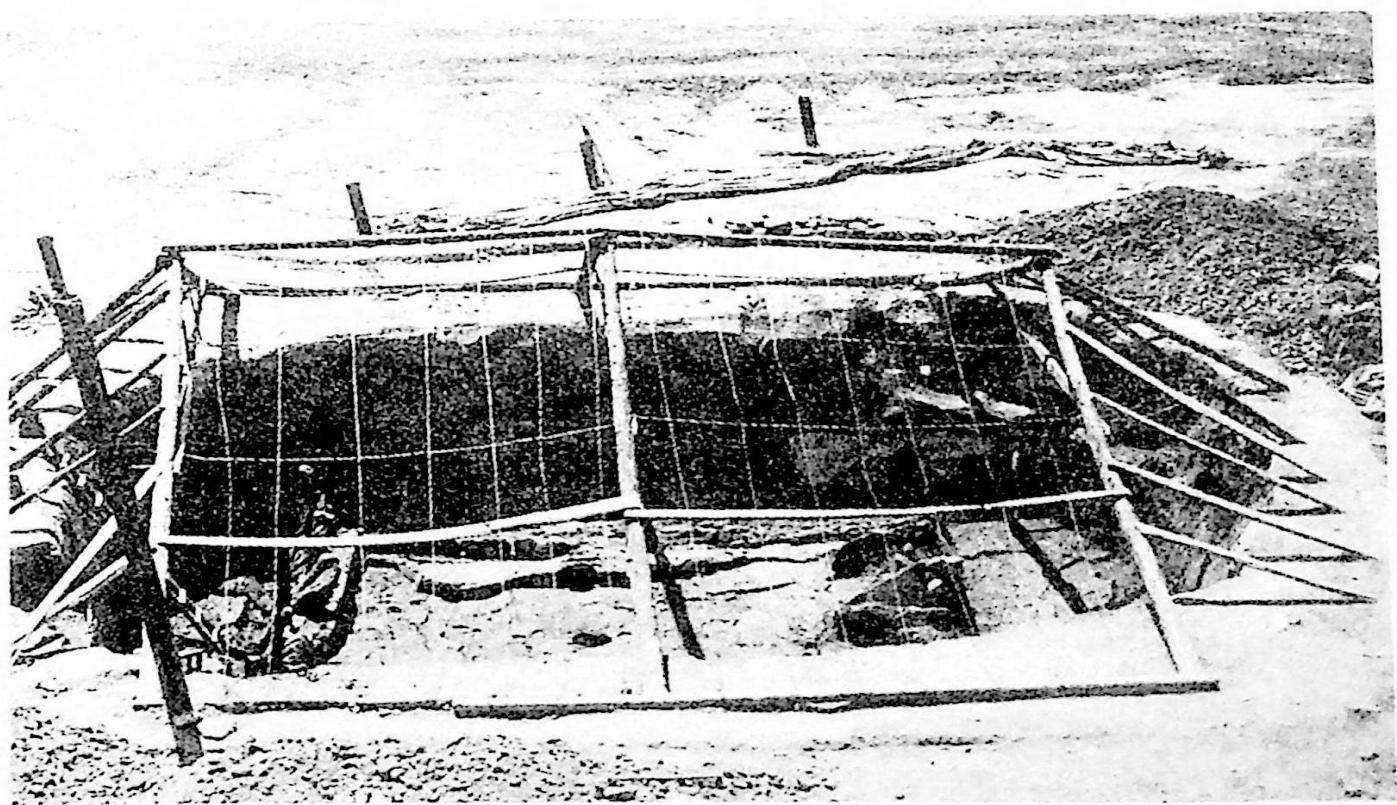
2



III



2

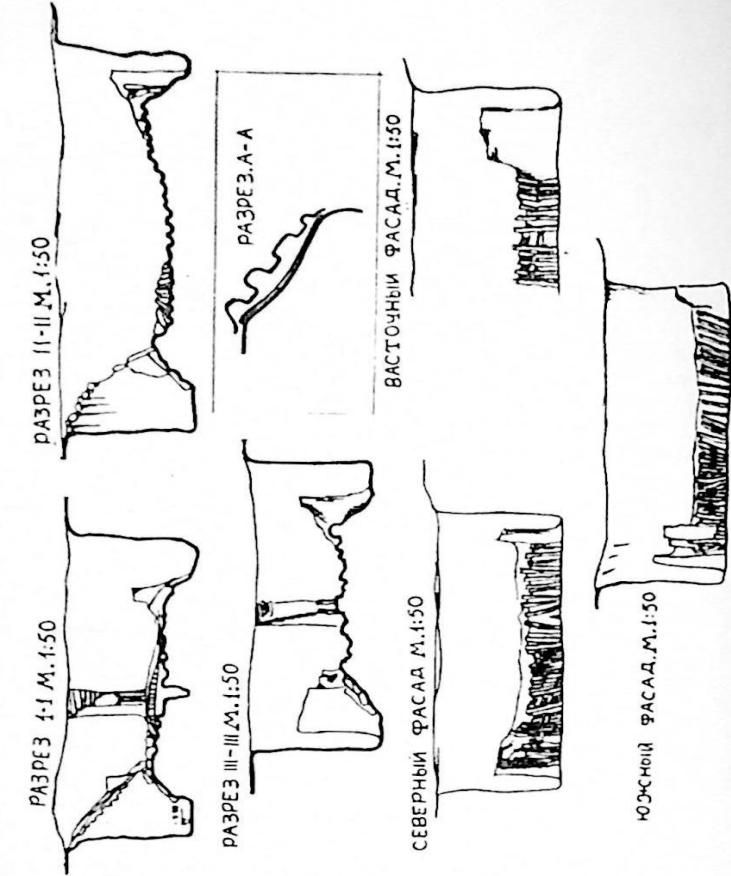
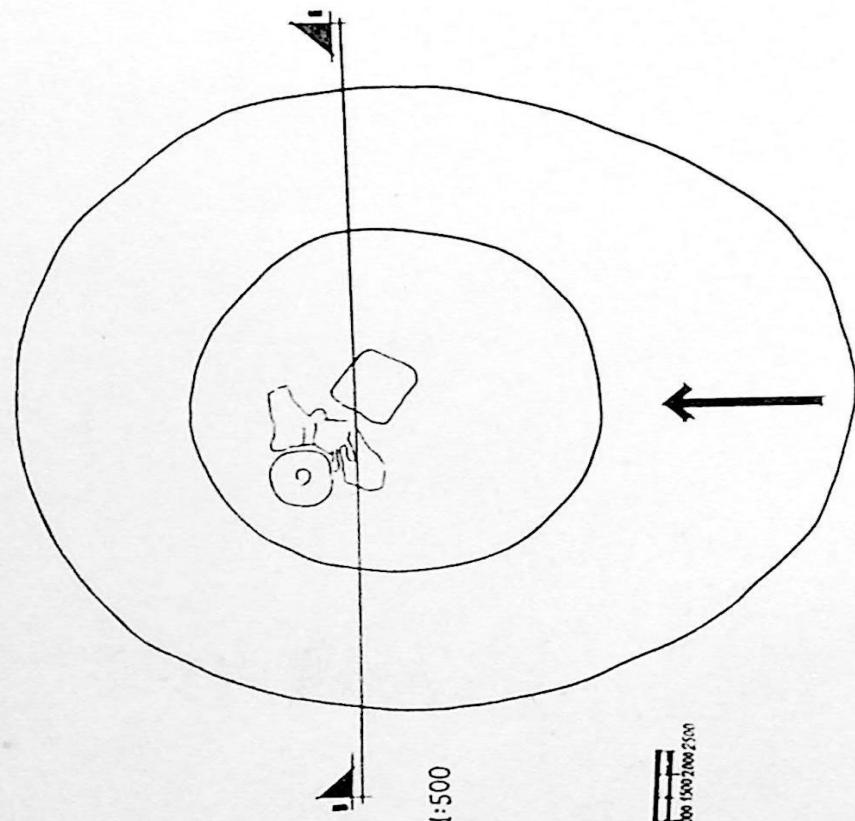


ЧНОРСКАЯ

ГРУППА.

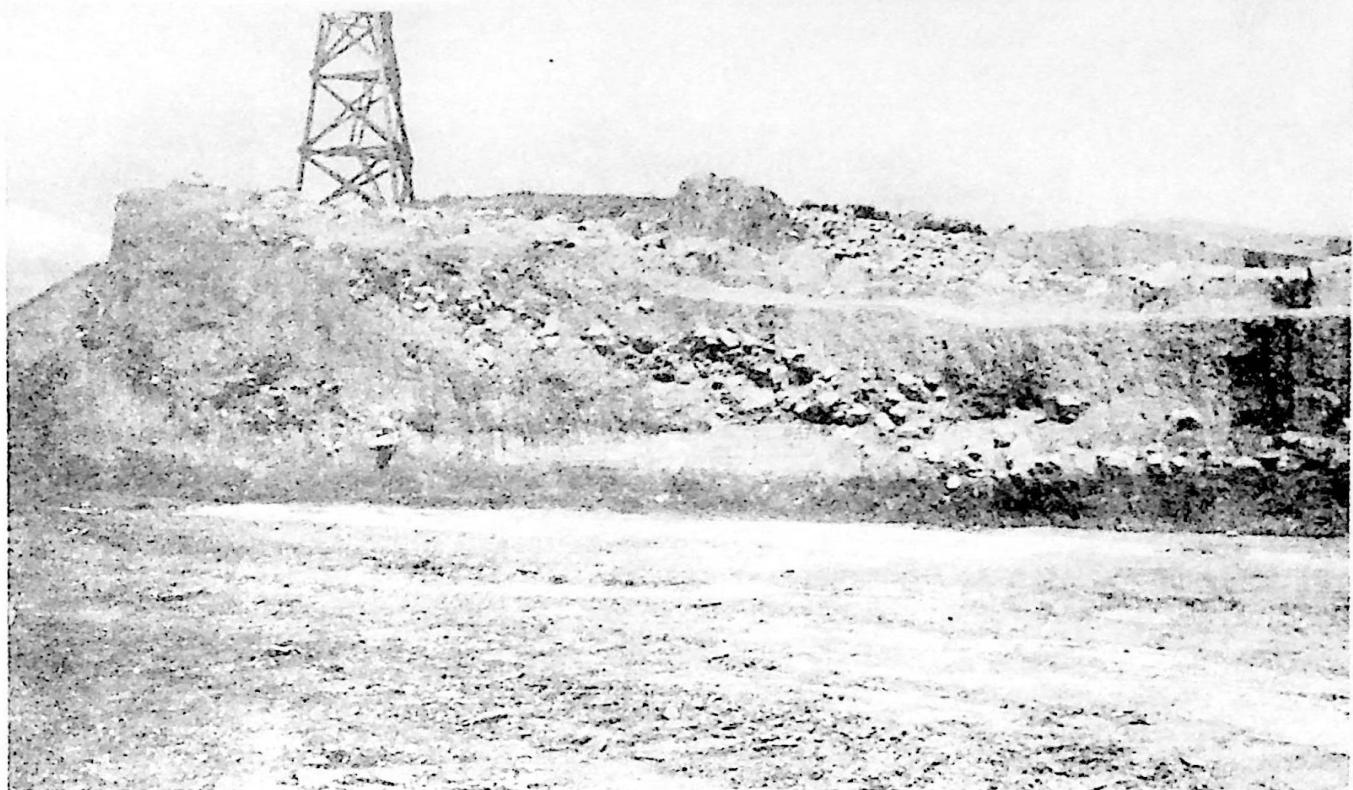
КУРГАН №1

IV



Глина и суглинок.
Песчаный слой.
Древний гумус.
Каменный панцирь.

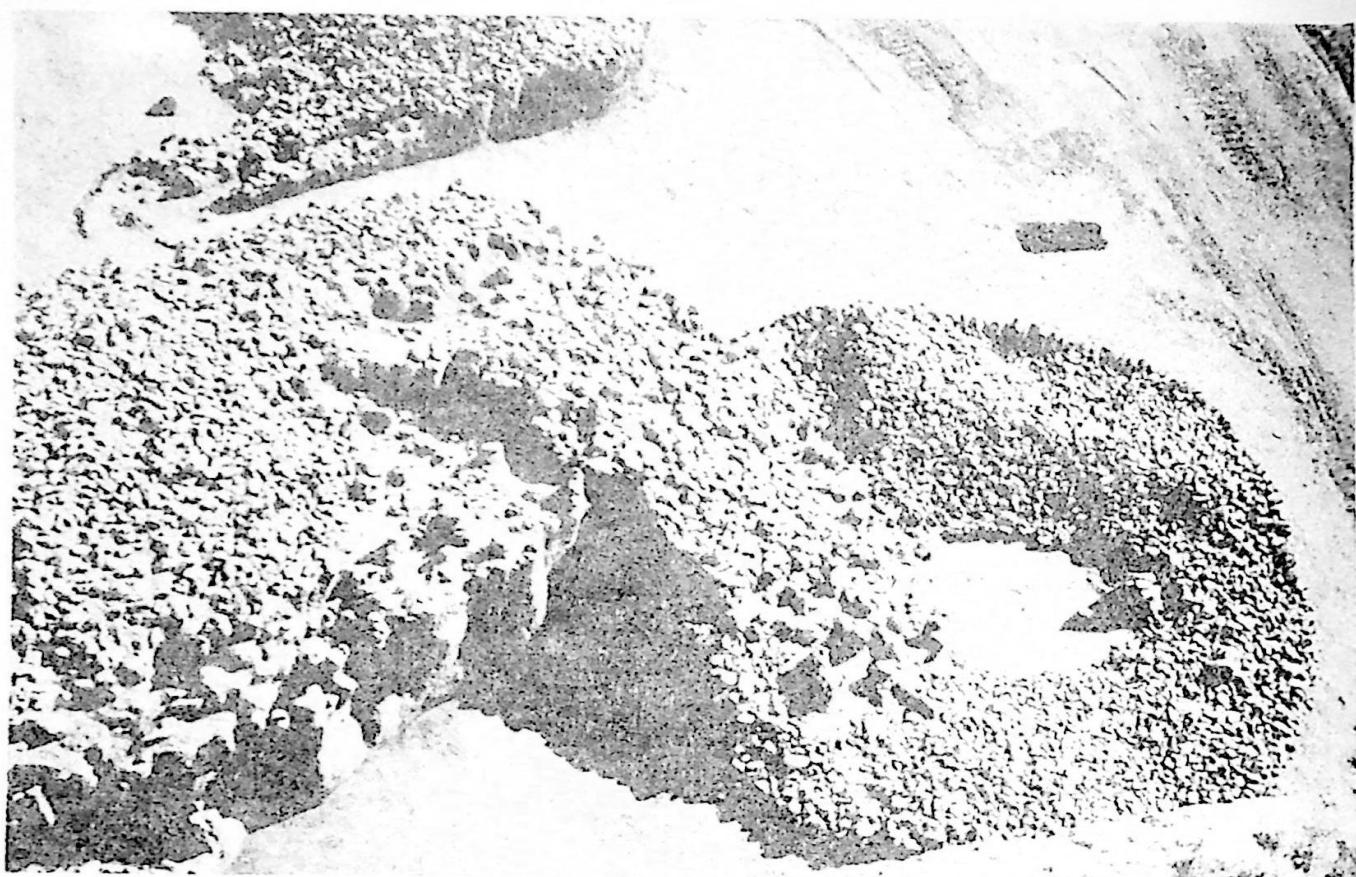




1

2

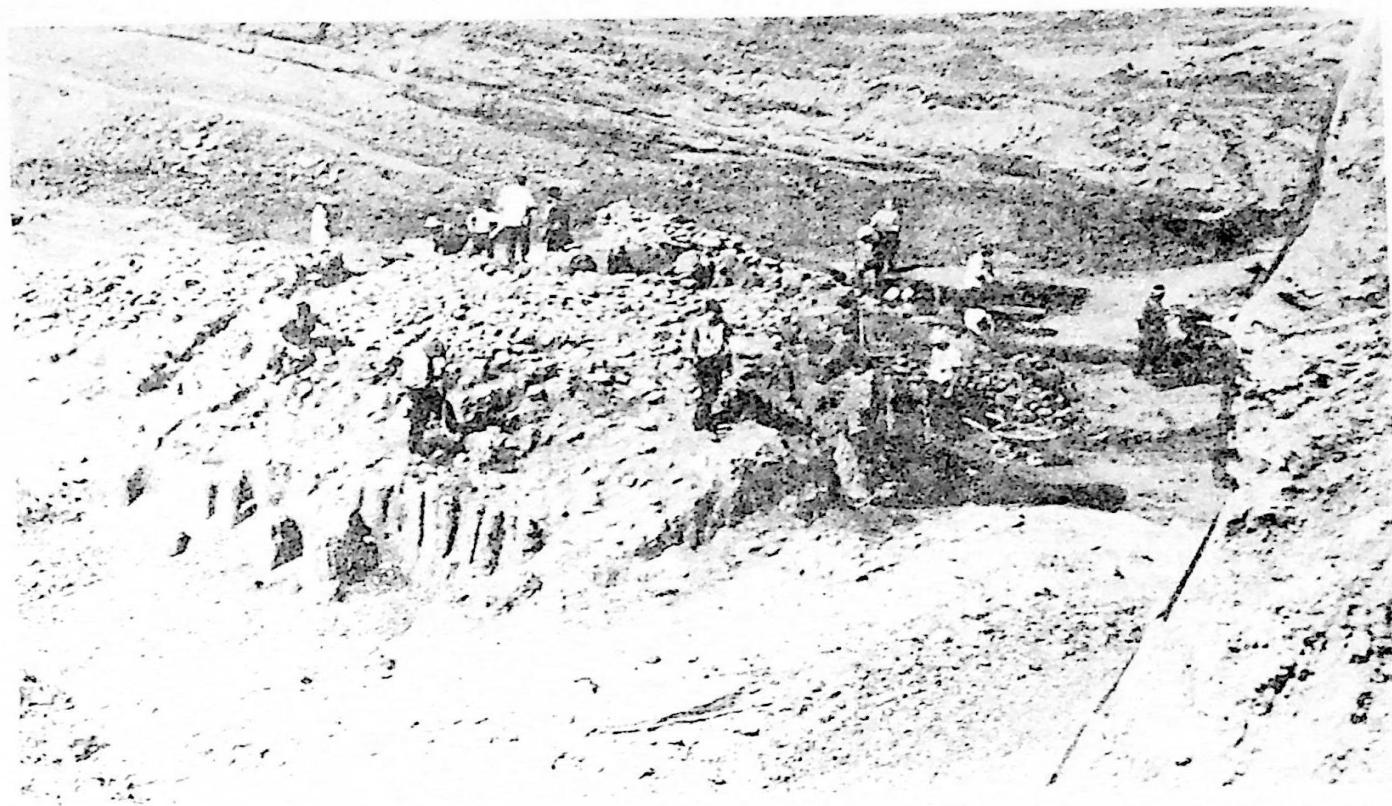




1

2



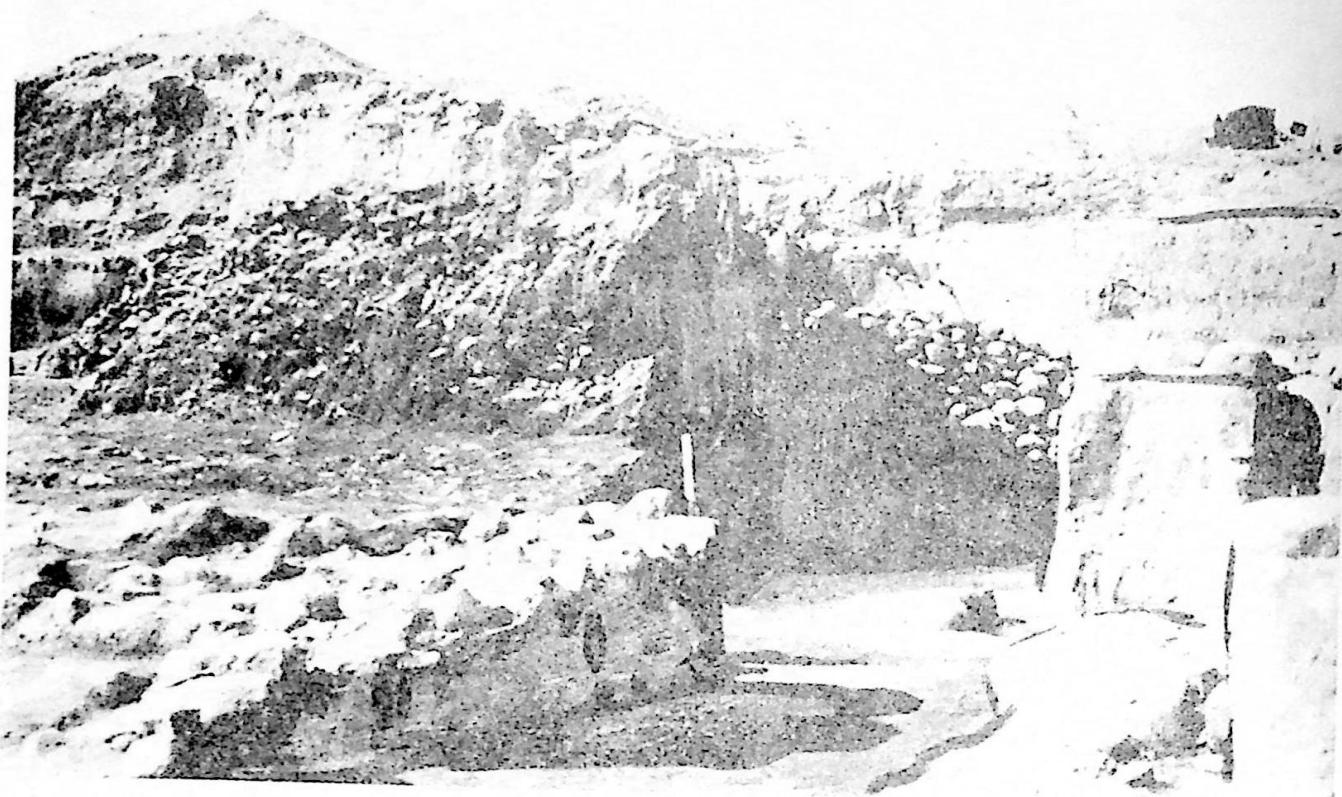


1

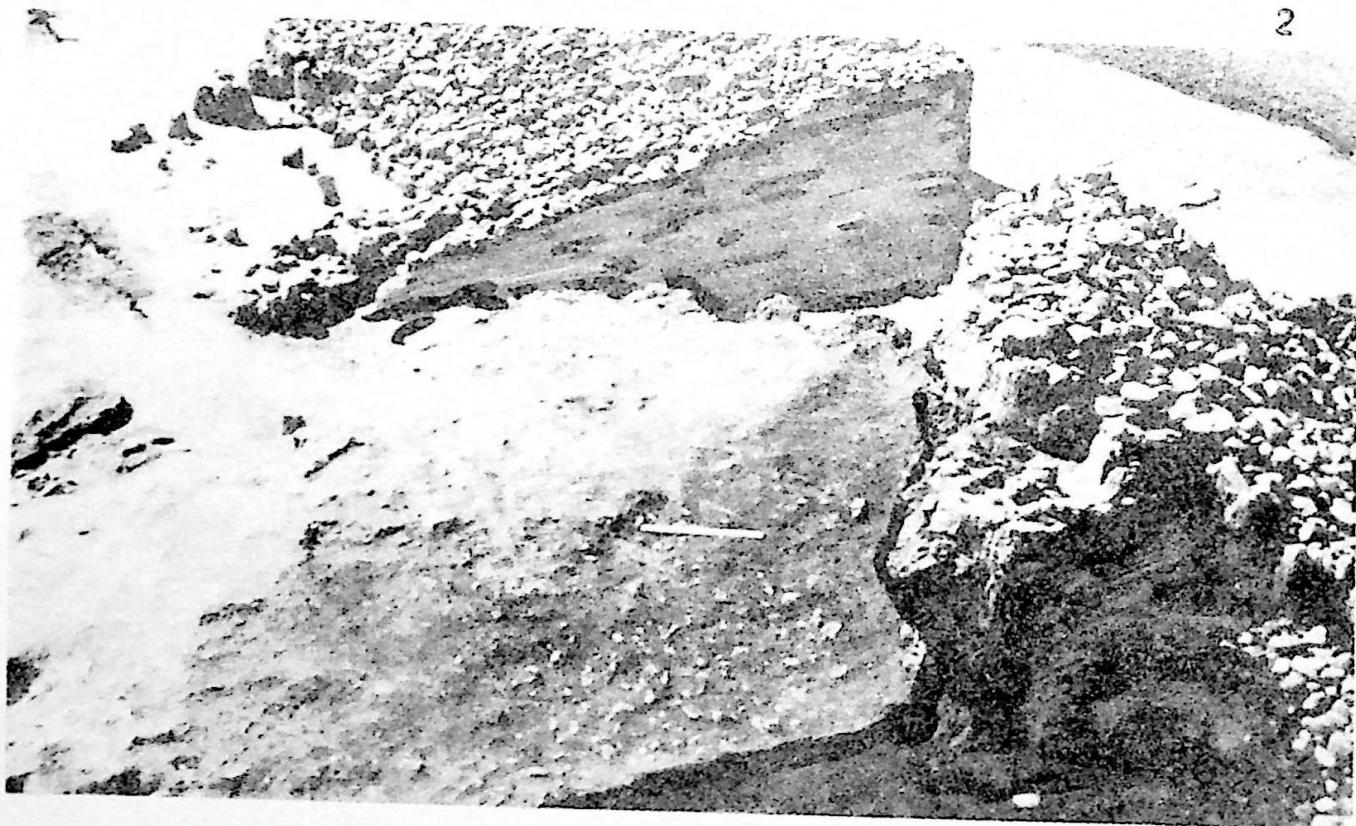
2



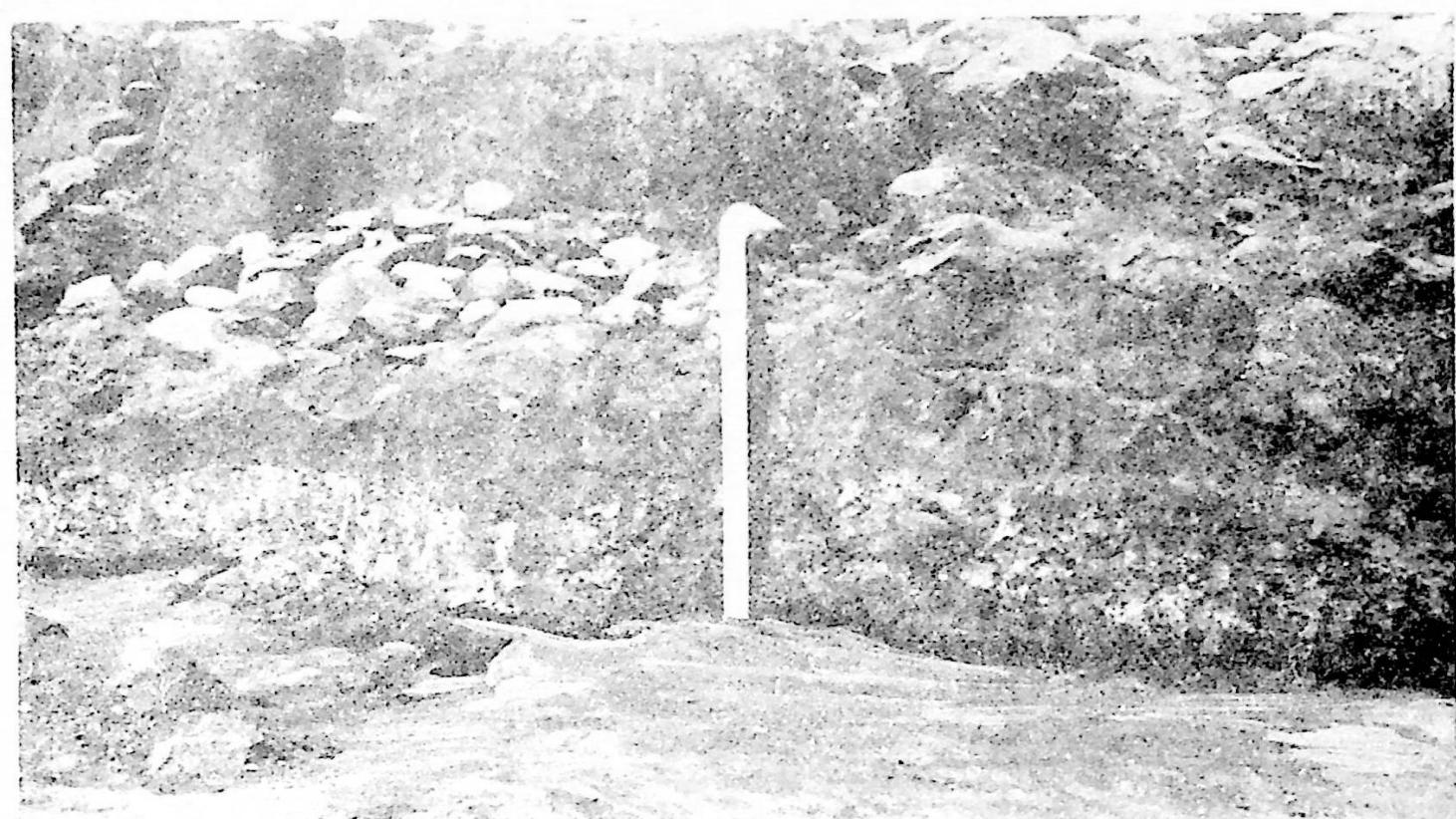
VIII



1

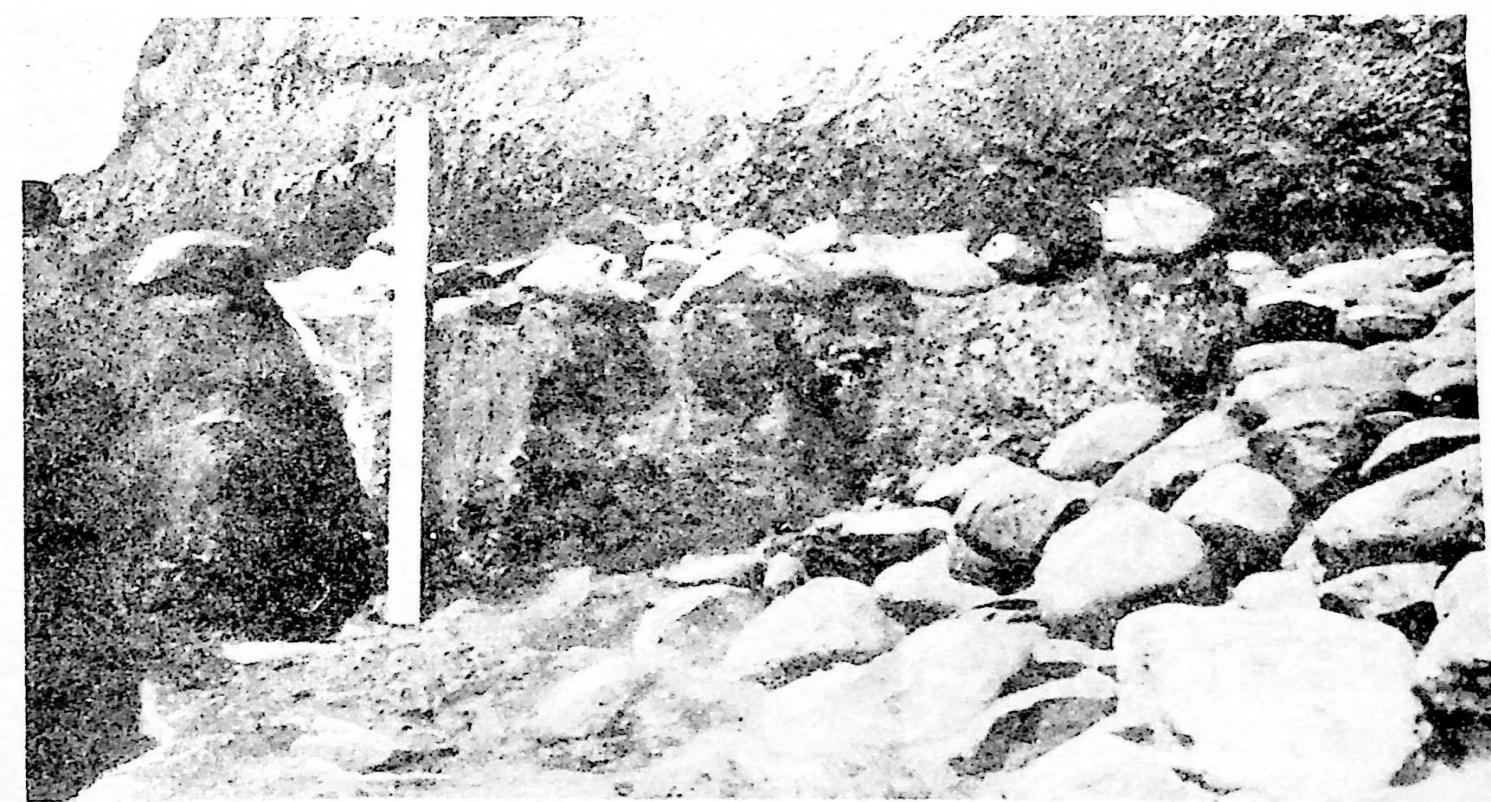


2



1

2

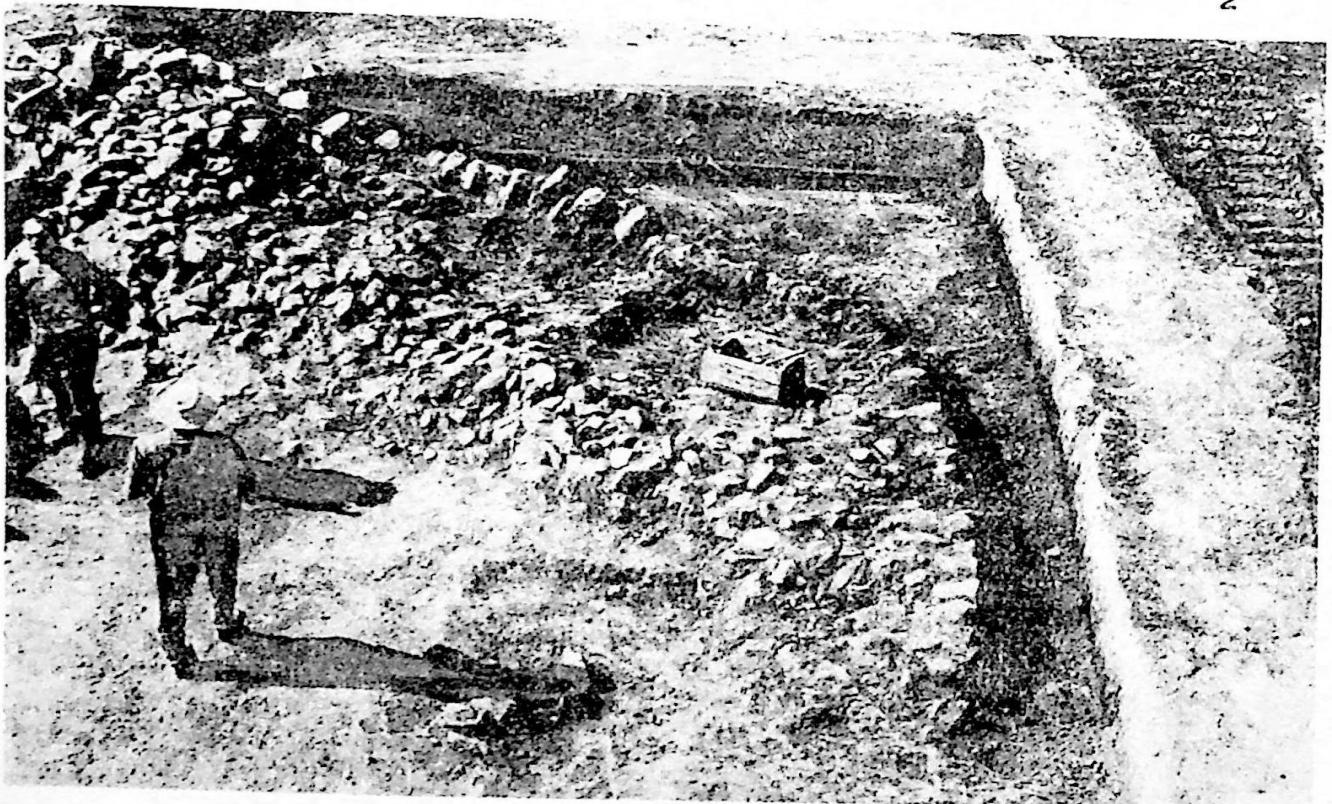


X

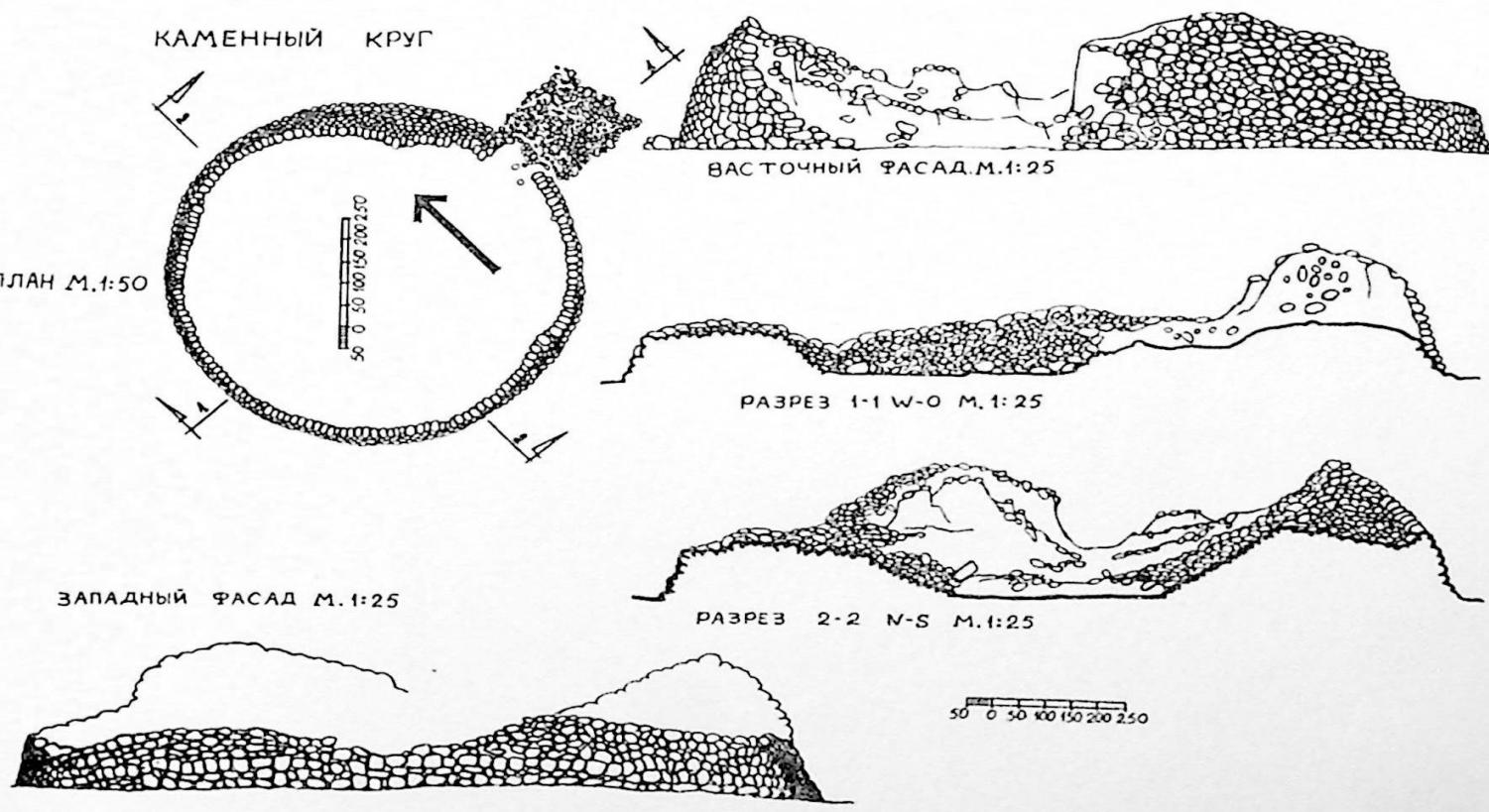
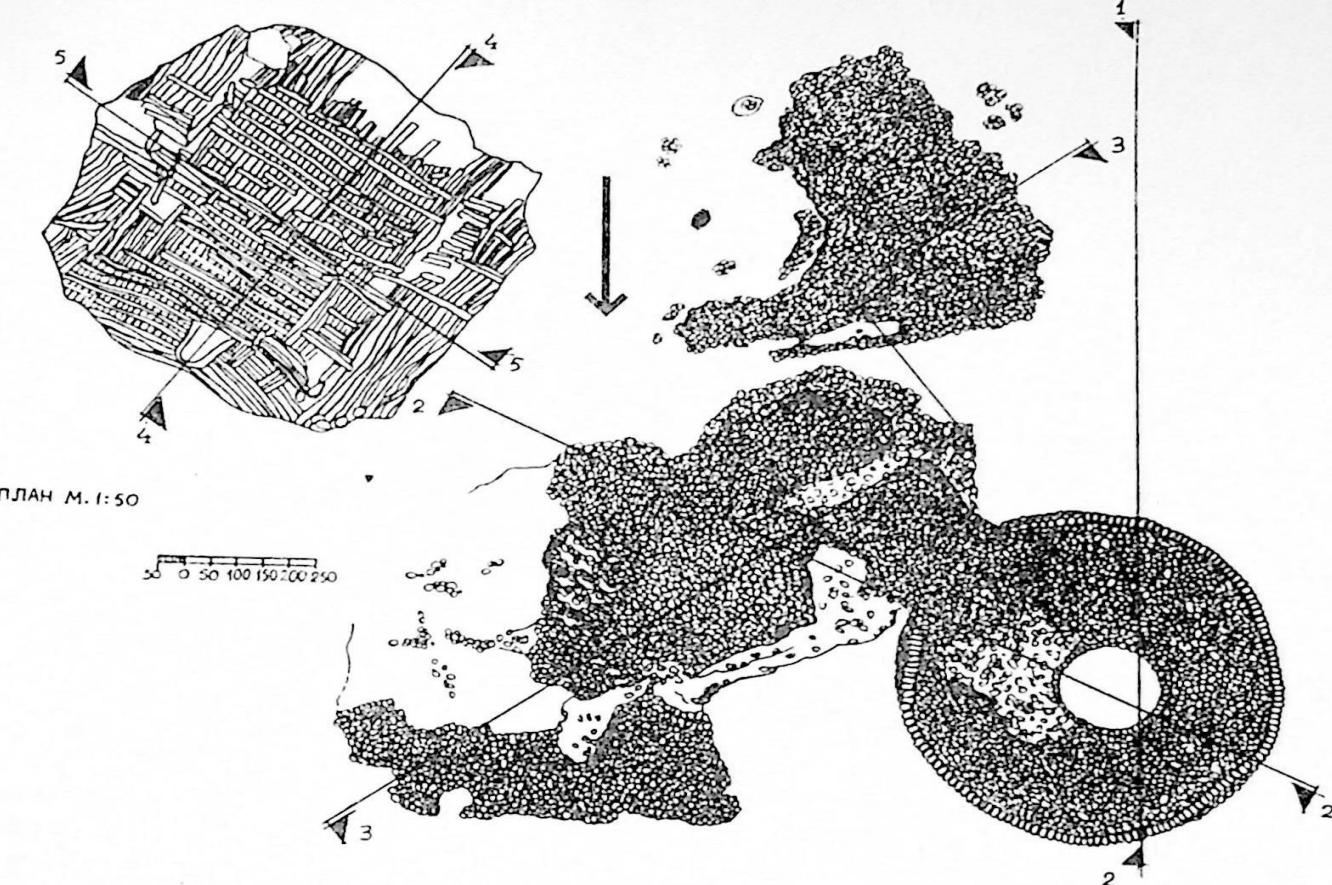


1

2



ЦНОРСКАЯ ГРУППА. КУРГАН №1

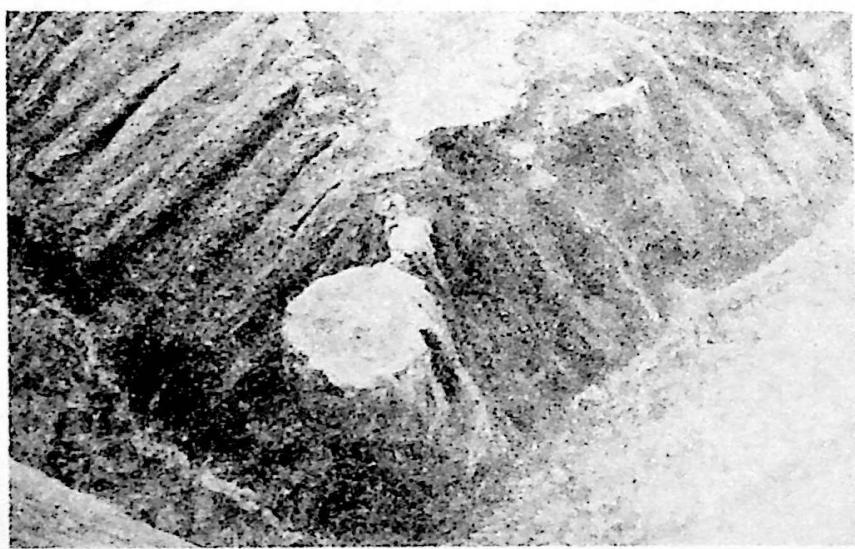




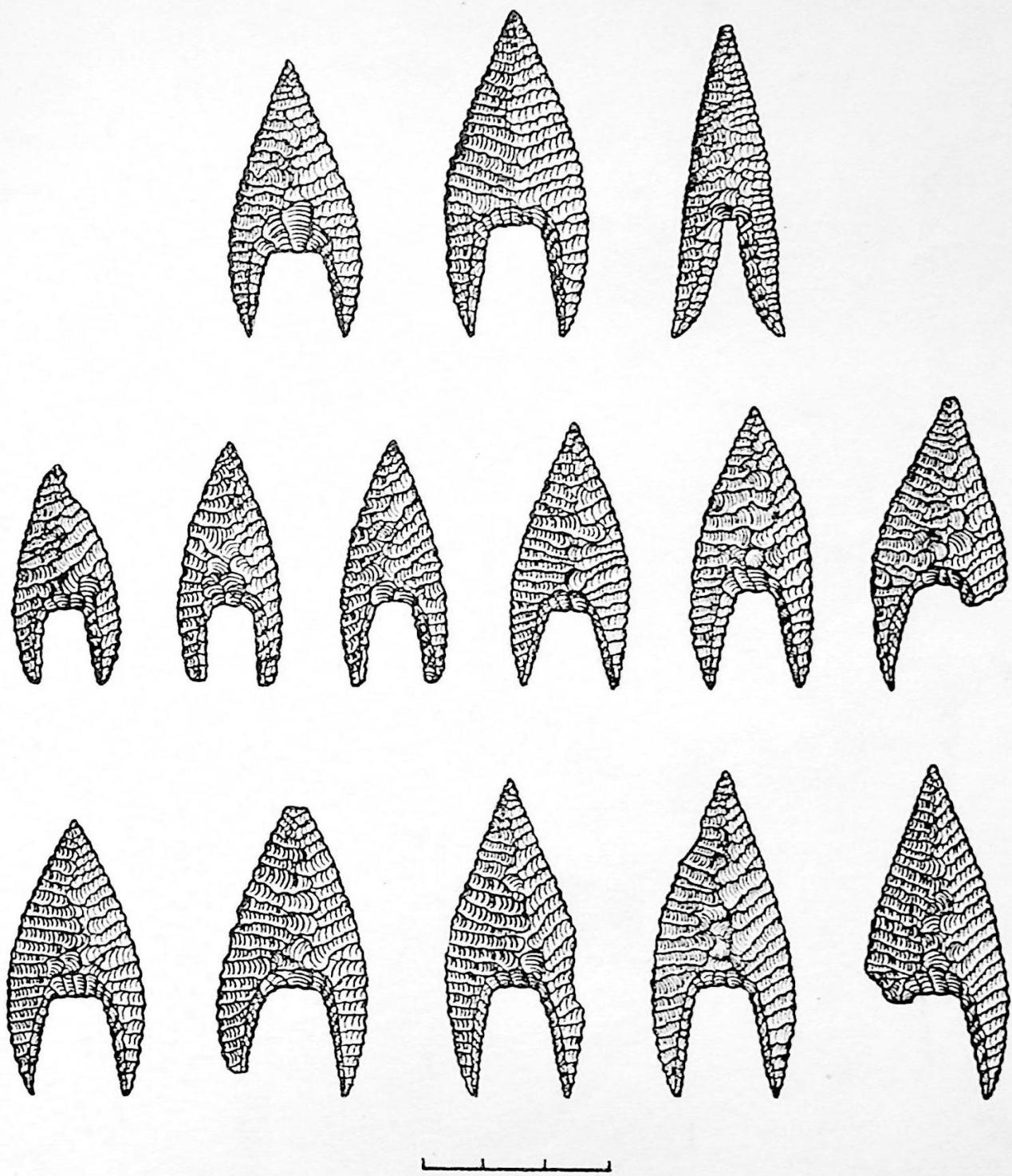
1

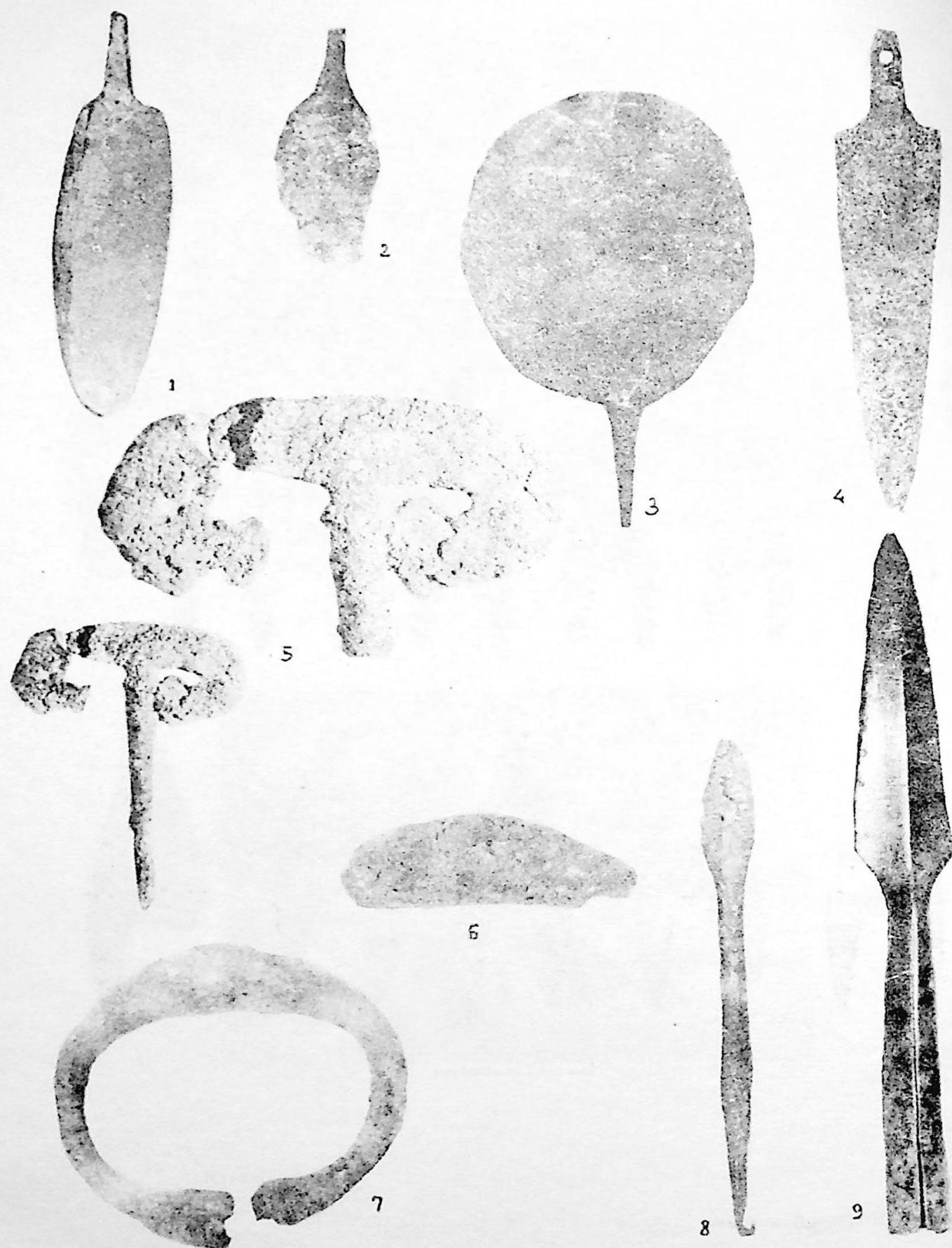


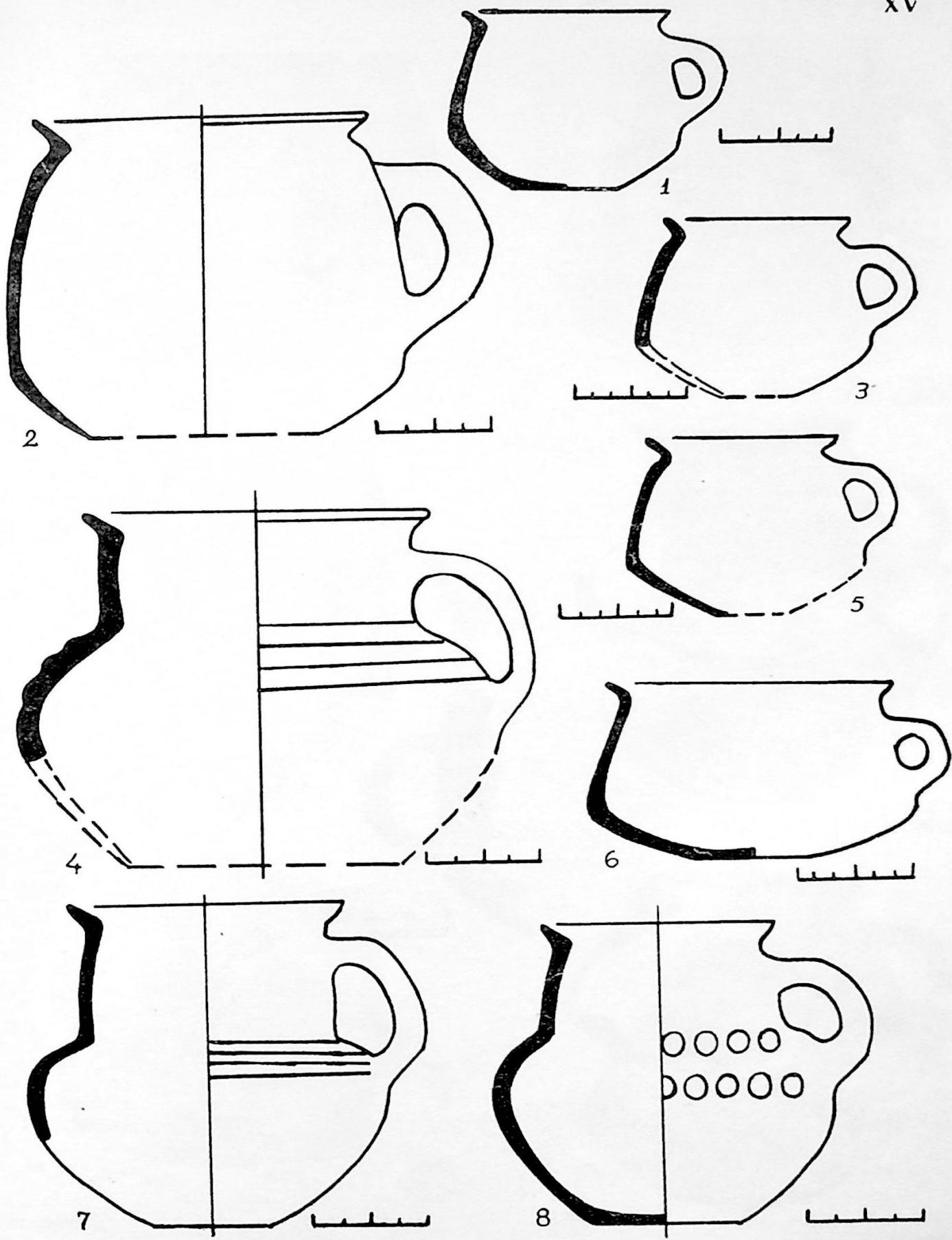
2

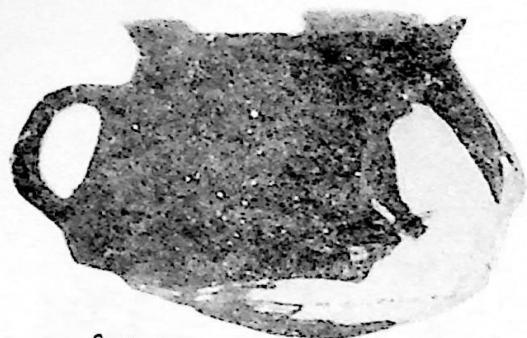


3



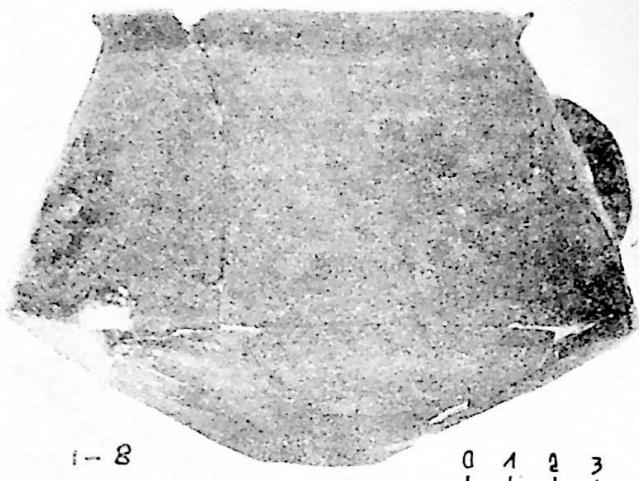






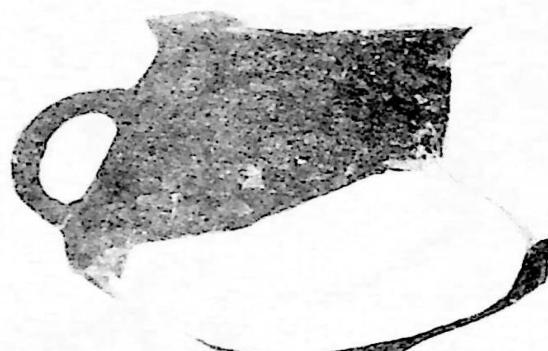
0 1 2 3

1-9



0 1 2 3

1-8



0 1 2 3

1-2



1-30

0 1 2 3



0 1 2 3

1-45



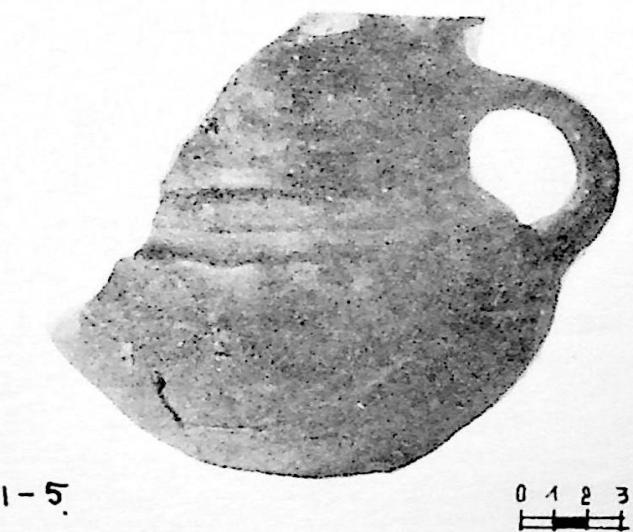
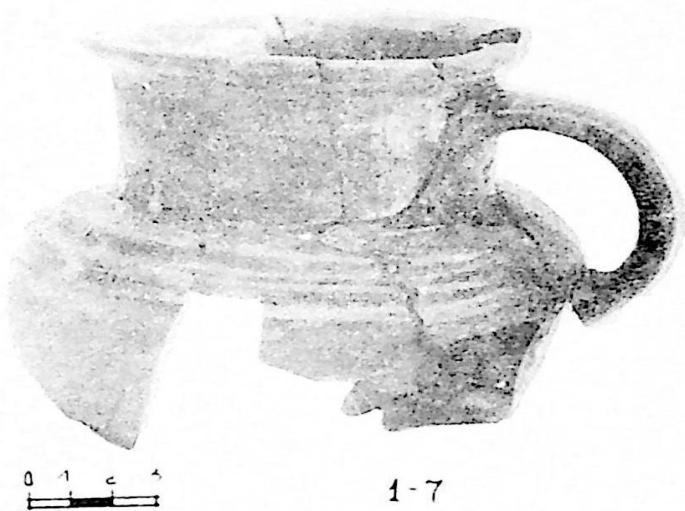
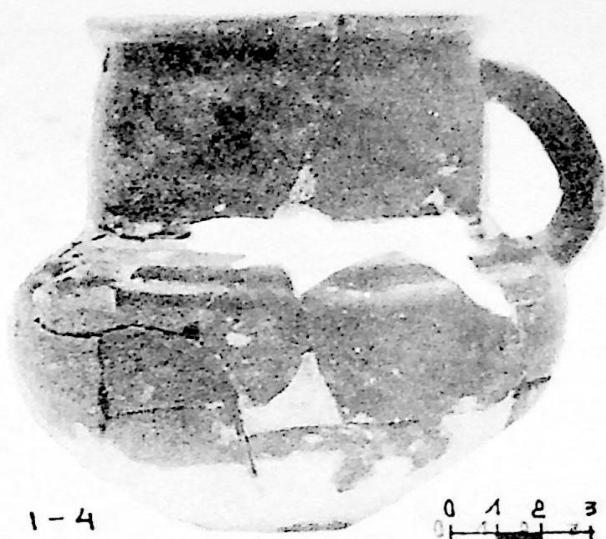
0 1 2 3

1-10



0 1 2 3

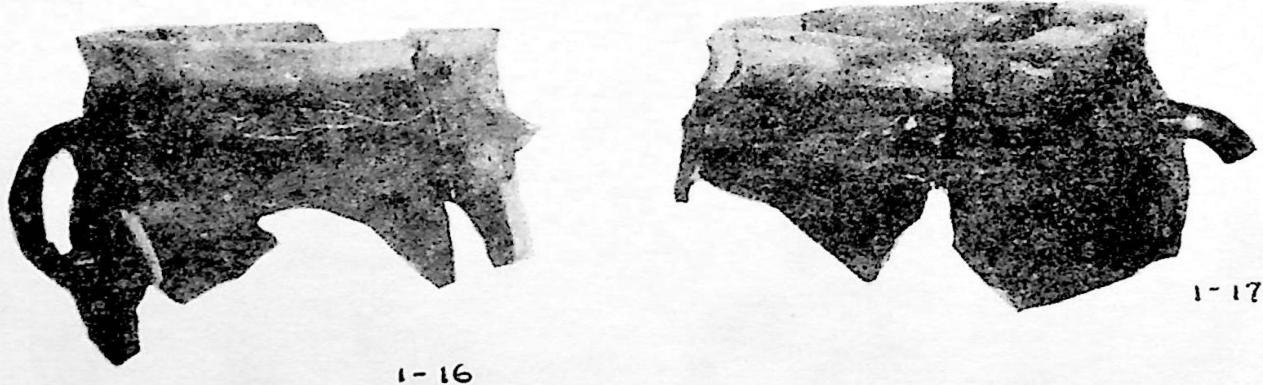
1-31



XVIII



I-13

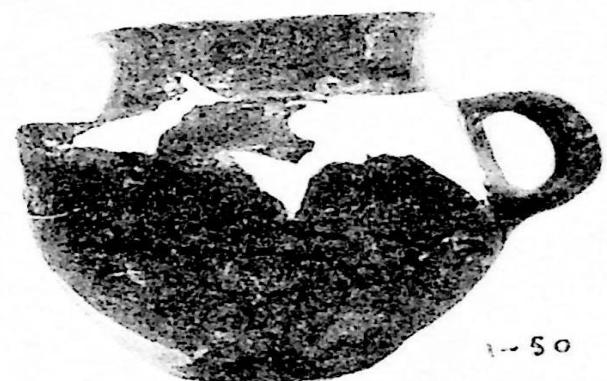


I-16

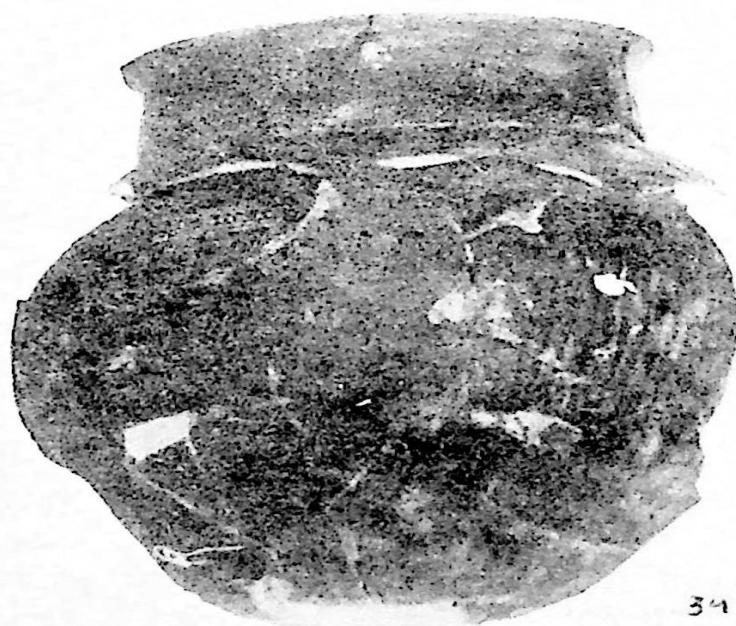
I-17



1-49



1-50



34



1-50

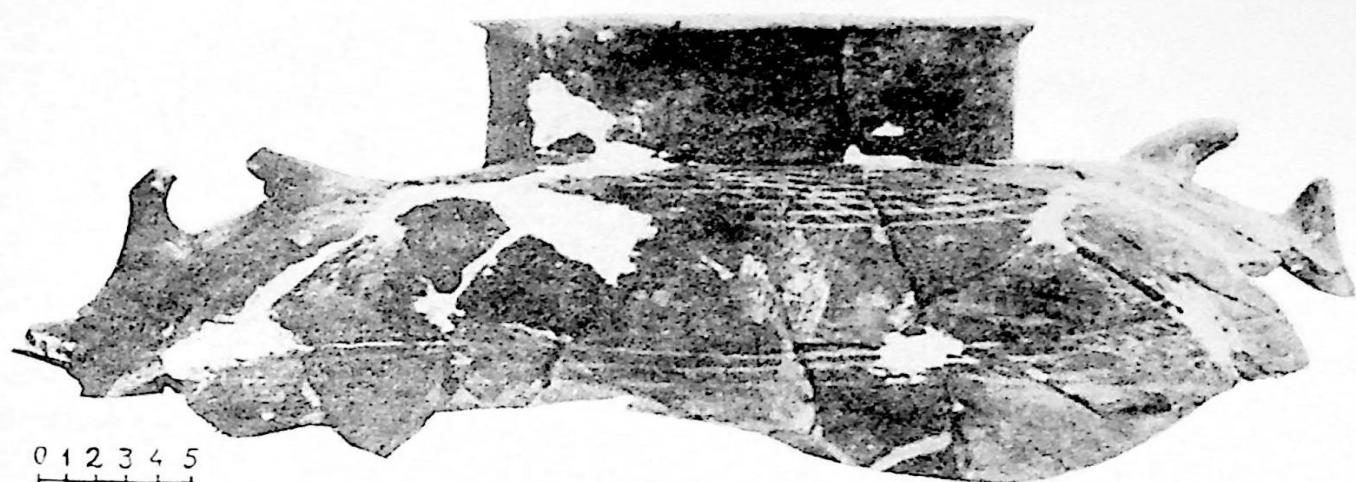
XX



1-19

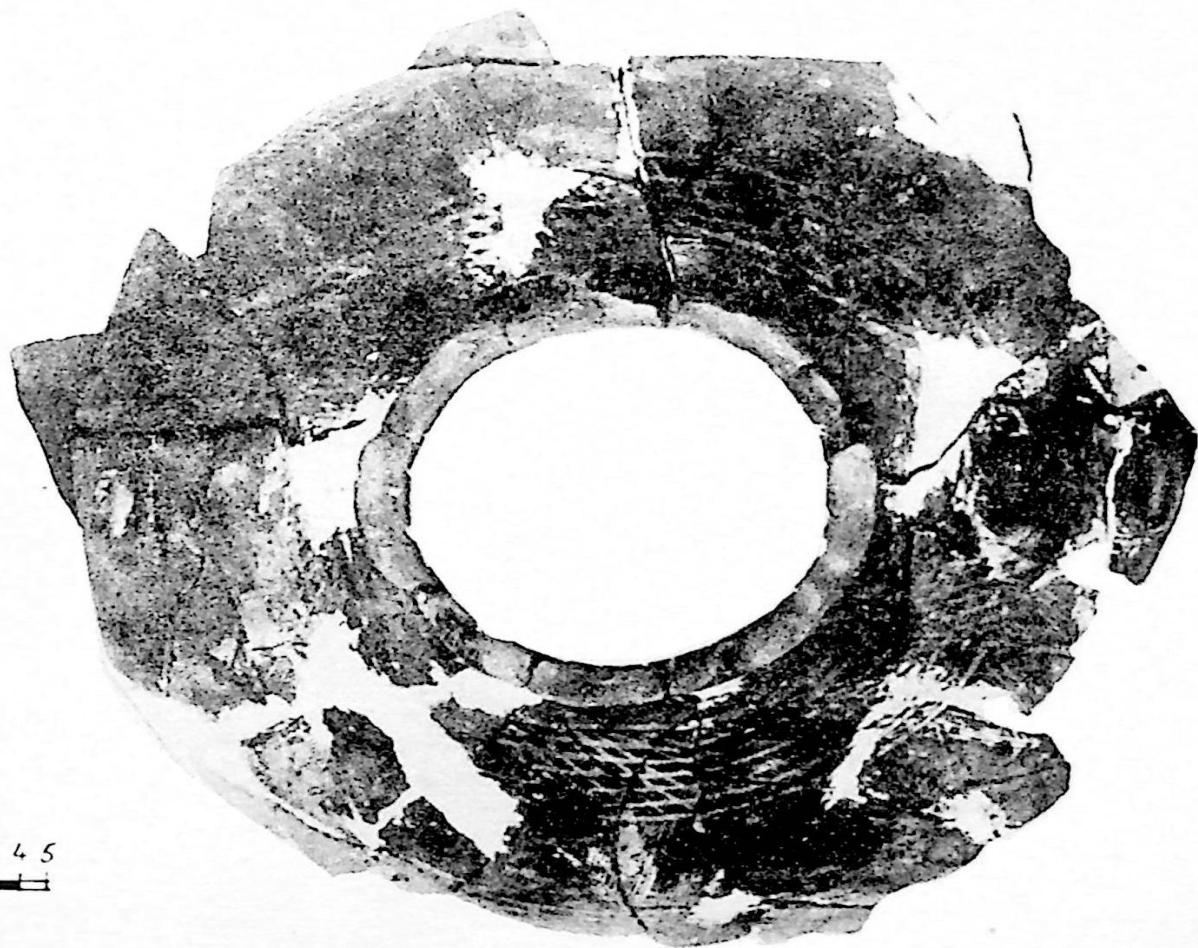


1-22



0 1 2 3 4 5

1-20

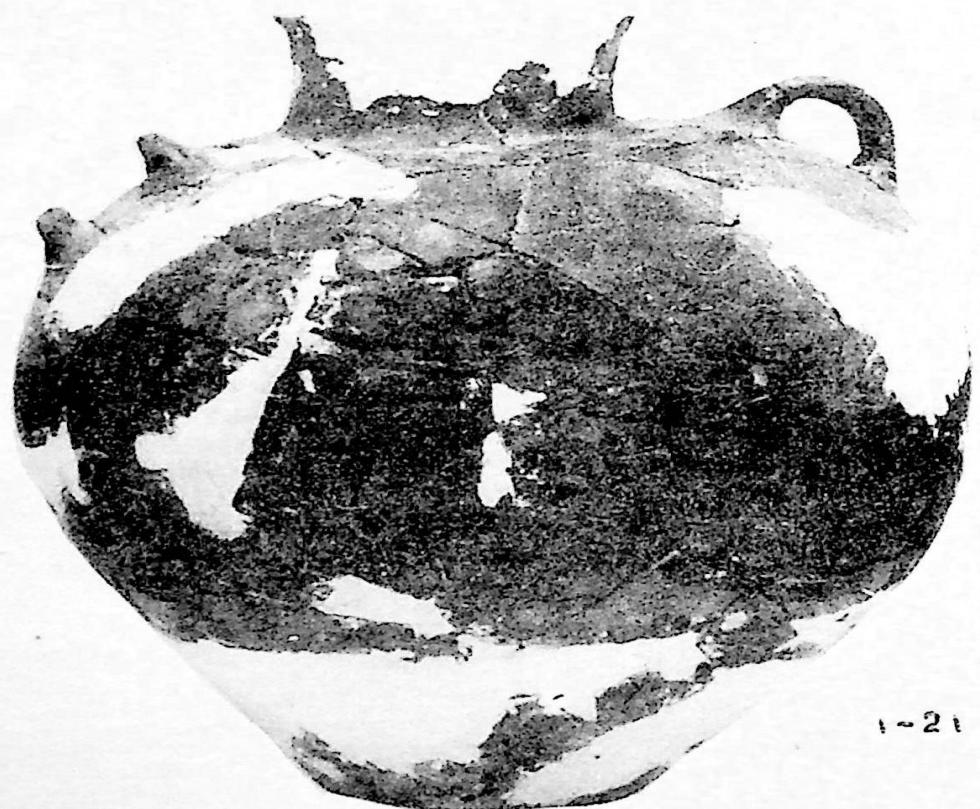


0 1 2 3 4 5

XXII



1-40

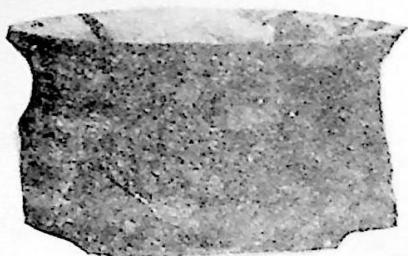


1-21



1-23

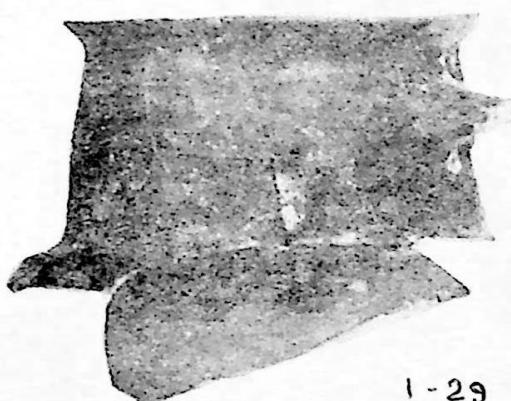
XXIV



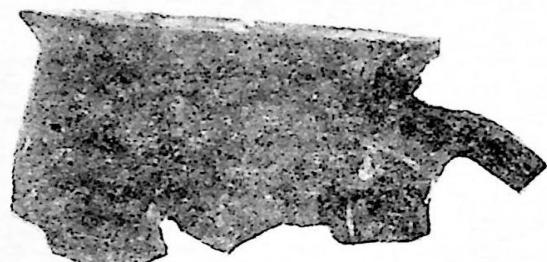
1-26



1-36



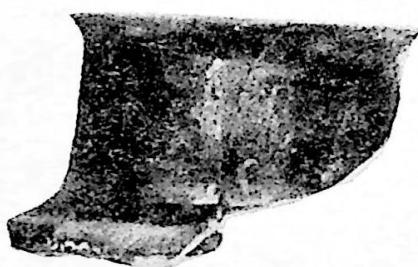
1-29



1-48



1-33



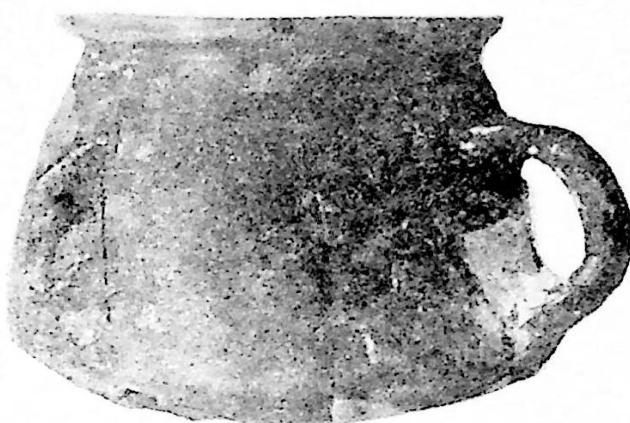
1-27



1-53



1-53₂



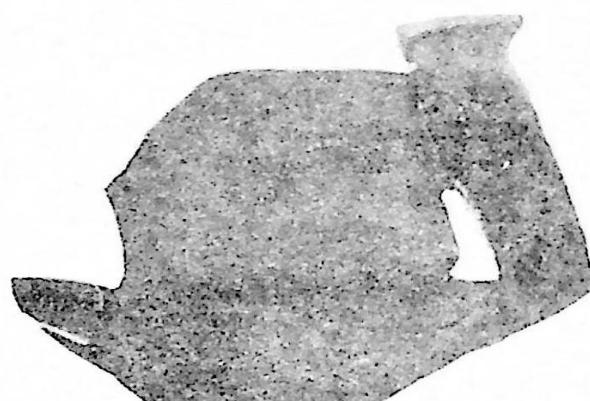
I-3



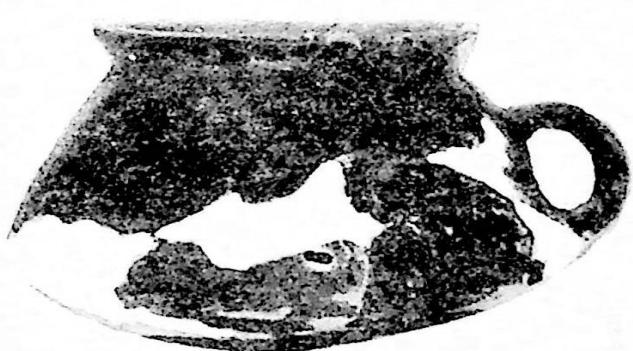
I-6



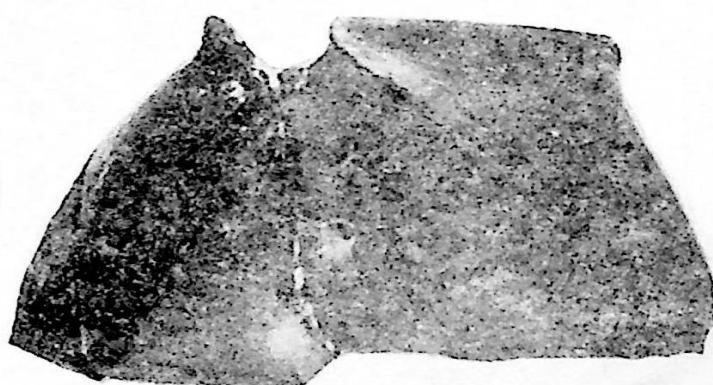
I-5



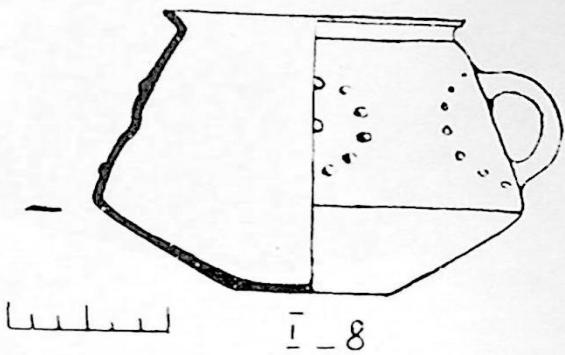
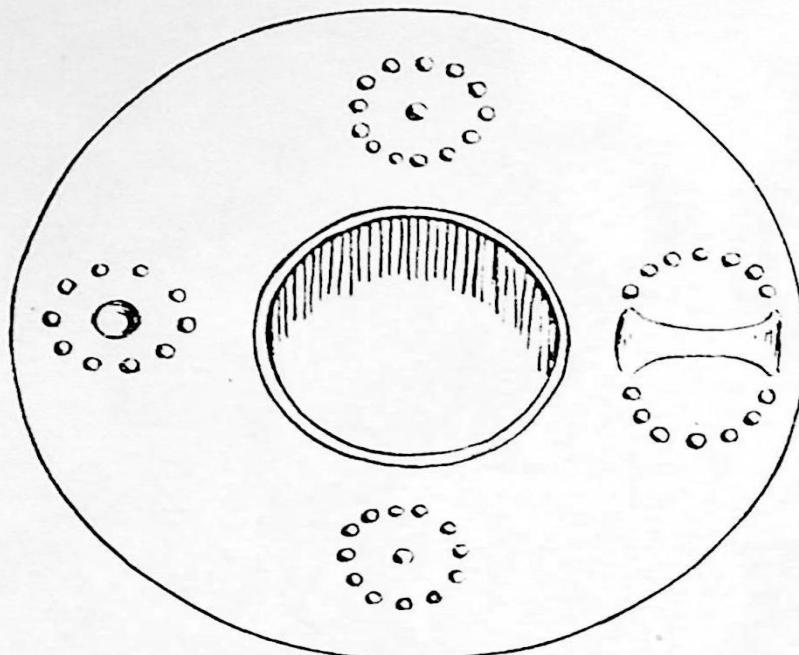
I-32



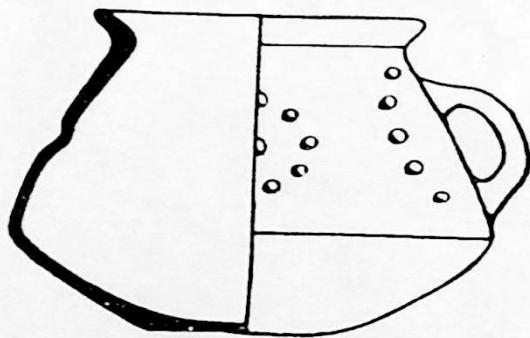
I-49



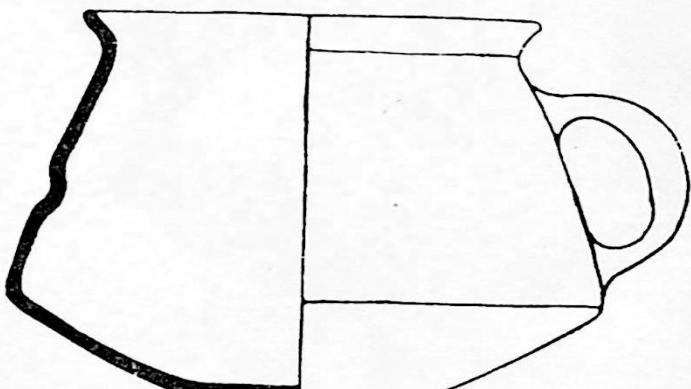
I-51



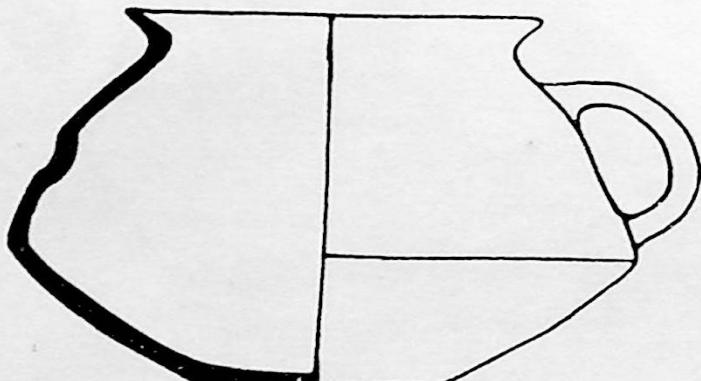
I - 8



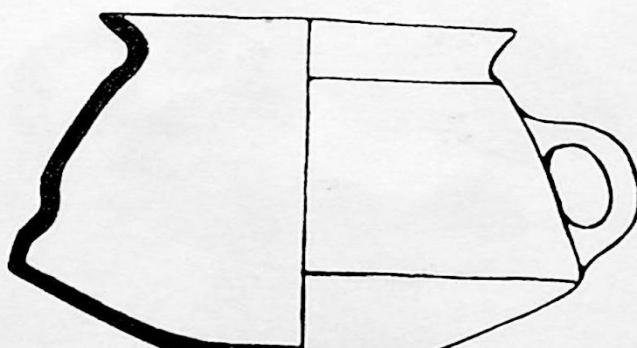
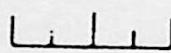
I - 30



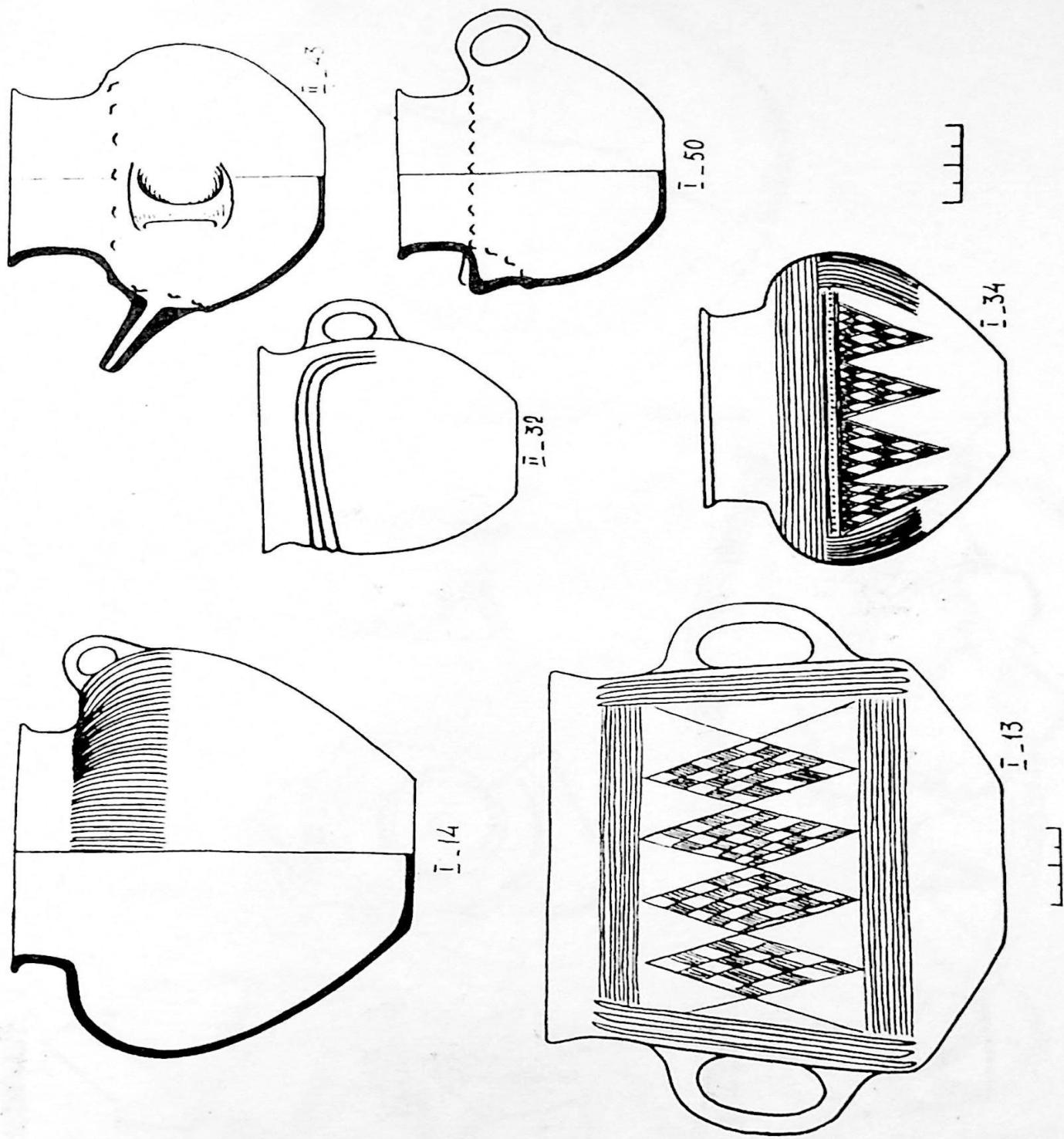
I - 9

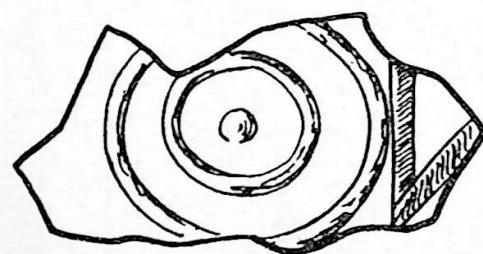
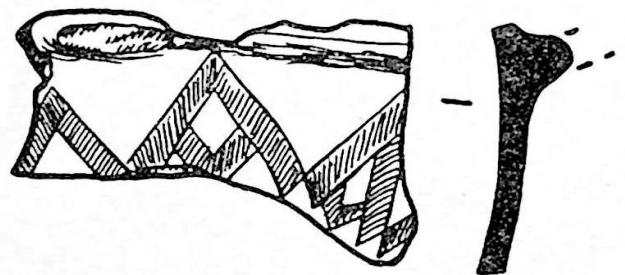
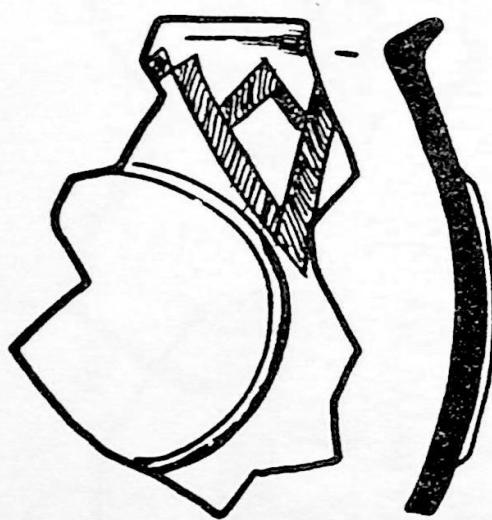
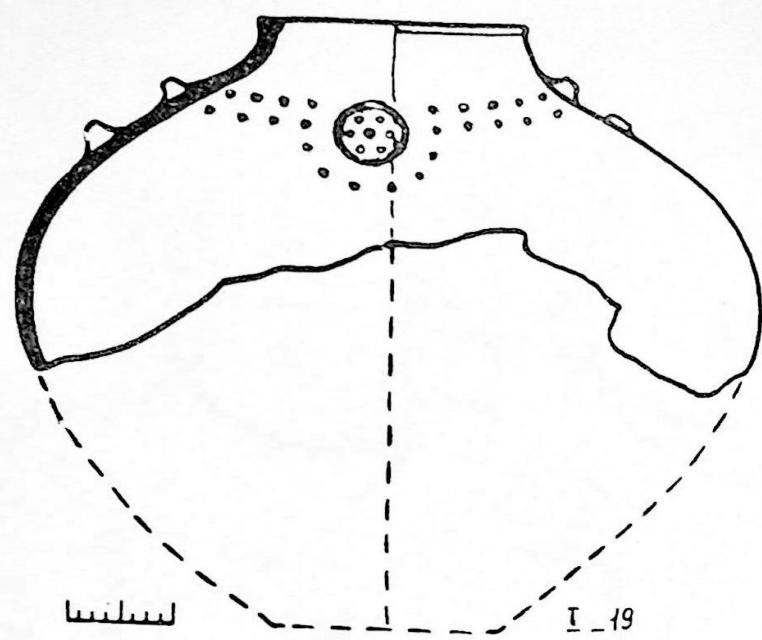


I - 10

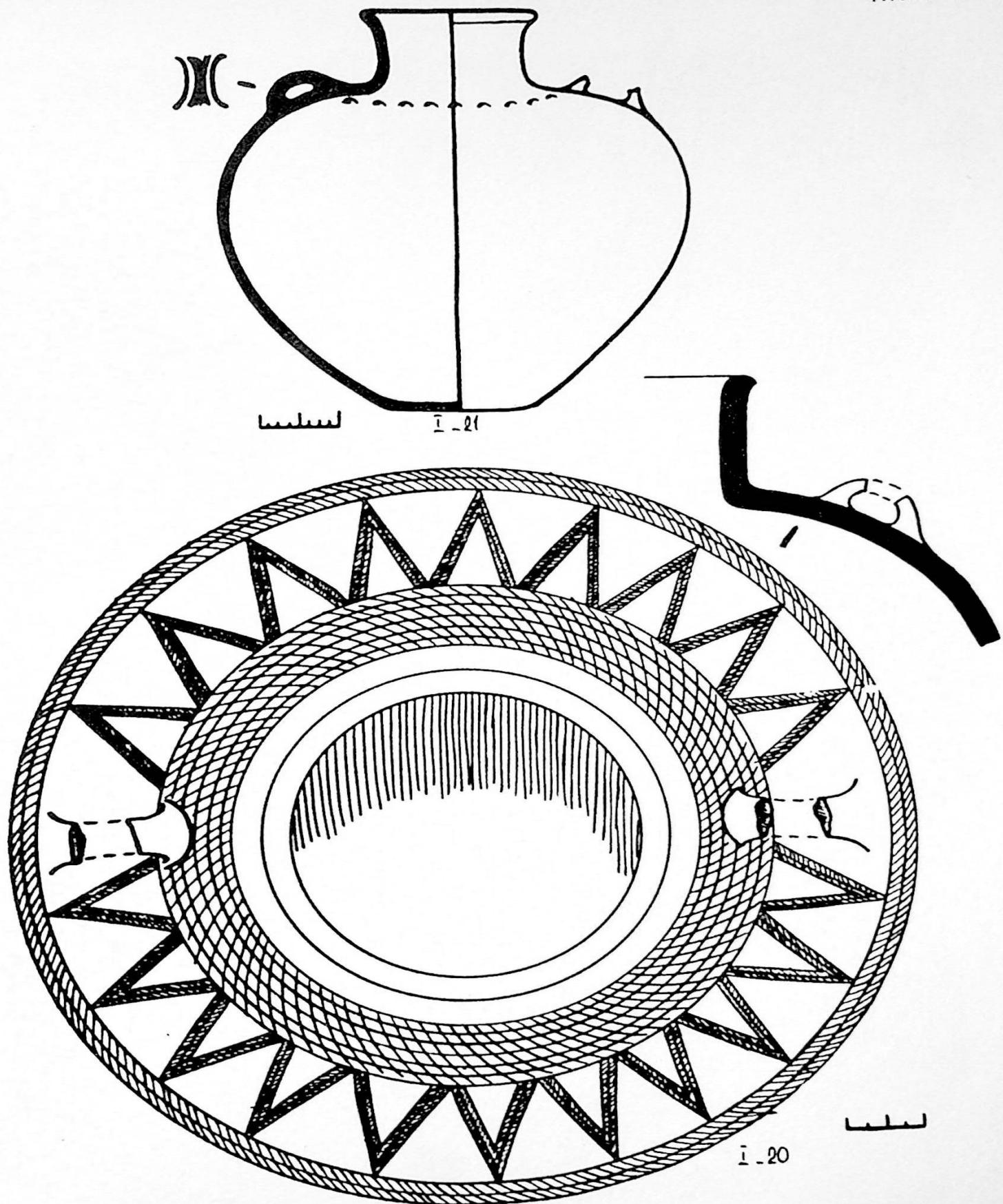


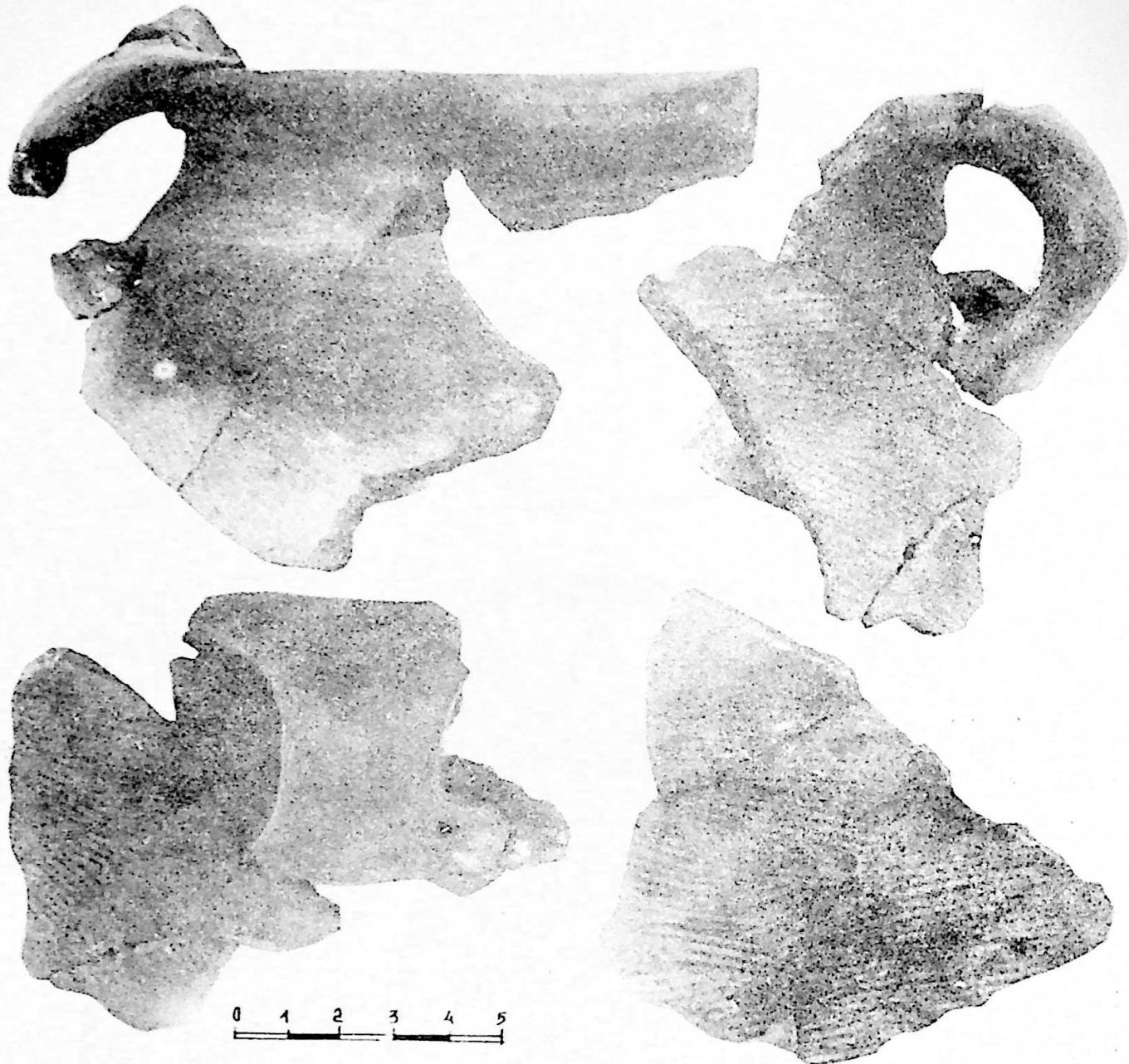
I - 49



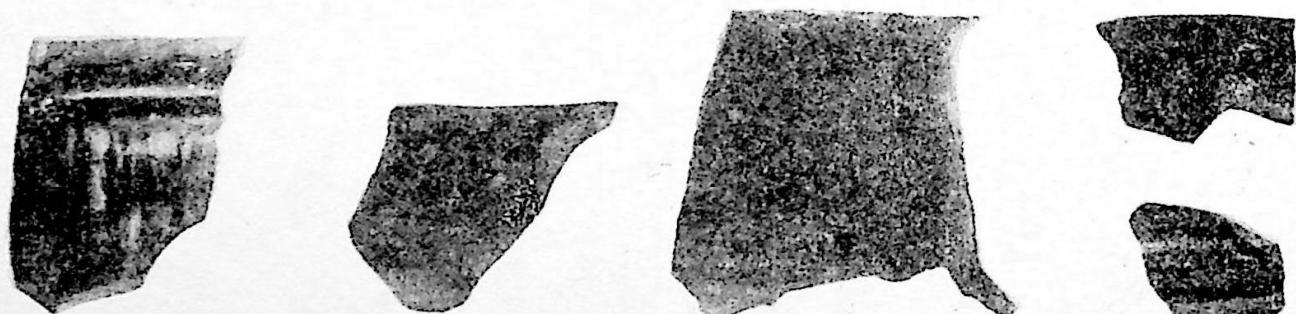


■ ■ ■





0 1 2 3 4 5



0 1 2 3 4 5



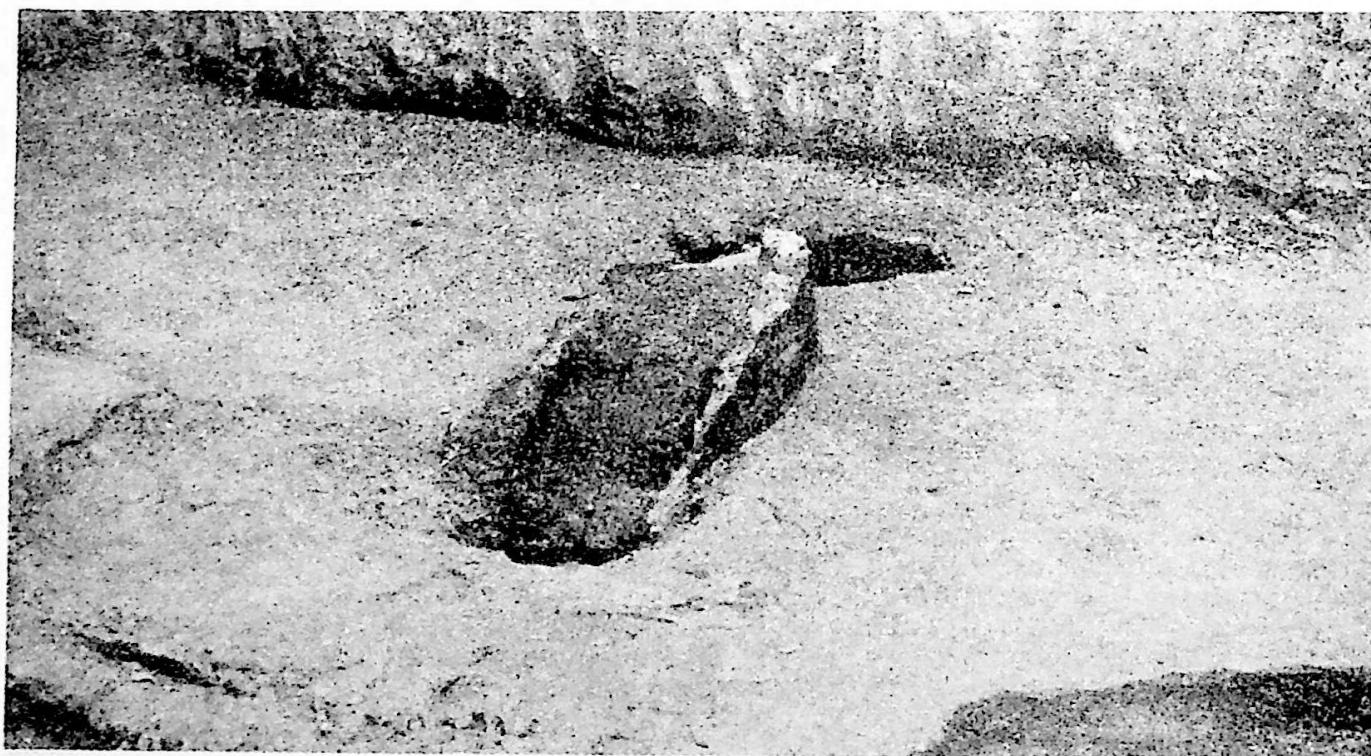
1

2

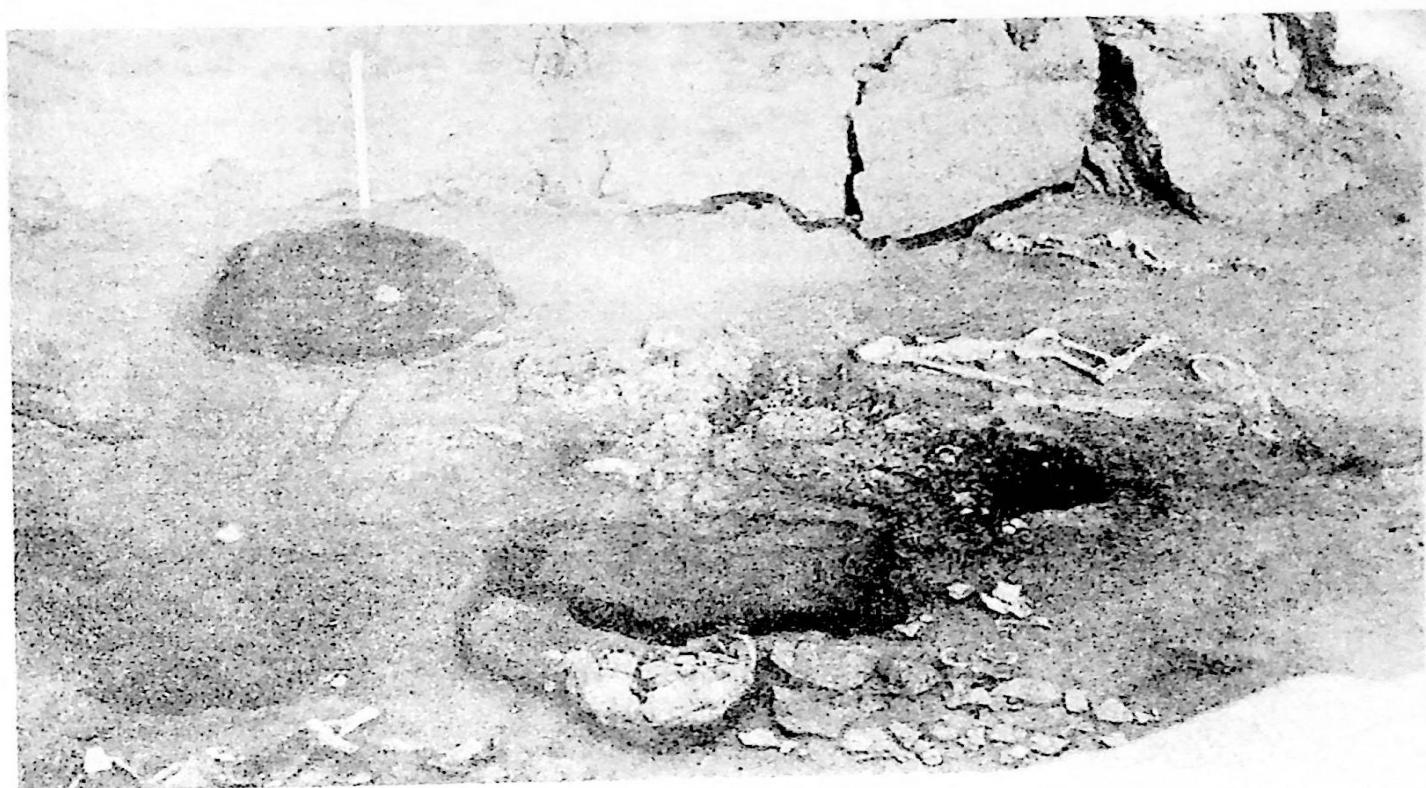




1

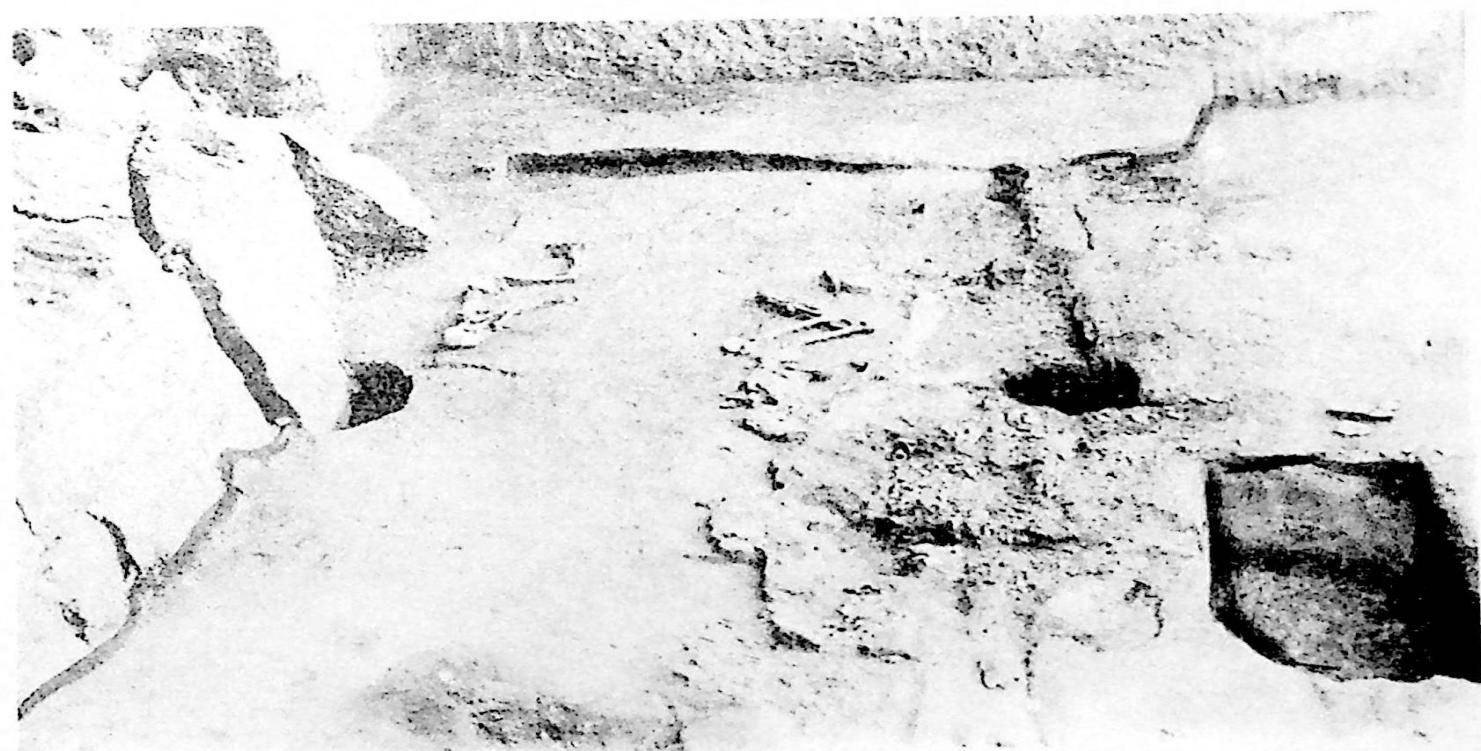


2



1

2





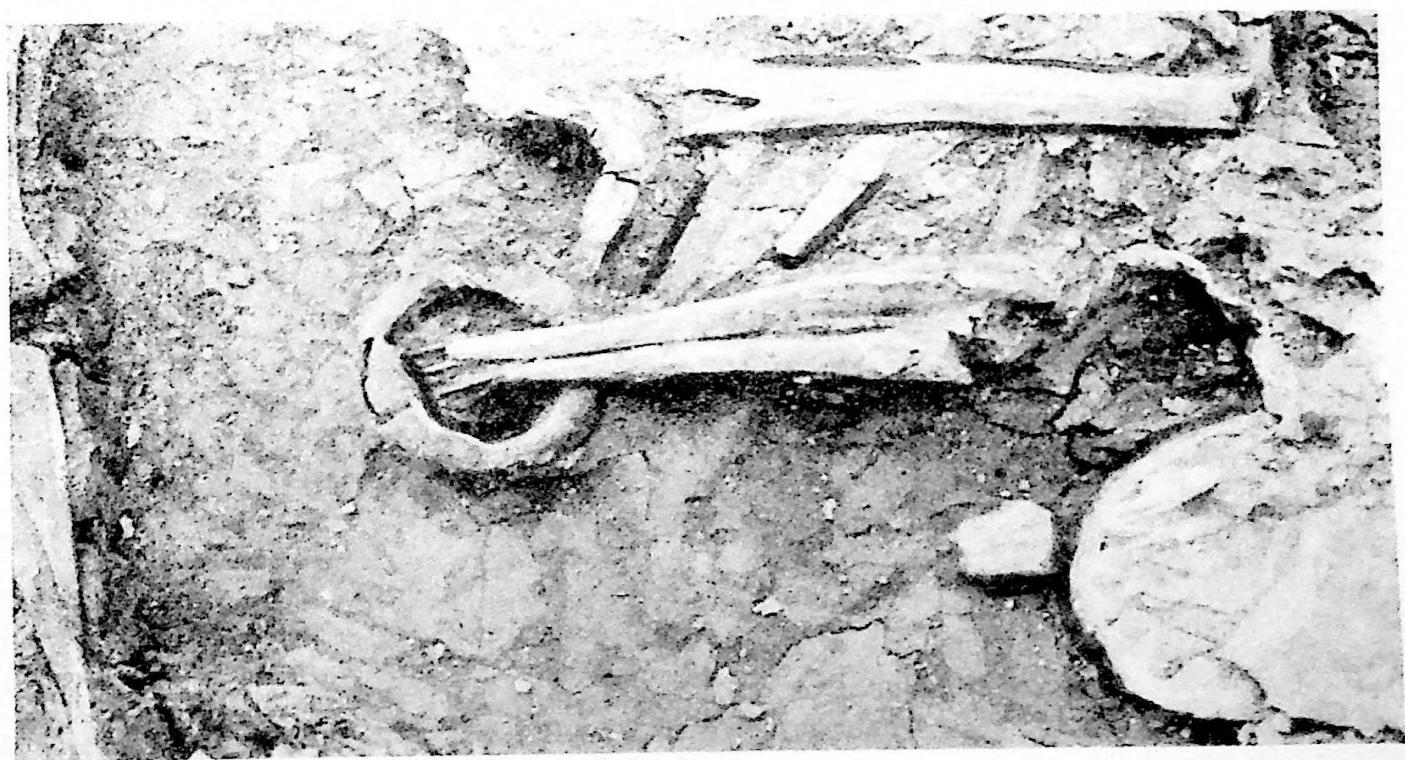
1



2



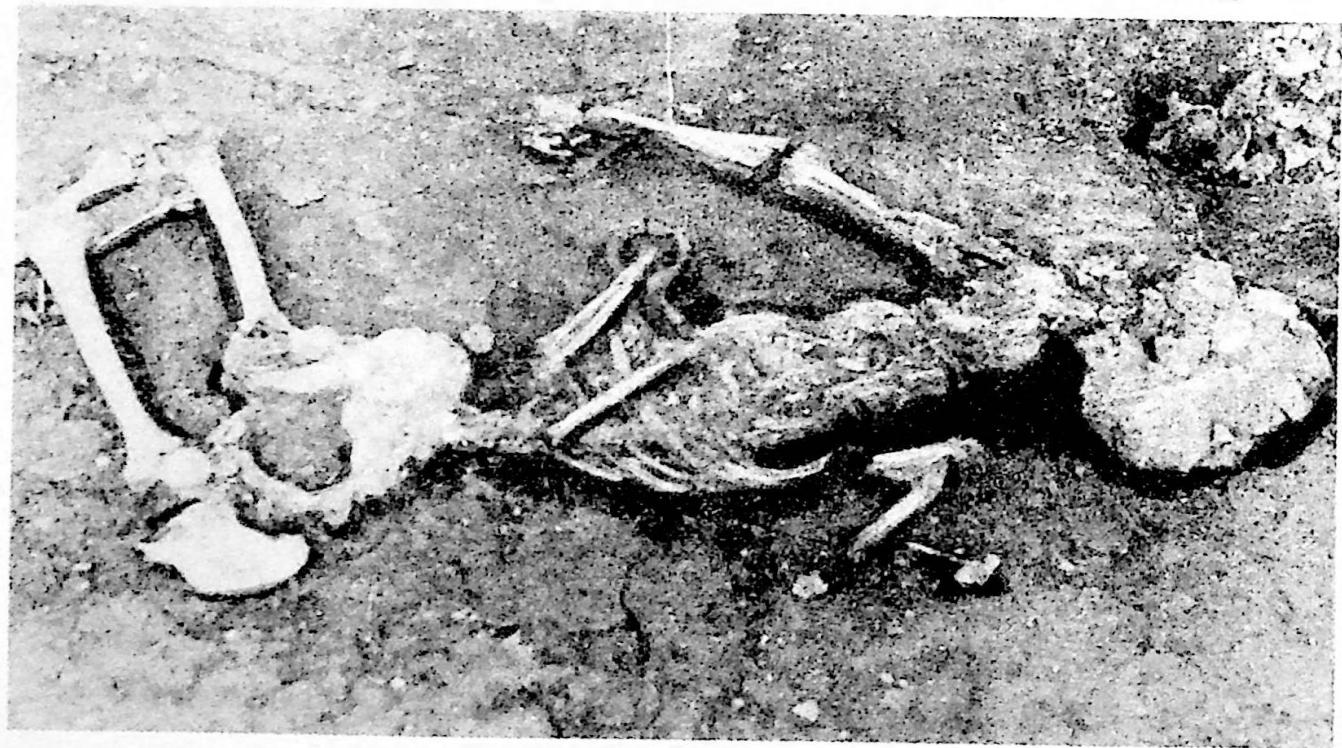
1



2



1

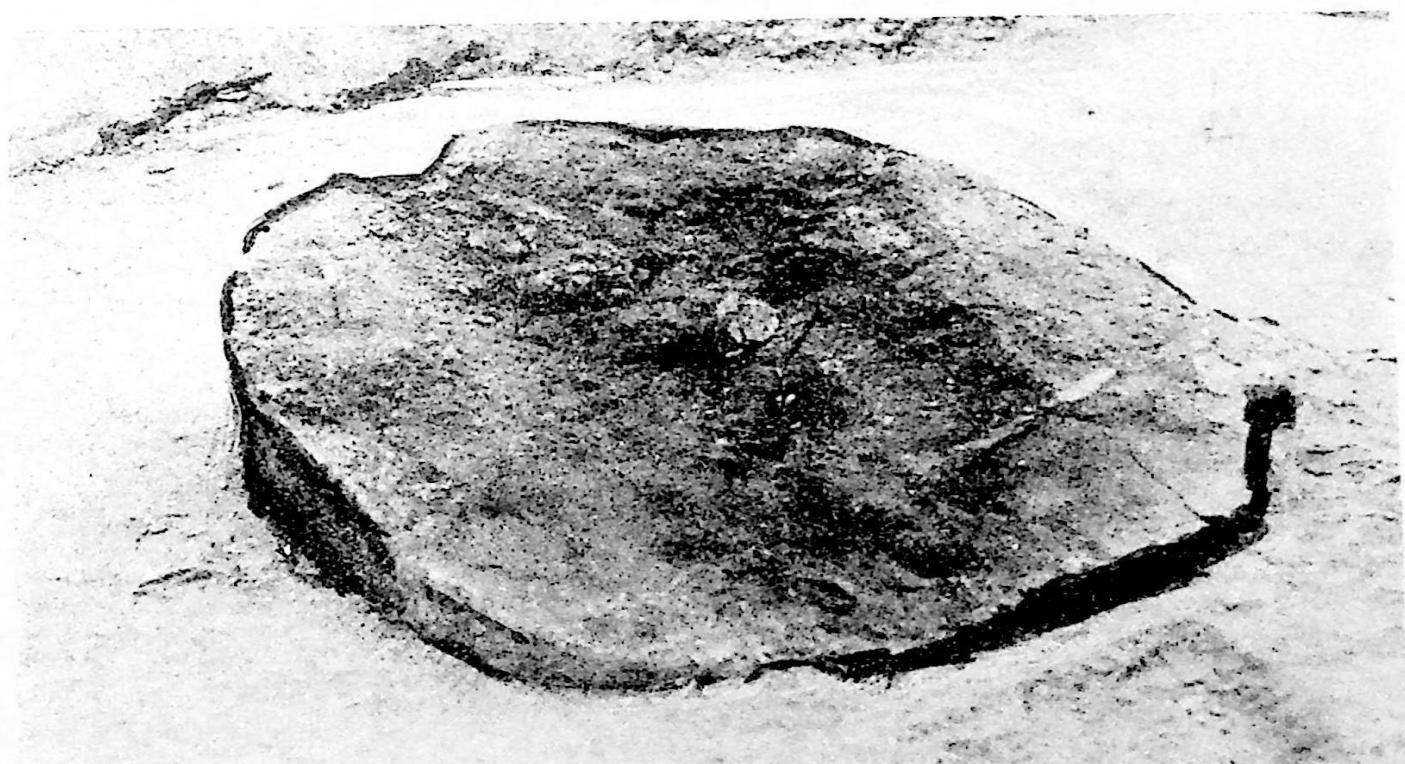


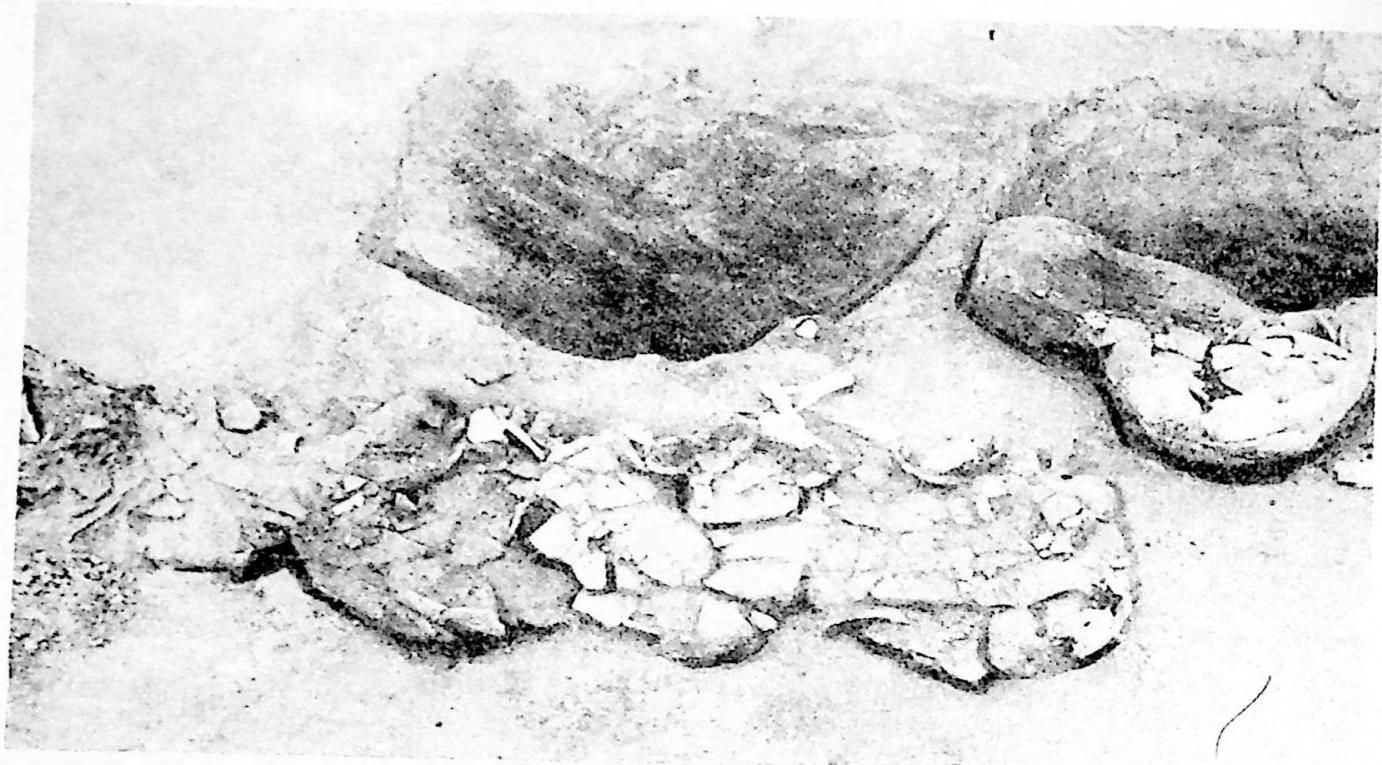
2



1

2

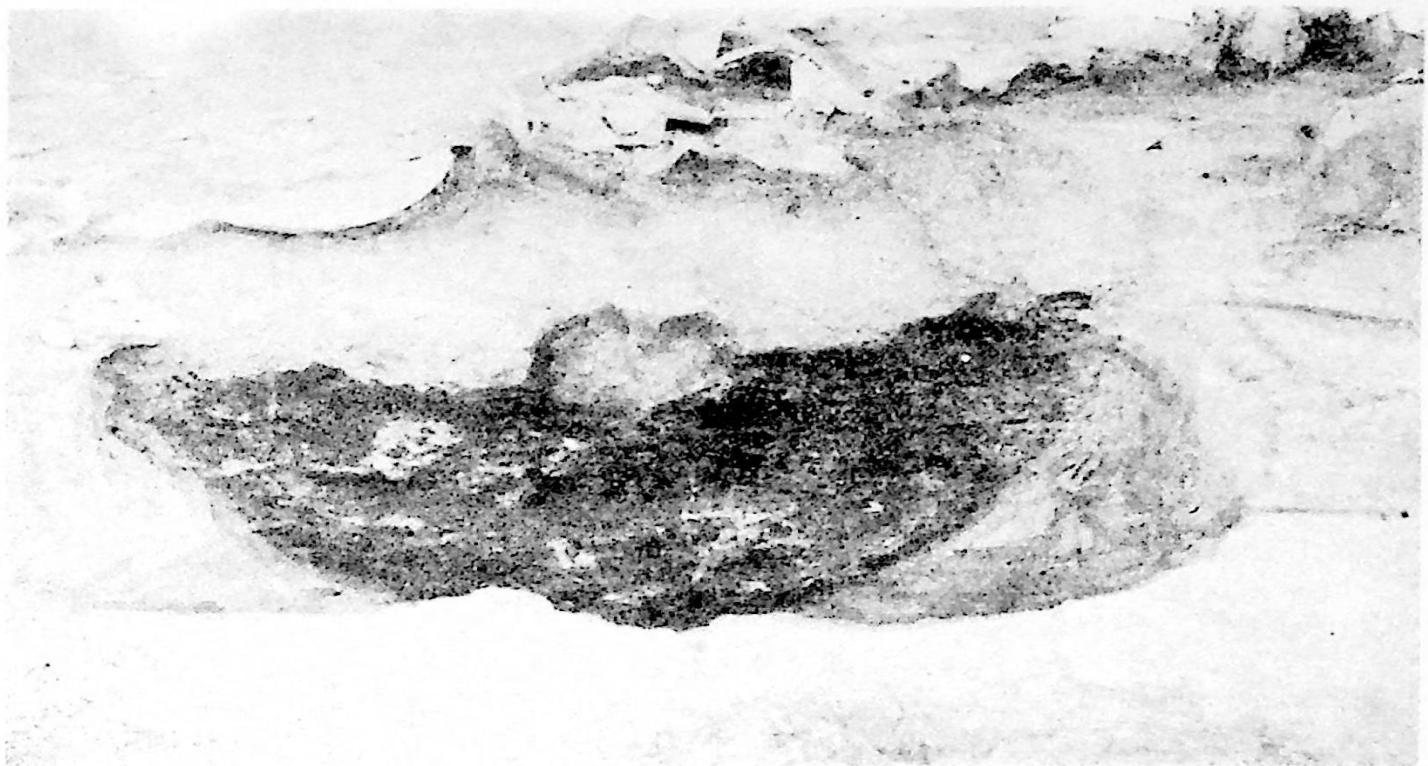




1

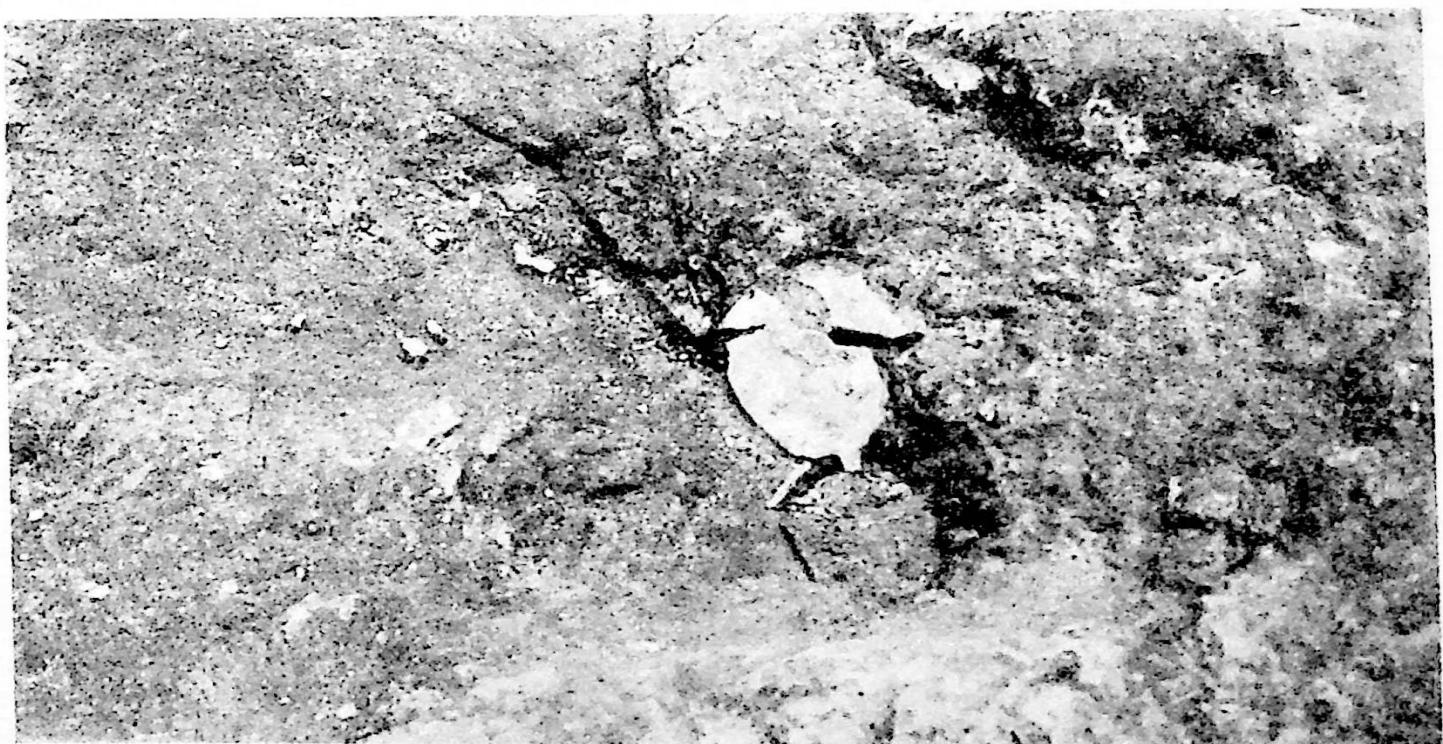


2



1

2



XL



1

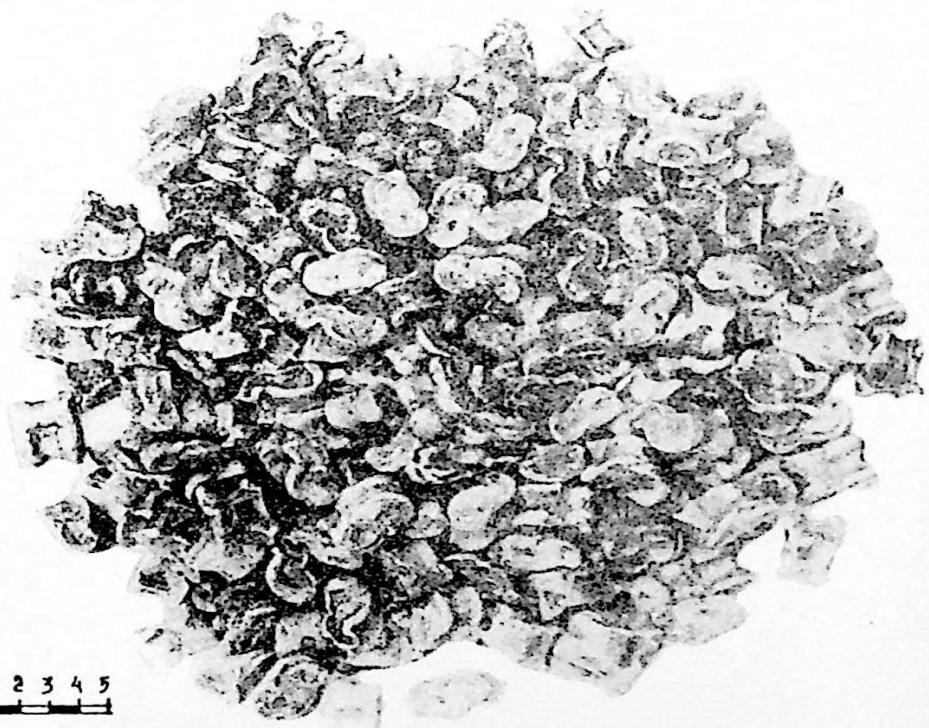
2





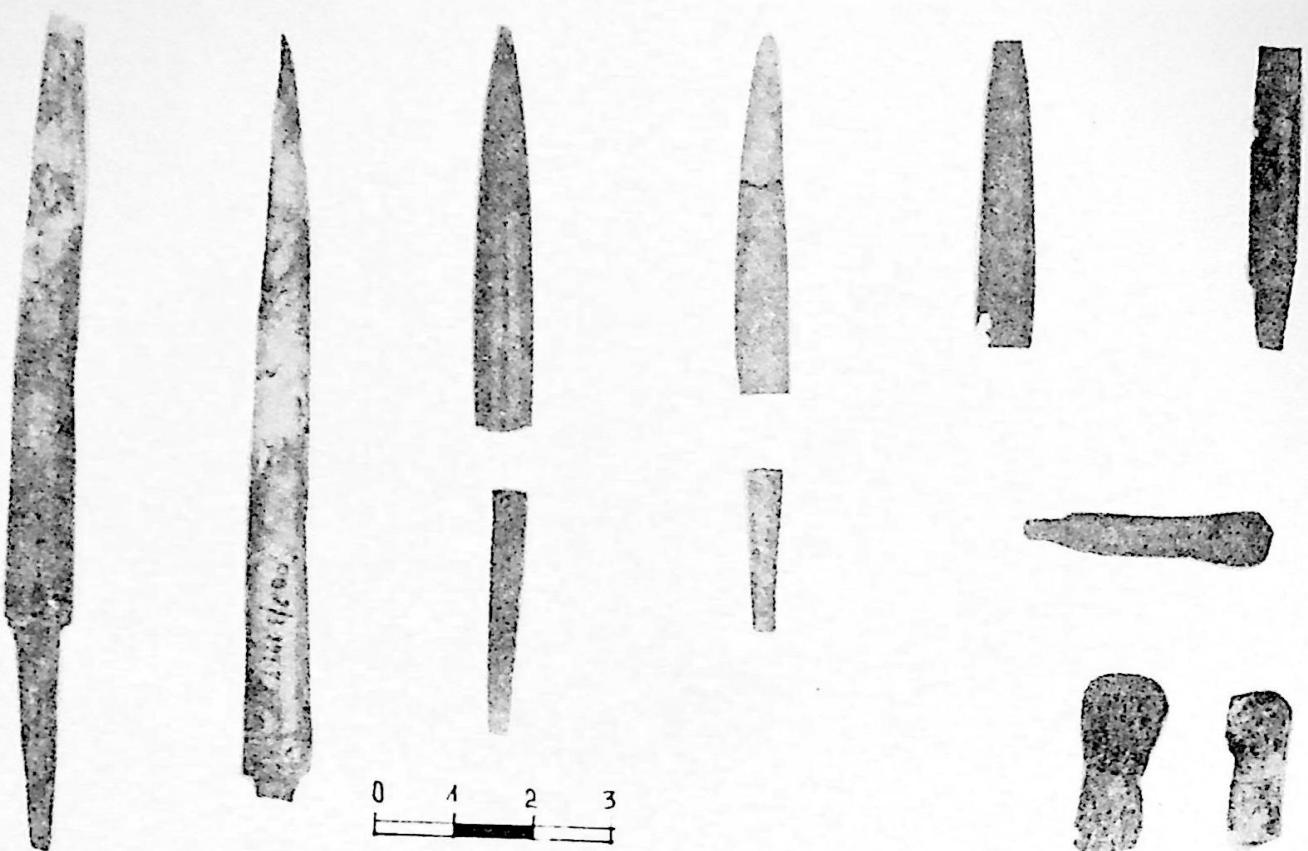
0 1 2 3

1

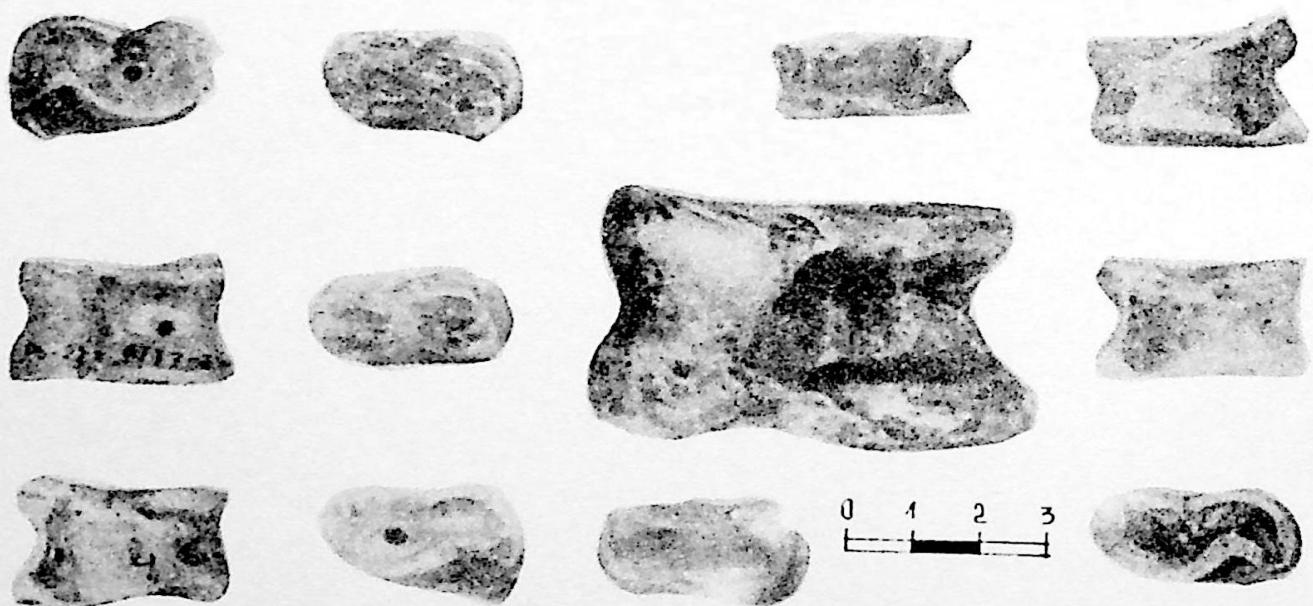


0 1 2 3 4 5

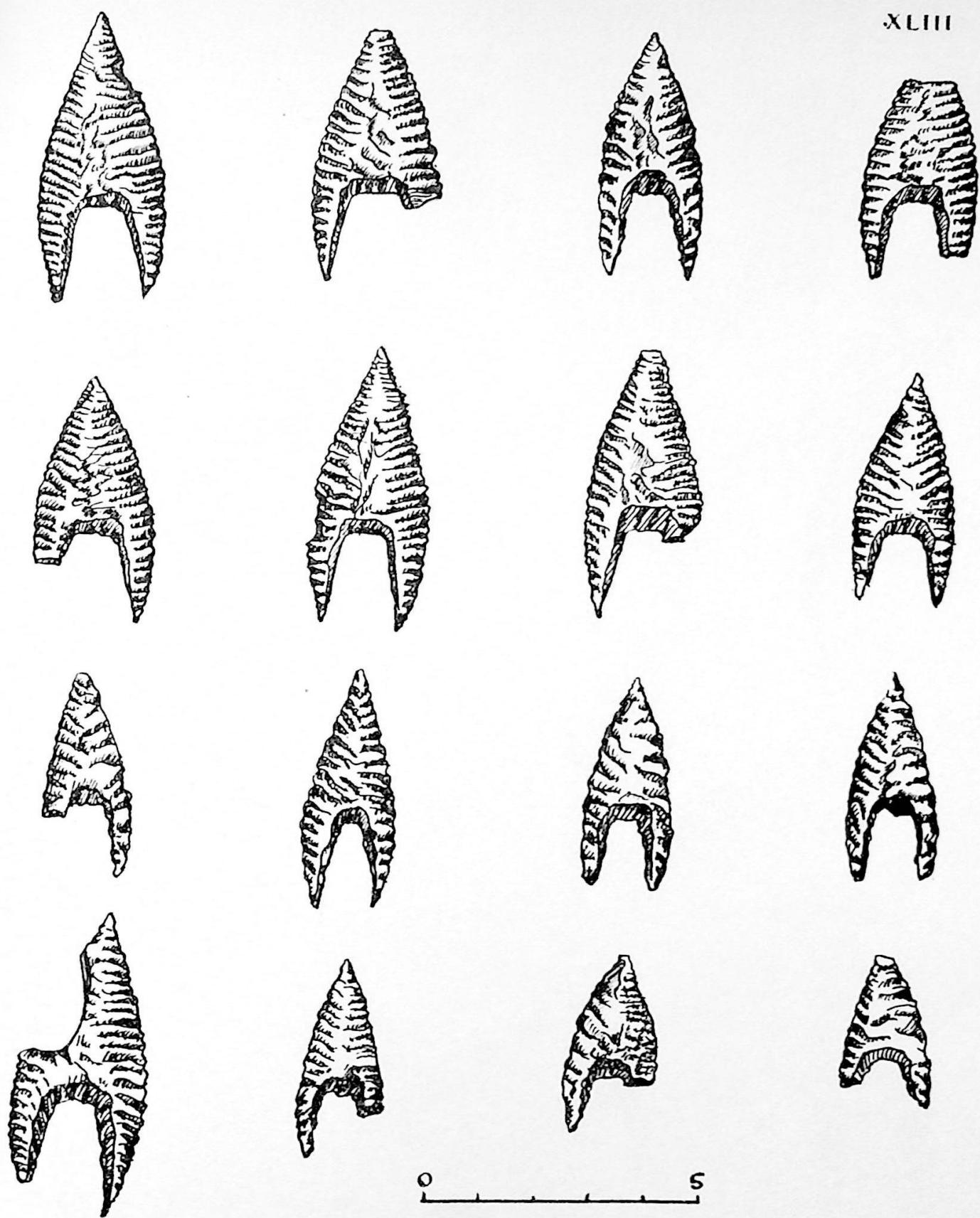
2

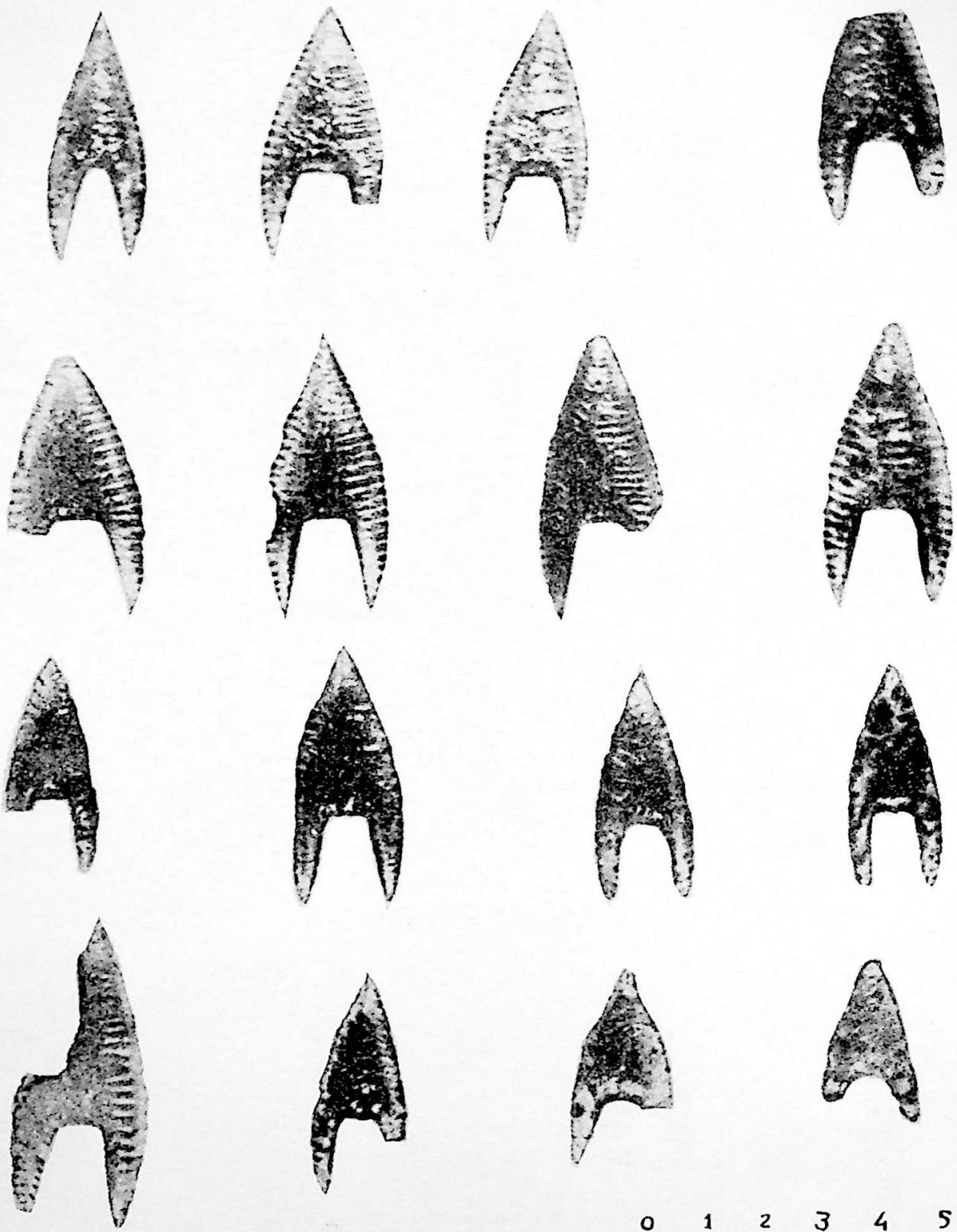


1

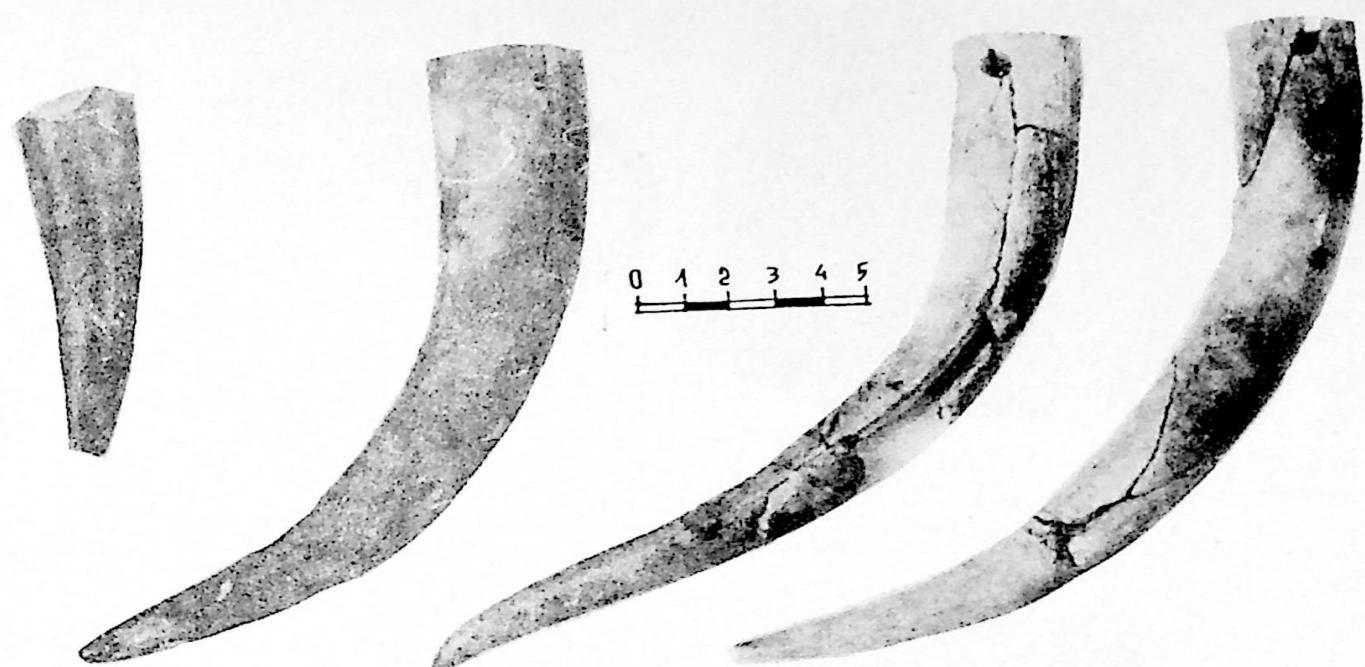


2

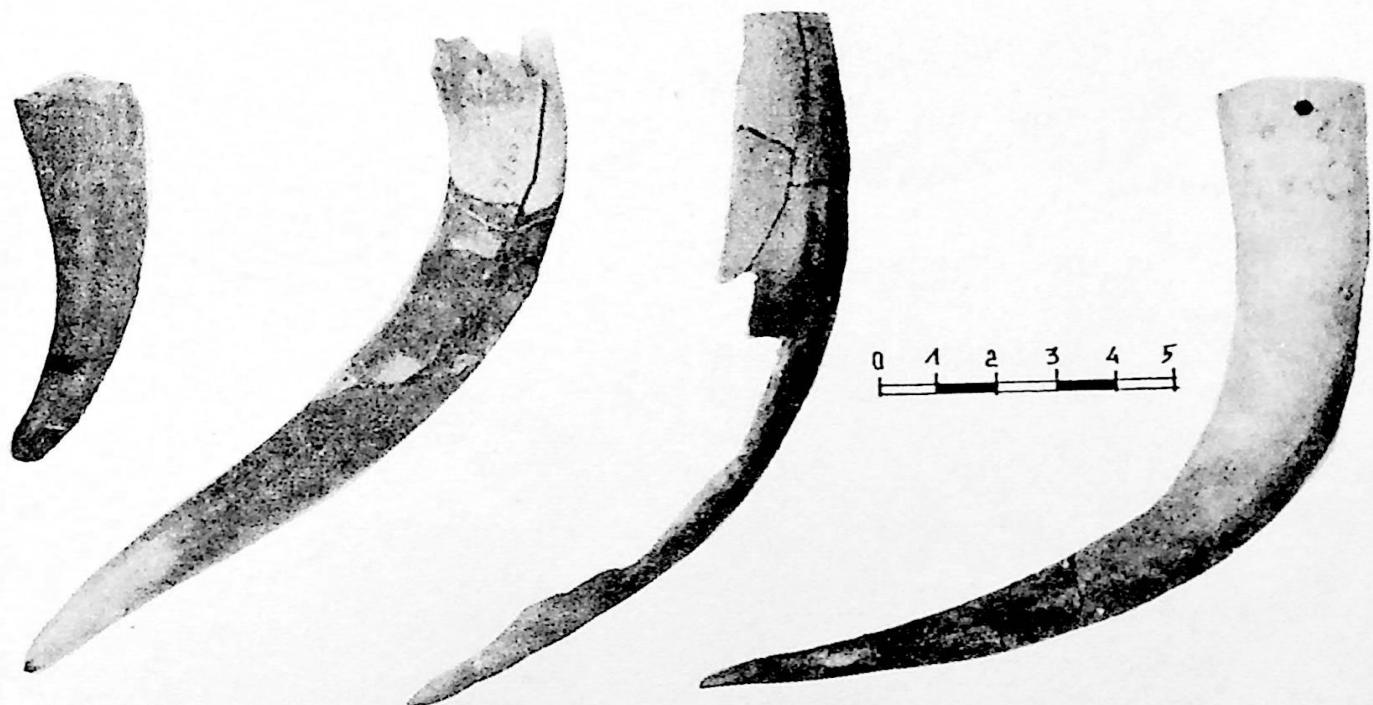




0 1 2 3 4 5



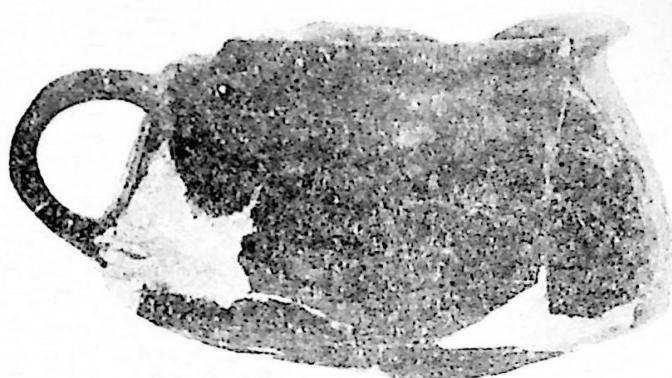
II - 83





0 1 2 3 4

11-38



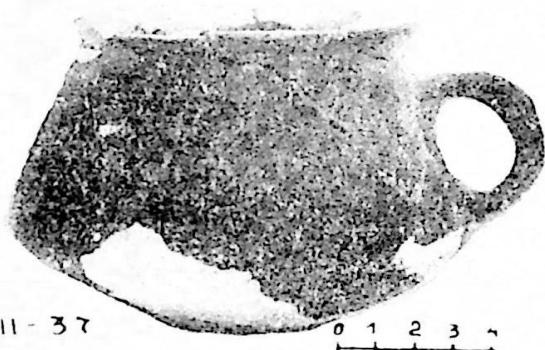
11-26

0 1 2 3 4



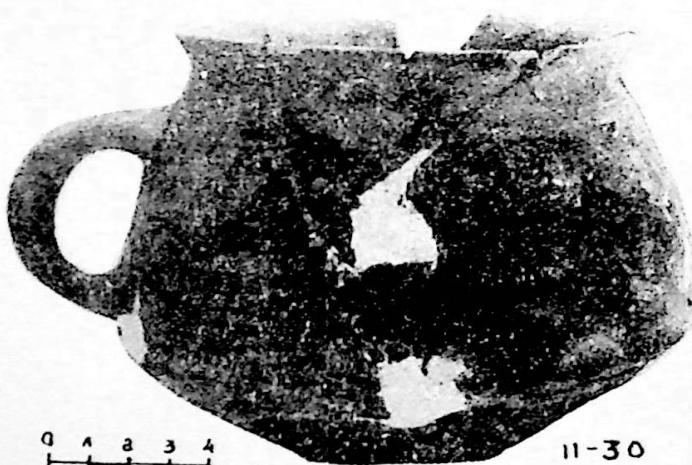
0 1 2 3 4

11-42



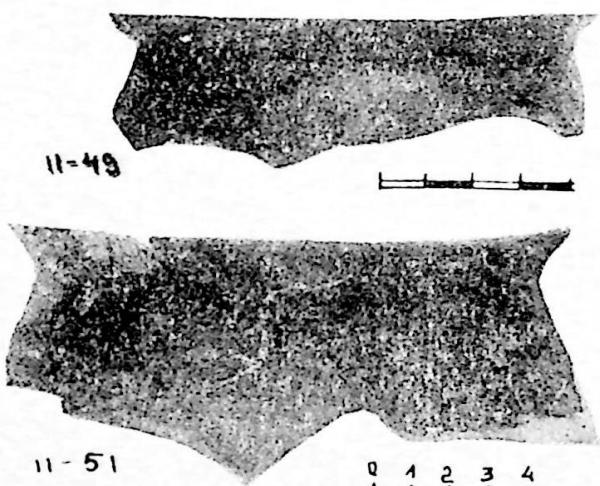
11-37

0 1 2 3 4



0 1 2 3 4

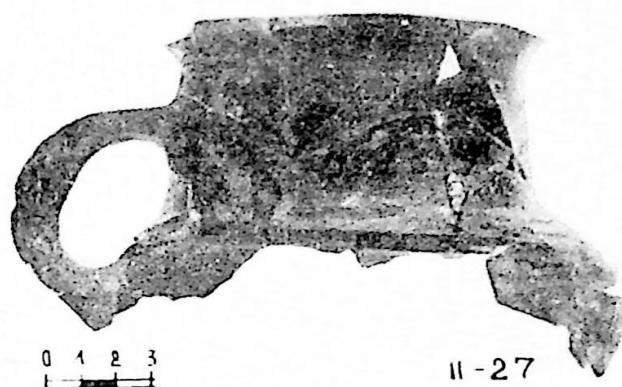
11-30



11-49

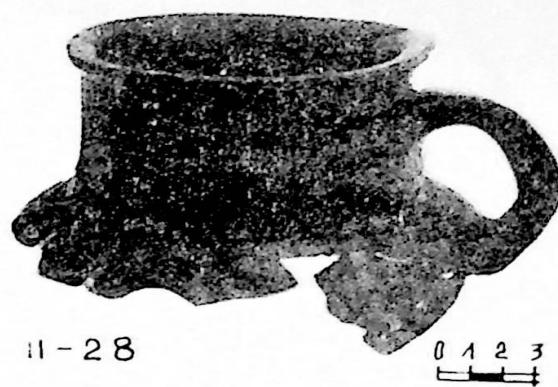
11-51

0 1 2 3 4



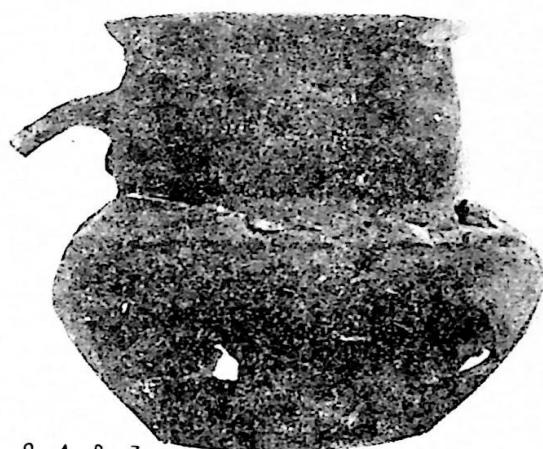
0 1 2 3

II-27



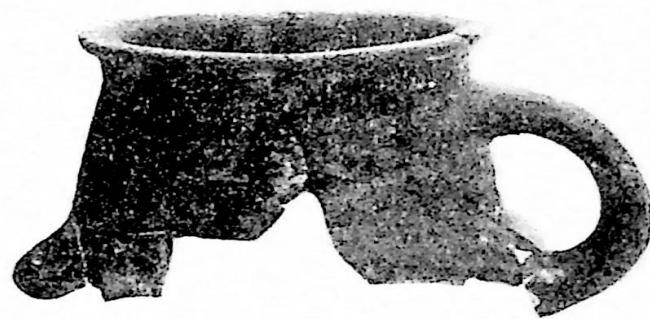
0 1 2 3

II-28



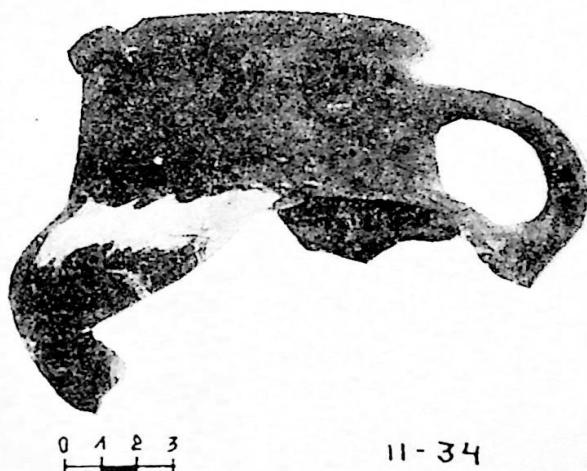
0 1 2 3

II-44



0 1 2 3

II-41



0 1 2 3

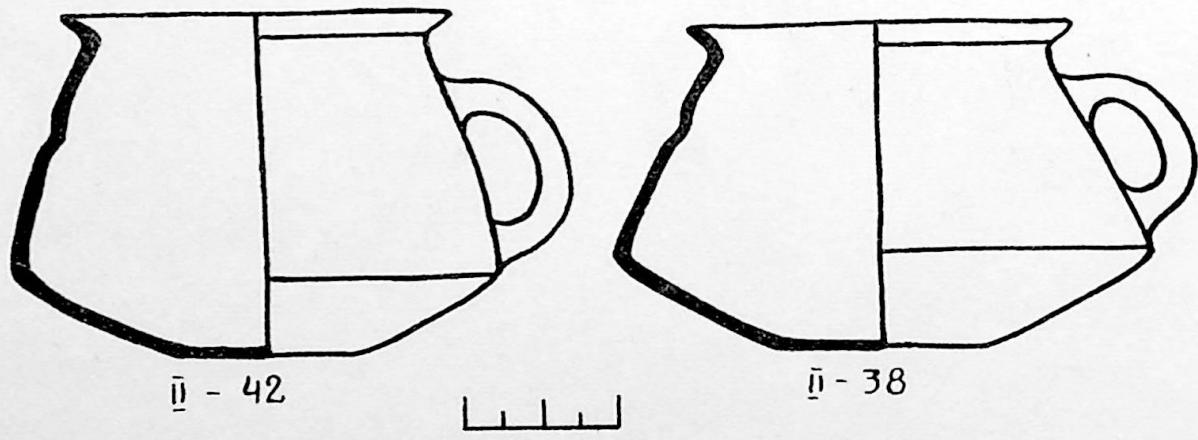
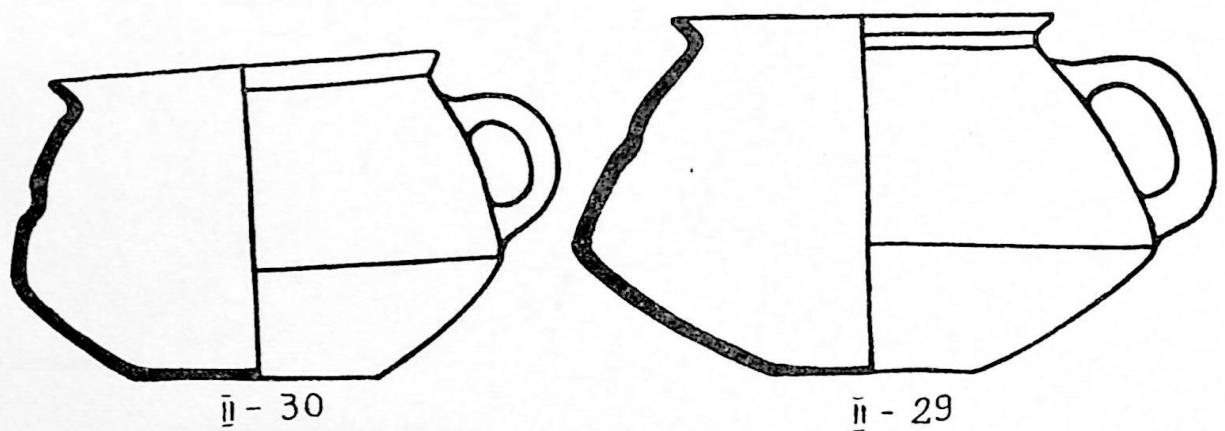
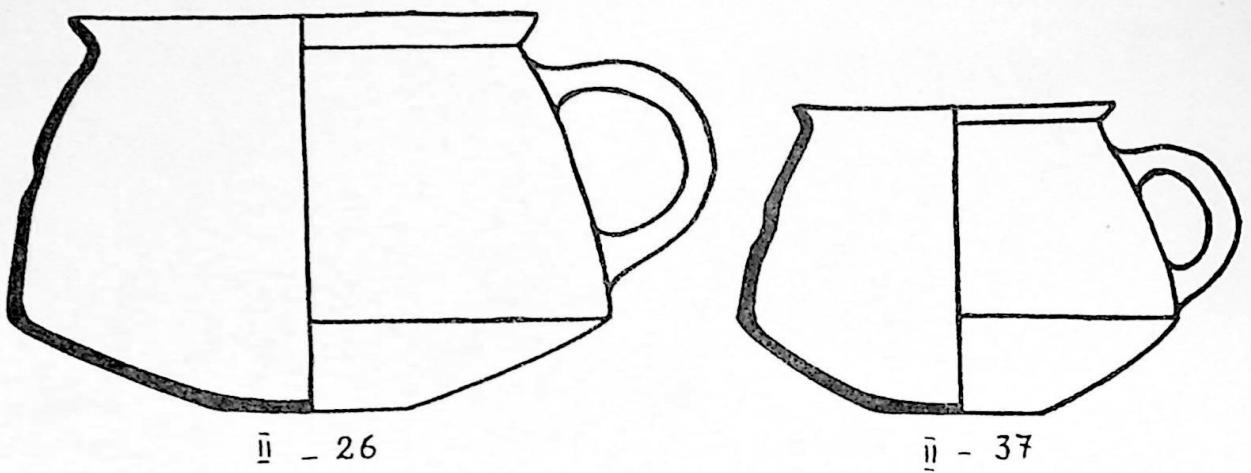
II-34

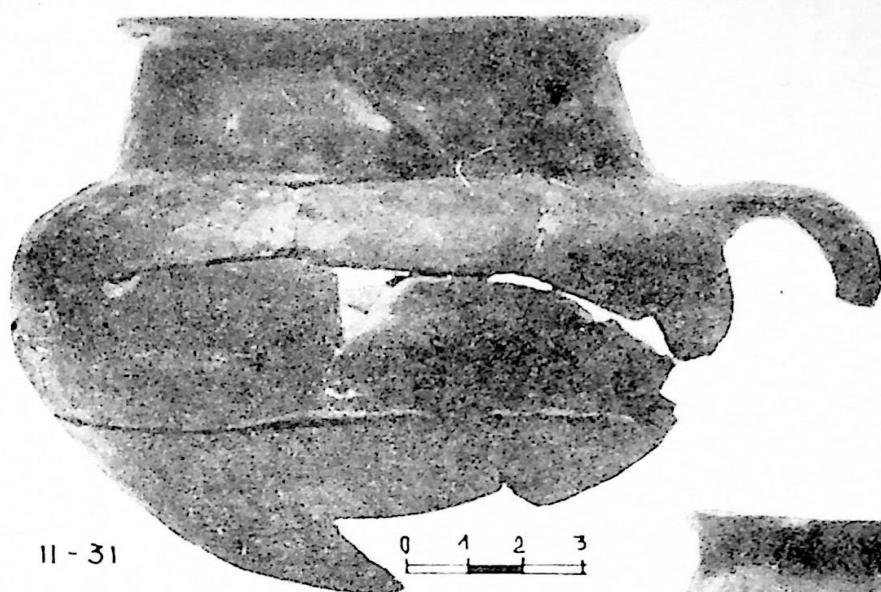


0 1 2 3

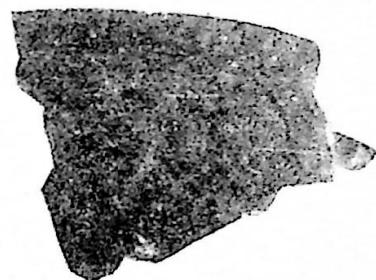
II-35

XLVIII

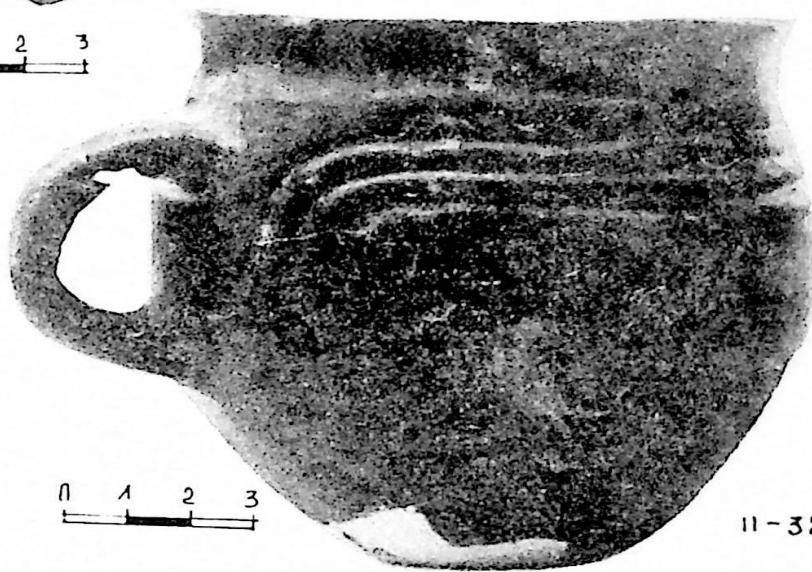




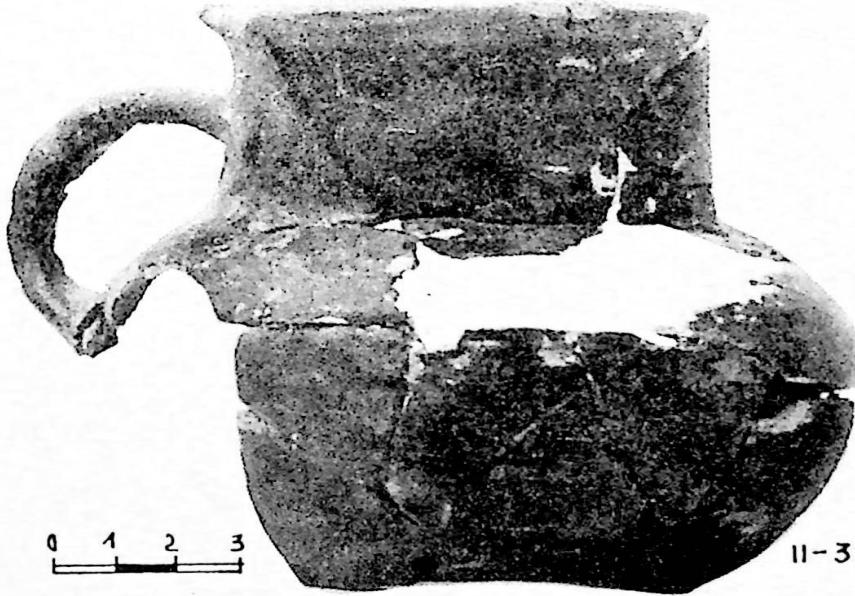
II-31



0 1 2 3



II-32



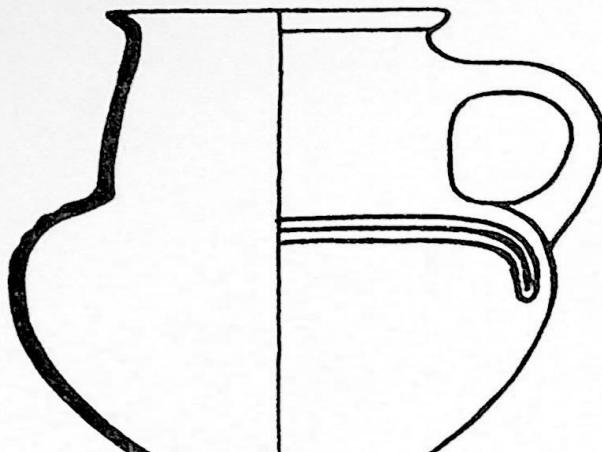
II-33



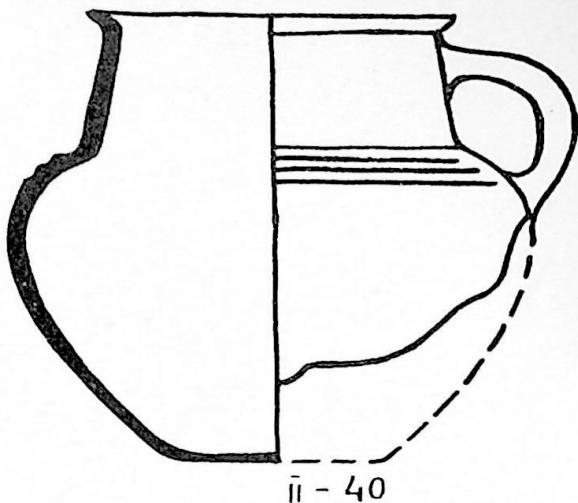
II-48

0 1 2 3

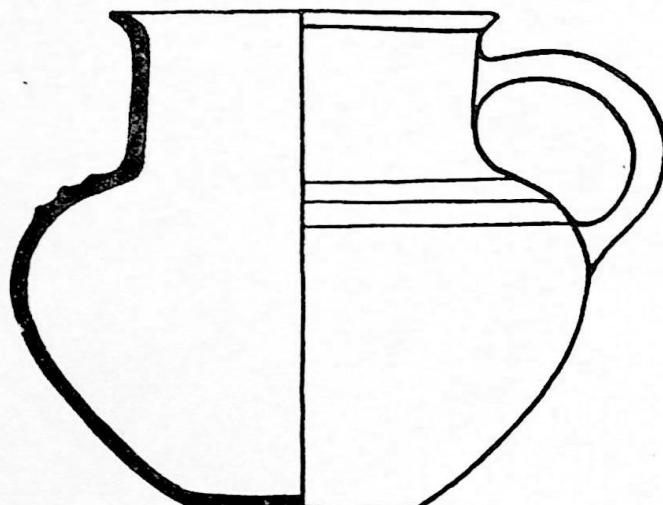
L



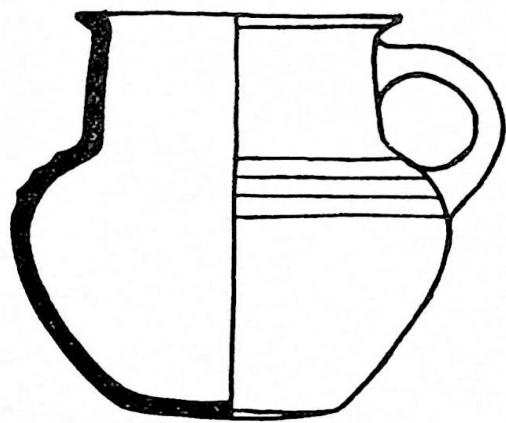
II - 36



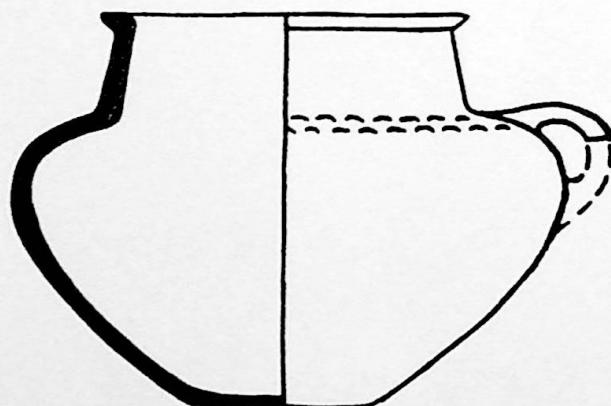
II - 40



II - 33



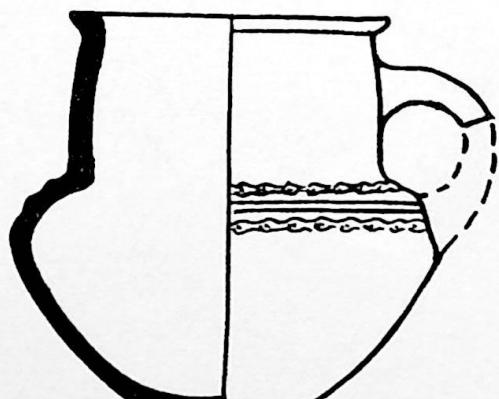
II - 35

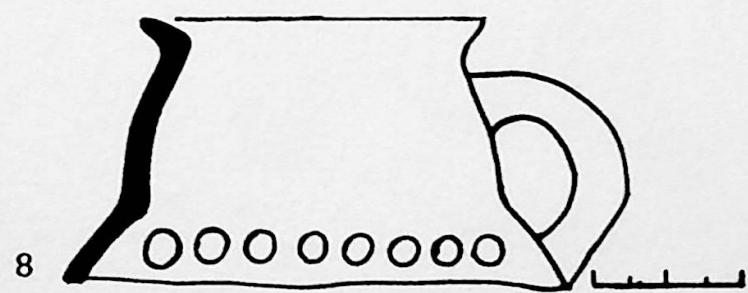
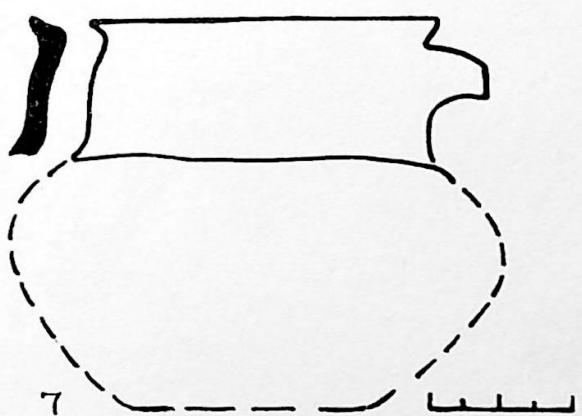
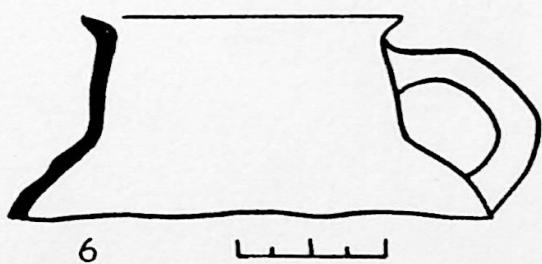
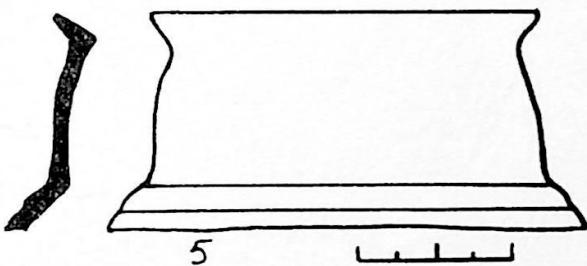
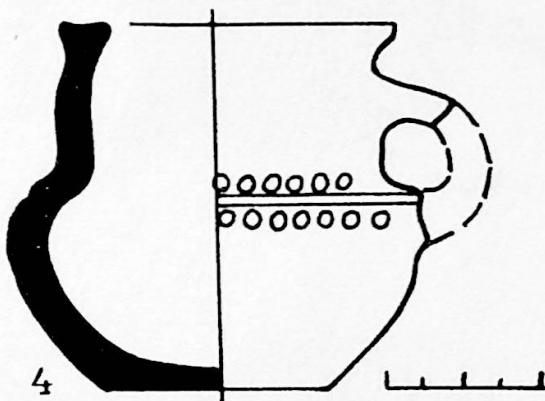
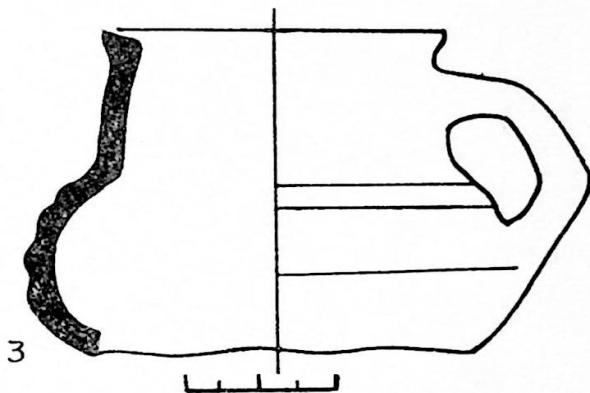
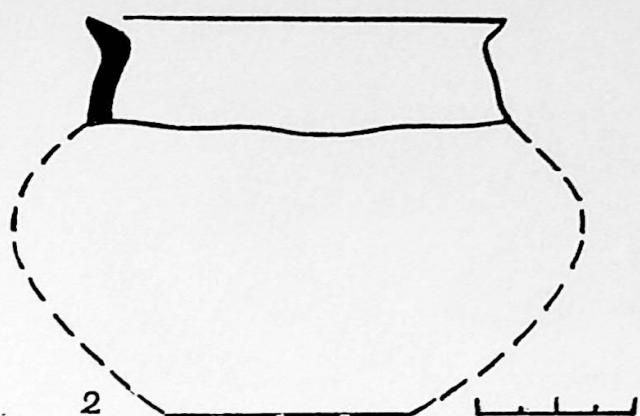
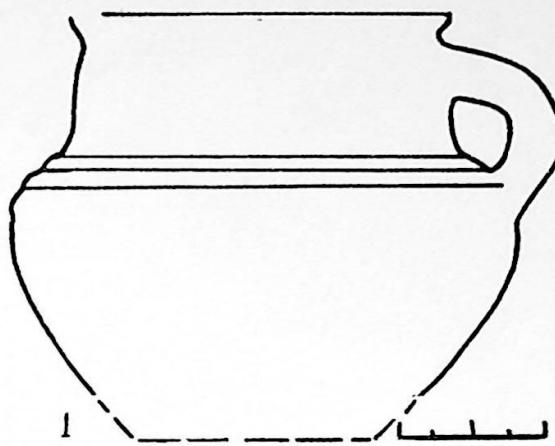


II - 31

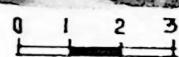


II - 44

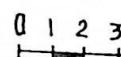
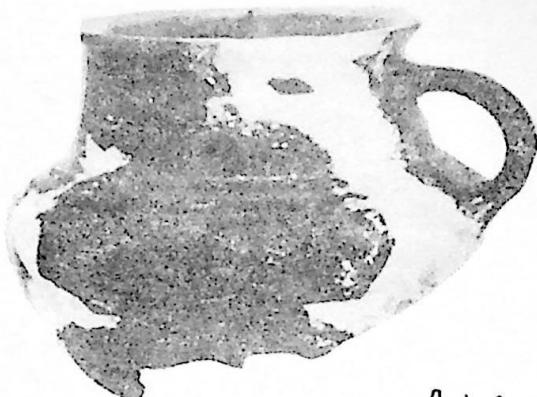




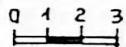
LII



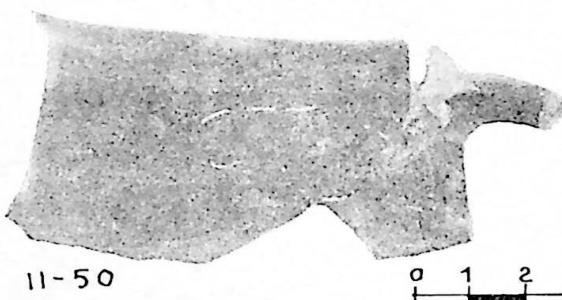
11-59



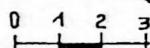
11-40



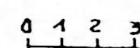
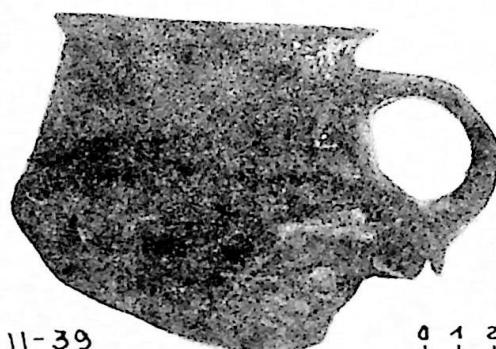
11-46



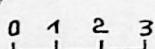
11-50



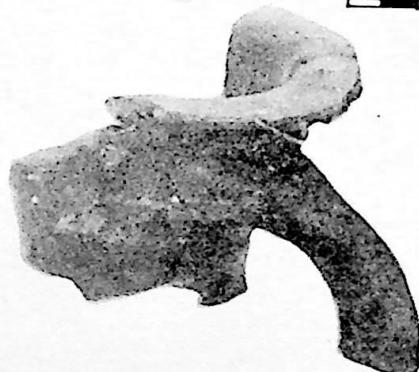
11-53



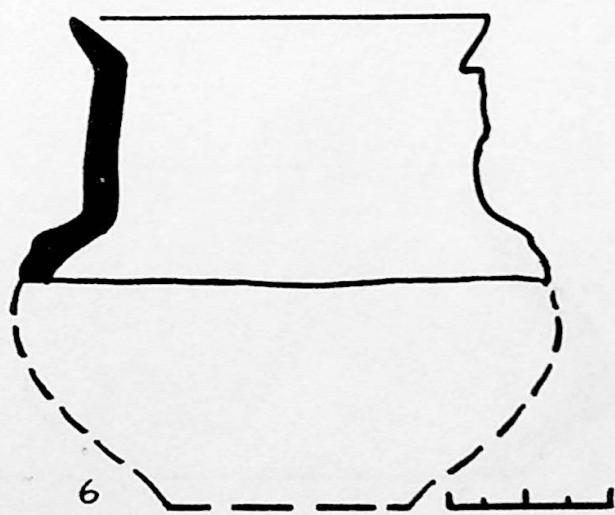
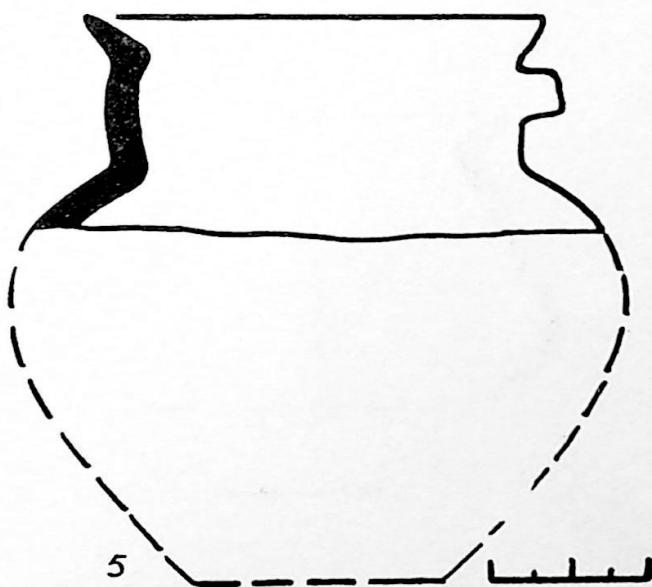
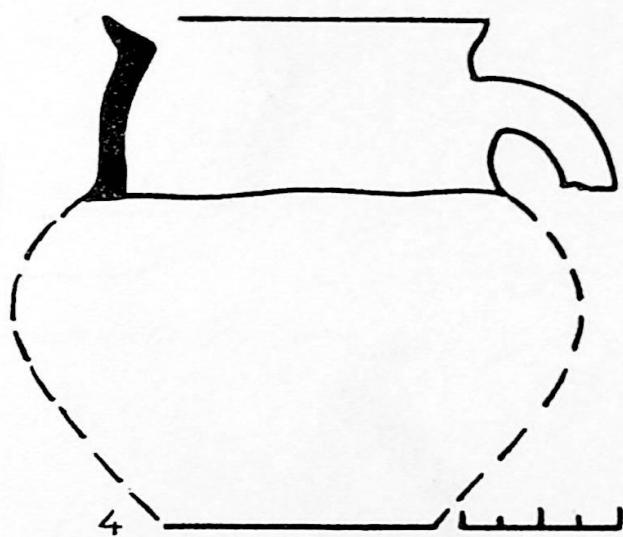
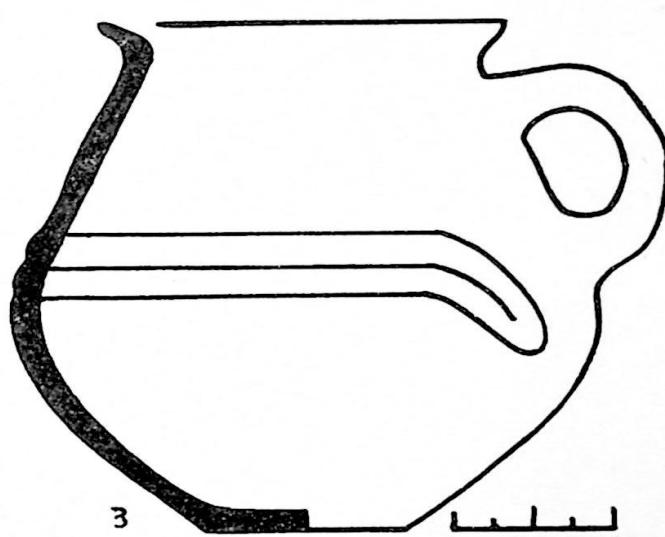
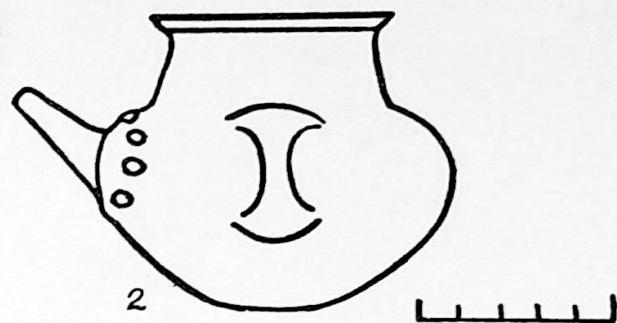
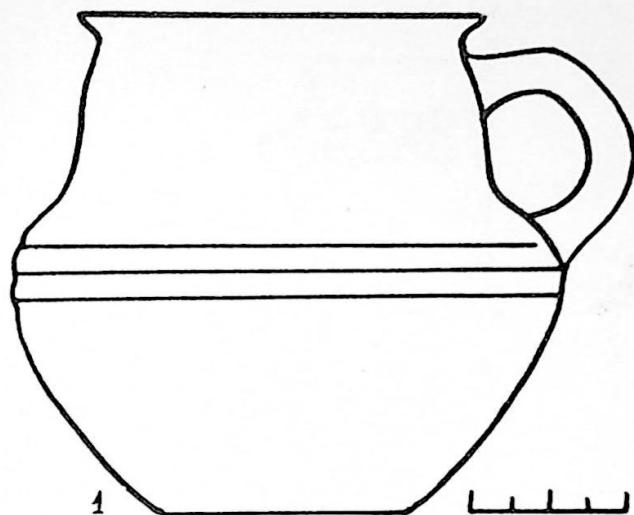
11-39

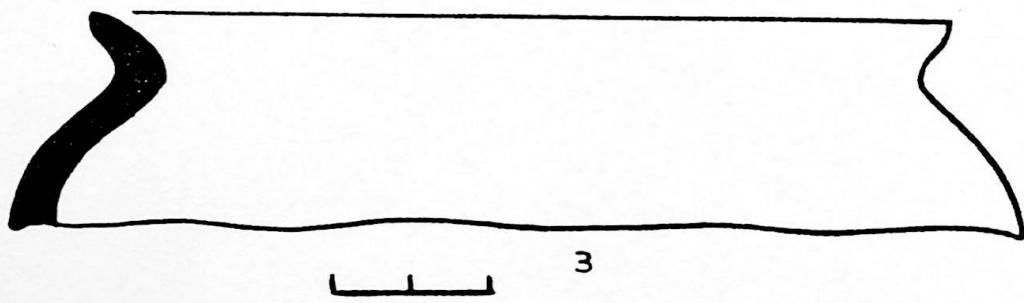
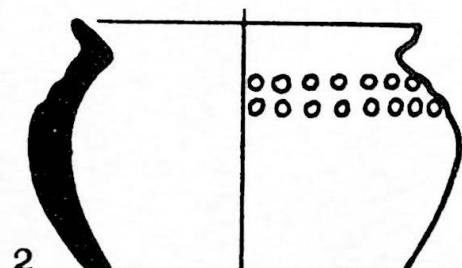
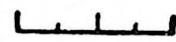
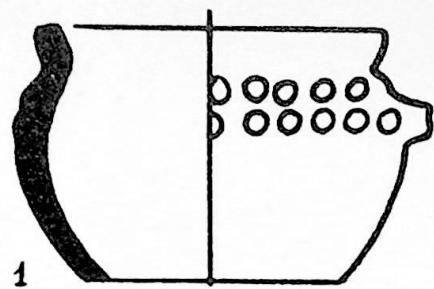


11-56

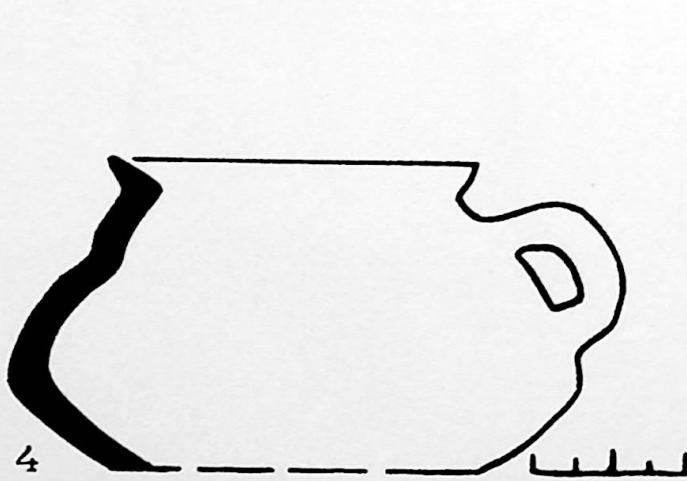


11-58

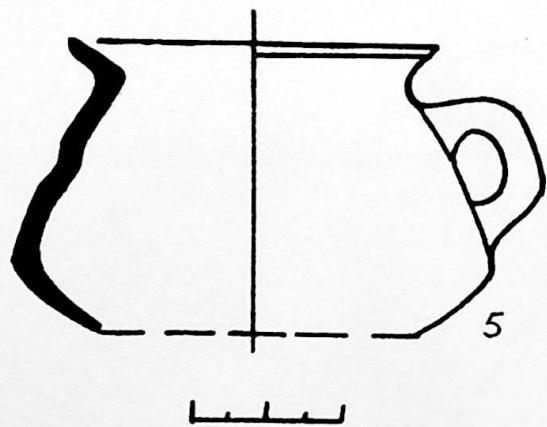




3



4



5

LV



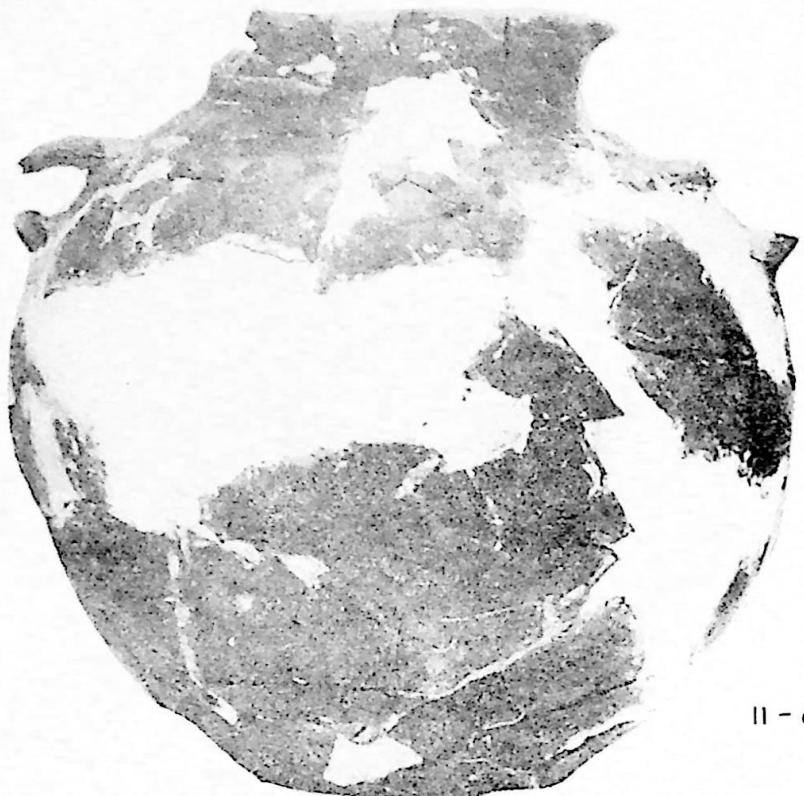
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 cm

W-65



W-62

LVI



II - 66



II - 63



012345

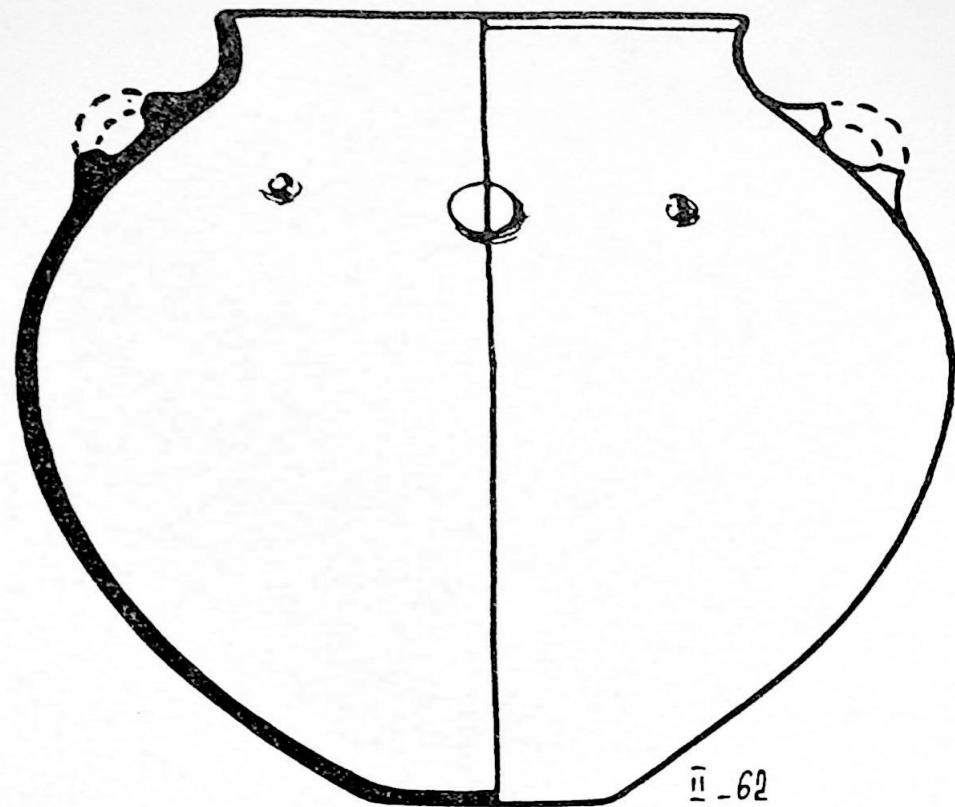
11-67



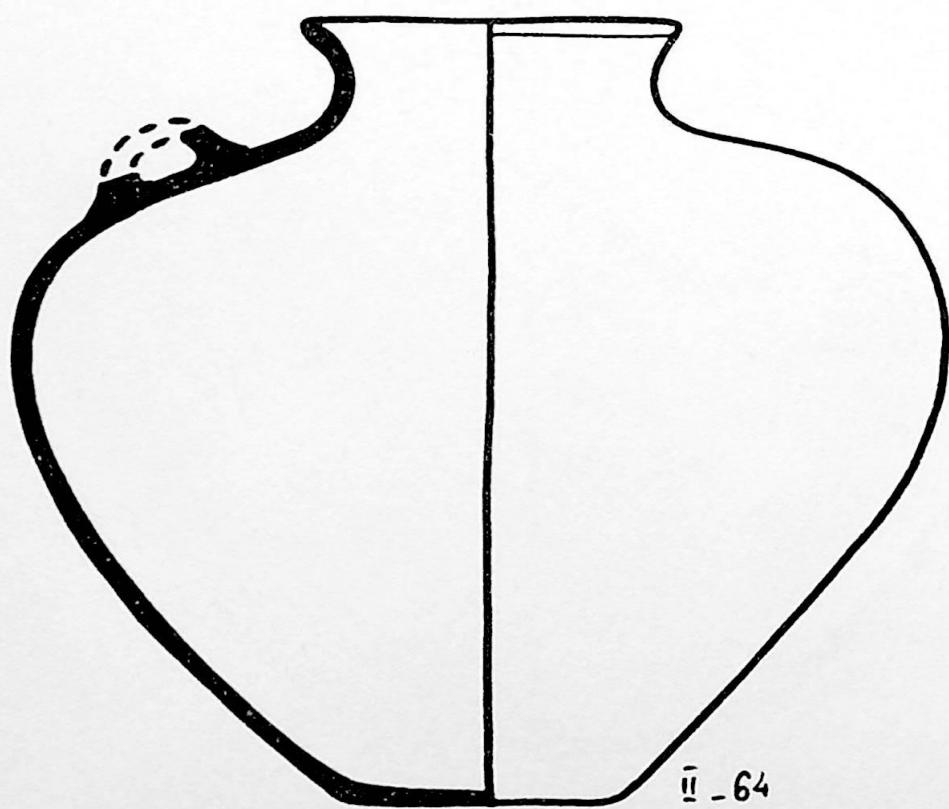
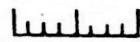
012345

11-64

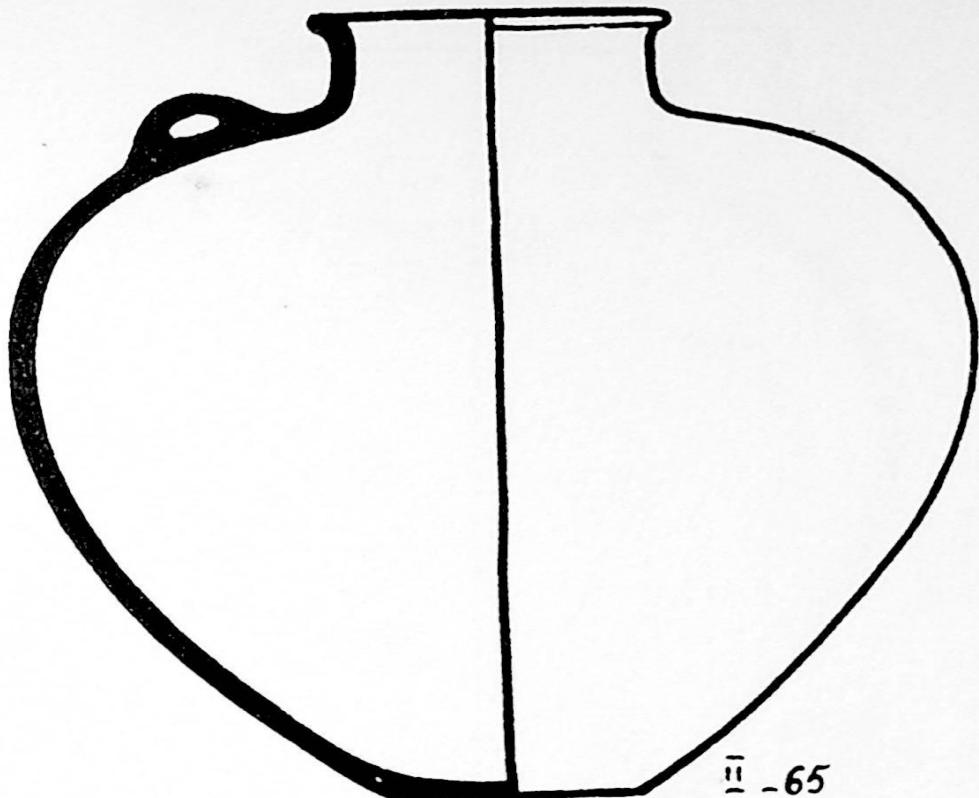
LVIII



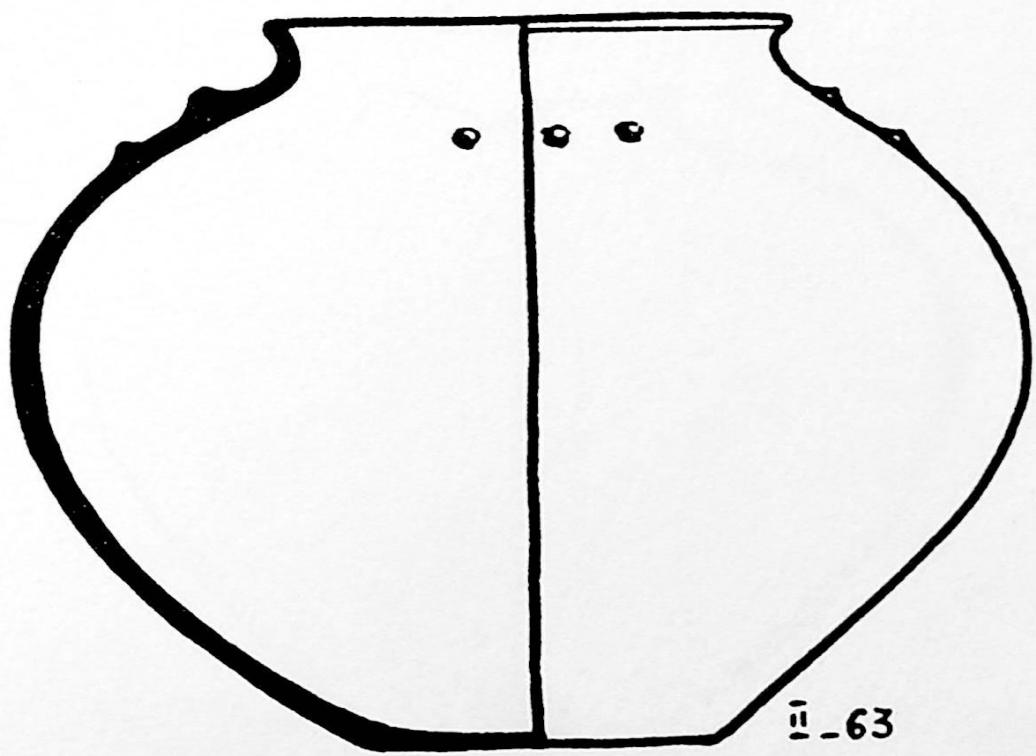
II - 62



II - 64

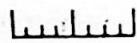
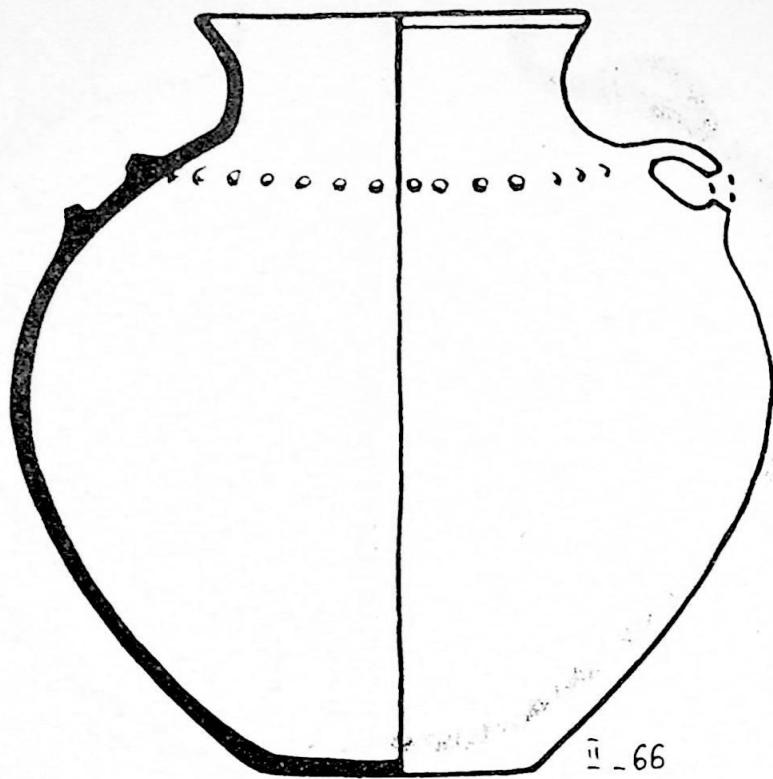


II - 65

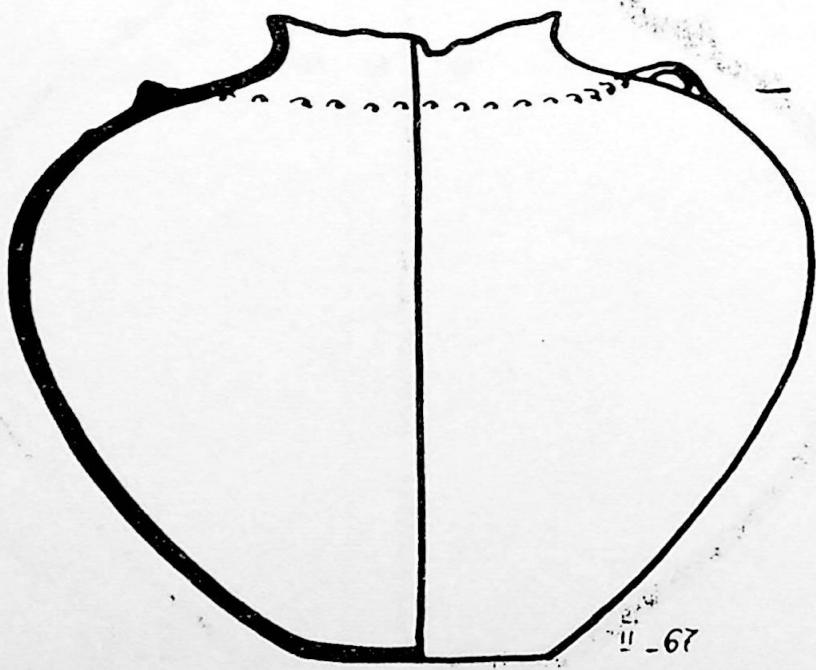


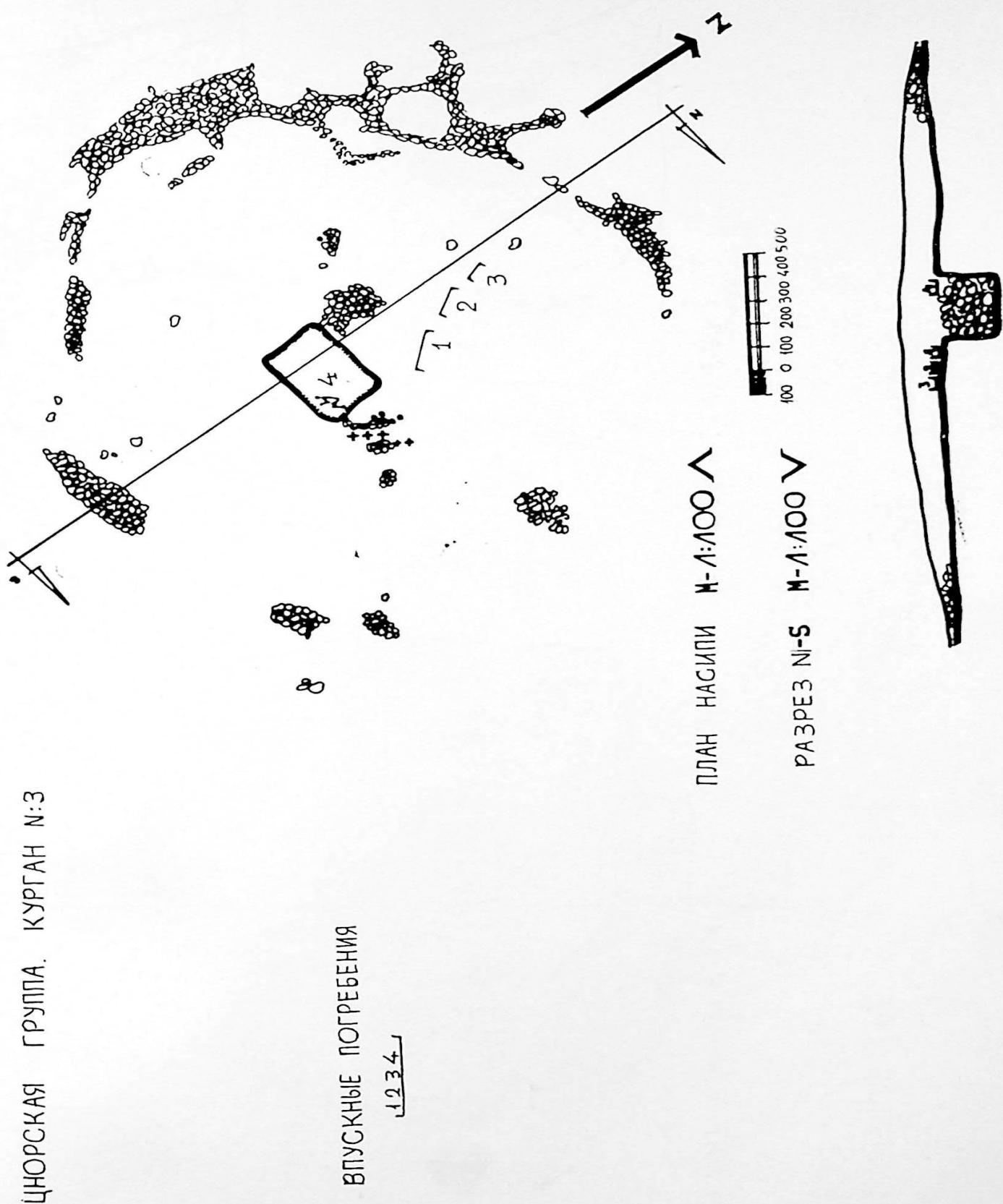
II - 63

LX



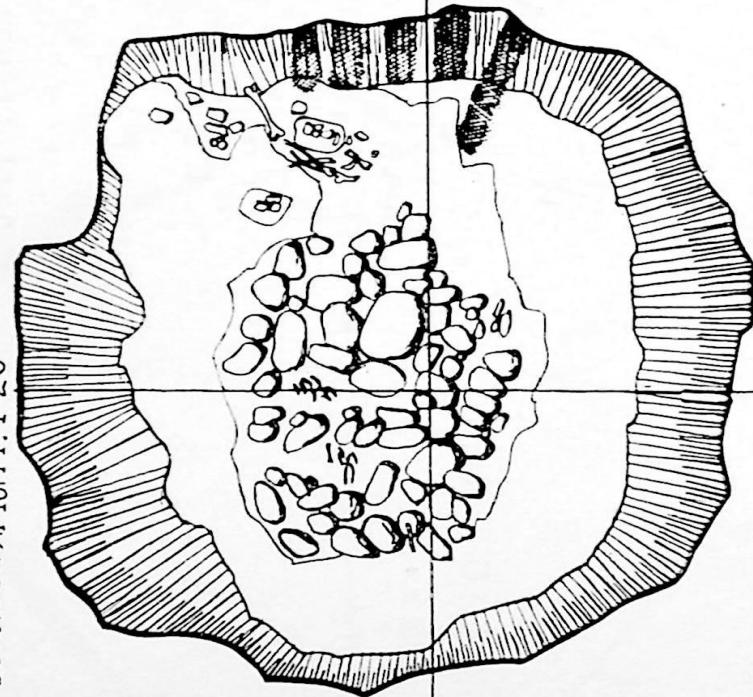
) (





ЦИОРСКАЯ ГРУППА. КУРГАН №3

ПЛАН ПОГРЕБАЛЬНОЙ ЯМЫ М. 1:20



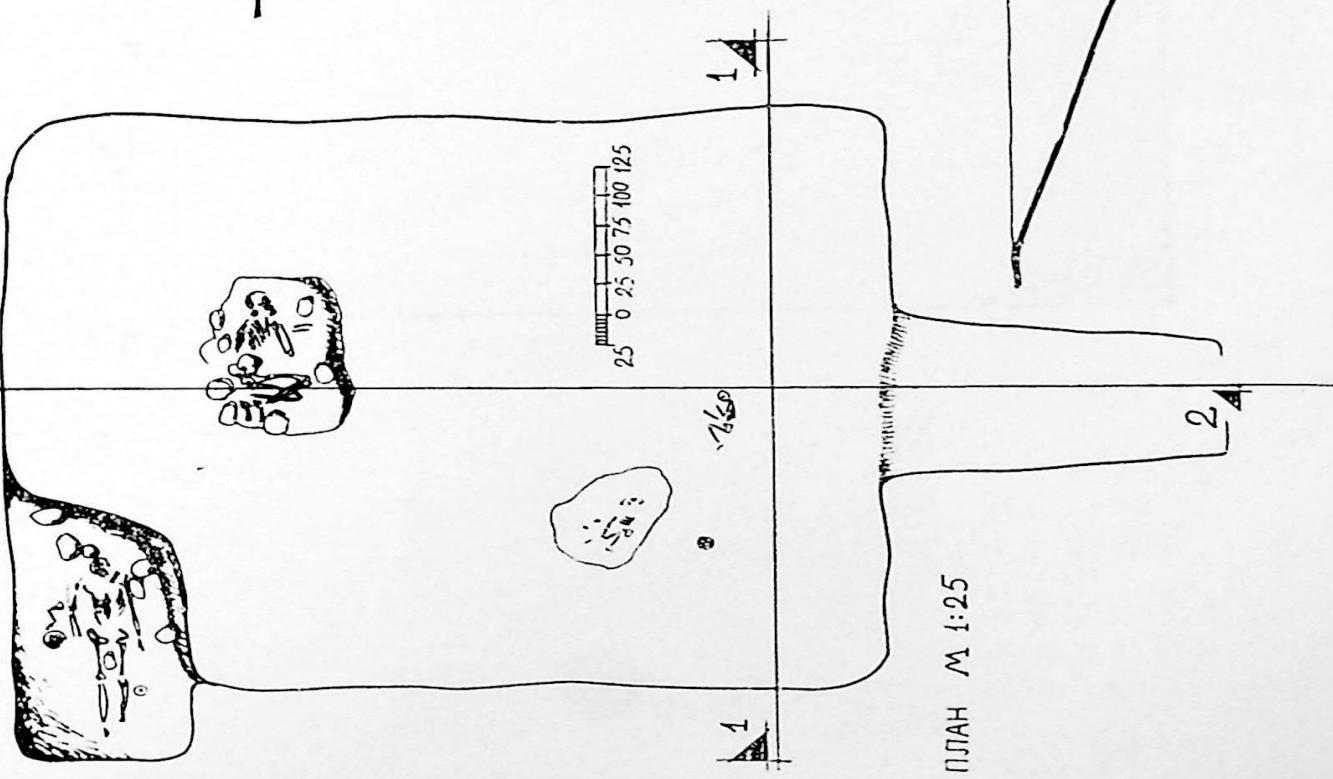
РАЗРЕЗ 1-1 М. 1:20



РАЗРЕЗ 2-2 М. 1:20



ЦИОРСКАЯ ГРУППА² КУРГАН №4



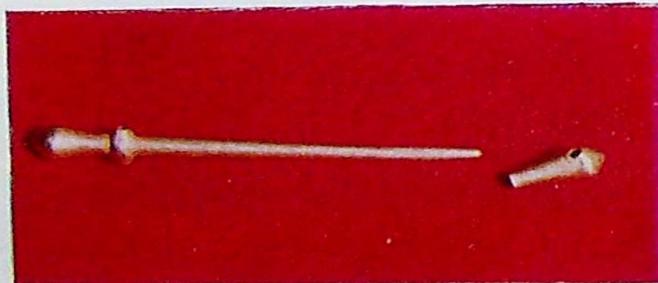
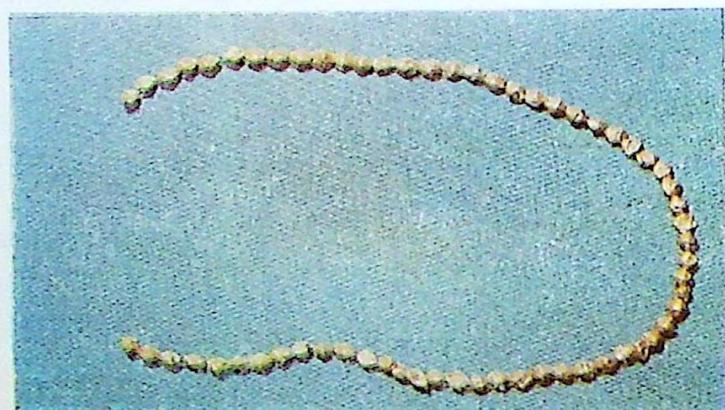
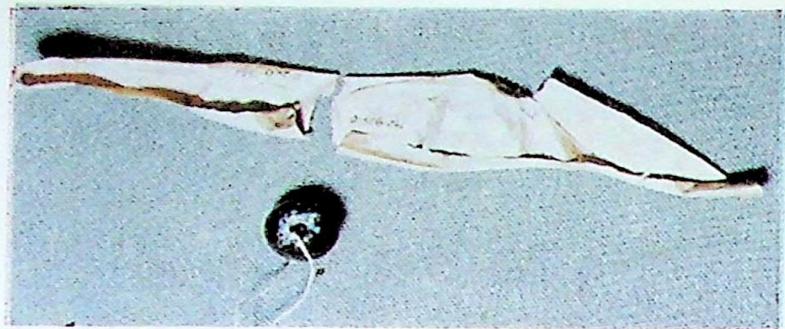
ПЛАН М 1:25

РАЗРЕЗ 2-2 М 1:25

РАЗРЕЗ 1-1 М 1:25









СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Предисловие	16
Введение	18
Памятники	24
Некоторые проблемы изучения курганов Алазанской долины	114
Литература	137
Описание таблиц	140
Описание цветных таблиц	142

Шио Шотаевич Дедабришвили
КУРГАНЫ АЛАЗАНСКОЙ ДОЛИНЫ
(на русском языке)

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

*

Редактор К. Н. Пицхелаури
Редактор издательства Ц. В. Тодуа
Техредактор Ц. В. Камушадзе
Художник Г. А. Надирадзе
Корректор Ц. Г. Китиашвили

Сдано в набор 27.5.1978; Подписано к печати 22.1.1979; Формат
бумаги 70×108¹/₁₆; Бумага № 1; Печатных л. 11.90; Уч.-издат. л. 11.0;
УЭ 01012; Тираж 800; Заказ 1817;
Цена 1 руб. 20 коп.

ვამდიდრობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецнериба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მუც. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19